

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XXI СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Гомель
2025

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XXI СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Матэрыялы Рэспубліканскай
навуковай канферэнцыі

(Гомель, 16–17 кастрычніка 2025 года)

Зборнік матэрыялаў

Навуковае электроннае выданне

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2025

ISBN 978-985-32-0110-9

© Установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”, 2025

УДК 94:39:323.1(476)“18/20”

Беларусь у гісторычнай рэтраспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы [Электронны рэсурс] : Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (Гомель, 16–17 кастрычніка 2025 года) : зборнік матэрыялаў / М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал. : А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Электр. тэкст. дадз. (аб’ём 1,57 MB). – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2025. – Сістэм. патрабаванні: IE ад 11 версіі і вышэй або любы актуальны браўзер, хуткасць доступу ад 56 кбіт. – Рэжым доступу: <http://conference.gsu.by>. – Загаловак з экрана.

ISBN 978-985-32-0110-9

У зборніку прадстаўлены Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі “Беларусь у гісторычнай рэтраспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы”, якая адбылася ў УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны” 16–17 кастрычніка 2025 года. Разгледжаны разнастайныя аспекты айчыннай гісторыі, асвятляюцца праблемы нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, надаецца ўвага разгляду этнакультурных працэсаў у мінульым і сучаснасці.

Адрасаваны навукоўцам, аспірантам, студэнтам, краязнаўцам, настаўнікам.

Матэрыялы канферэнцыі выдаюцца ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдкалегія:

А. Р. Яшчанка (гал. рэд.), С. А. Чаропка,
Дз. М. Талочка, М. І. Старавойтаў

ГДУ імя Ф. Скарыны
246028, Гомель, вул. Савецкая, 104
Тэл.: 50-49-03, 51-03-29
<http://www.gsu.by>

© Установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”, 2025

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ПО ДОСТИЖЕНИЮ РАВЕНСТВА ЖЕНЩИН
И МУЖЧИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНЦЕ ХХ – НАЧАЛЕ ХХI ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЛАНОВ
ПО ДОСТИЖЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА)**

На сегодняшний день вопросы обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин являются одними из приоритетных. Согласно ст. 31 Конституции Республики Беларусь «Женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья» [1].

Одной из целей Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. является равнозначное развитие человеческого капитала женщин и мужчин [2].

Согласно Национальному плану по достижению гендерного равенства: «гендерная политика это комплекс правовых и организационно-административных мер национального и регионального уровней, направленных на достижение и сохранение юридического и фактического равенства мужчин и женщин, а также предоставление равных возможностей женщинам и мужчинам (девочкам и мальчикам) для самореализации и развития во всех сферах общественных отношений» [3].

Социальный статус мужчины и женщины в обществе зависит от различных факторов: институционального, социально-экономического и идеологического. В зависимости от их конфигурации можно выделить следующие типы государственной гендерной политики: *патриархатный, патерналистский, либеральный и эгалитарный*.

Патриархатный тип государственной политики в отношении женщин основан на концепции определенного разделения функций в семье и обществе между мужчиной и женщиной. При этом «естественным» предназначением женщины считаются сферы материнства, воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Мужчине пред назначаются роли субъекта государственной, профессиональной и общественной деятельности, главы и «королища» семьи (например, США и страны Западной Европы первой половины XX в.).

Патерналистский тип государственной политики в отношении женщин характеризуется государственным протекционизмом по отношению к женщине. Для данного типа политики характерно признание юридического равноправия полов, широкое участие женщин в общественном производстве; развитие сферы услуг с целью создания условий для совмещения женщиной репродуктивной, производственной и семейной ролей, создание государственной системы социальной защиты женщин. В основе данного типа политики лежит «контракт работающей матери» (например, СССР).

Либеральный тип государственной политики в отношении женщин стремится уравнять возможности мужчин и женщин в публичной и частной сферах с одной стороны, но дискриминирует по признаку пола в сферах политики, менеджмента и занятости – с другой.

Большинство государственных мер, в рамках перечисленных типов политики, касаются специфических потребностей женщин.

Эгалитарная государственная политика – основана на принципе создания равных условий для самореализации личности во всех социальных сферах независимо от ее половой принадлежности.

Стратегия эгалитарной политики не заменяет, а дополняет традиционную политику, затрагивающую интересы женщин как специфической социально-демографической группы населения. Оба подхода могут существовать параллельно, пока в обществе не начнет складываться благоприятное общественное мнение в отношении равенства полов.

Эволюцию политики по достижению равенства между мужчинами и женщинами в Республике Беларусь в конце XX – начале XXI в. можно проследить через анализ «Национальных планов действий достижению гендерного равенства».

В 1995 г. белорусская делегация приняла участие в Четвертой всемирной конференции по положению женщин в Пекине и подписала основные обязательства по расширению прав и возможностей женщин: Пекинскую декларацию и платформу действий. В 1996 г. был принят первый «Национальный план действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 гг.». Его основным объектом являлись женщины как дискриминируемая группа. Реализация плана возлагалась на комиссию по социальным вопросам Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; комиссию по охране здоровья, физической культуре, делам семьи и молодежи Палаты представителей; управление социально-культурной политики Совета Министров Республики Беларусь; отдел семейной политики и гендерных проблем Министерства труда и социальной защиты. На республиканском уровне план был детализирован в государственной программе «Женщины Республики Беларусь». На местном уровне разрабатывались региональные планы действий или программы, ход их выполнения периодически рассматривался на заседаниях исполнкомов разных уровней и координационных советов. В мае 2000 г. был создан Национальный совет по гендерной политике.

Второй Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства был принят в 2001 году и осуществлялся до 2005 г. В основном план был направлен: на повышение экономической состоятельности женщин через содействие развитию индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса среди женщин; контроль за состоянием условий труда женщин; улучшение репродуктивного здоровья женщин; охрану материнства. Планом предусматривалась продолжение работы по формированию гендерно сбалансированного резерва кадров государственных органов, а также просветительская компания в СМИ [4].

Отличительной особенностью третьего Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2008–2010 гг. было осуществление мероприятий, направленных не только на женщин, но и мужчин (например, раздел «Репродуктивное здоровье») [5].

В результате осуществления положений четвертого Национального плана по обеспечению гендерного равенства на 2011–2015 гг., в 2012 г. при местных исполнительных и распорядительных органах были созданы экспертные рабочие группы по вопросам реализации гендерной политики, а в 2013 г. была проведена гендерная экспертиза национального законодательства [6].

7 февраля 2017 г. Постановлением Совета Министров был принят «Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг.». В 2017 г. Беларусь присоединилась к Группе друзей гендерного паритета, учрежденной в ООН, был учрежден институт Национального координатора по достижению Целей устойчивого развития и Совет по устойчивому развитию [7]. В 2019 г. Трудовой кодекс Республики Беларусь был дополнен ст. 186, обязывающей нанимателя при рождении ребенка предоставить отпуск без сохранения заработной платы отцу (отчиму) сроком до 14 дней.

На сегодняшний день в Республике Беларусь завершается шестой Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2021–2025 гг., целью которого является внедрение в реализацию государственной политики гендерного фактора как условия равнозначного развития человеческого капитала женщин и мужчин. План закрепляет следующие направления развития гендерной политики в Республике Беларусь: совершенствование институционального механизма по обеспечению гендерного равенства; выравнивание социально-экономических возможностей мужчин и женщин, содействие совмещению родительских и профессиональных обязанностей; обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья; противодействие домашнему насилию и торговле людьми; информационно-просветительское сопровождение.

По каждому направлению определяются задачи и ожидаемые результаты, в том числе в рамках работы по достижению ЦУР. Координатором является Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь [3].

Необходимо отметить, что существенным отличием пятого и шестого национальных планов является фокус на расширении гендерной политики в обществе через применение гендерного подхода на всех этапах формирования и реализации государственной политики и во всех областях.

В период с начала реализации Национальный план действий по улучшению положения женщин и по настоящее время Республикой Беларусь достигнуты значительные успехи в достижении равенства женщин и мужчин. Согласно докладу ПРООН о человеческом развитии за 2025 г. Республика Беларусь входит в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития, индекс гендерного развития соответствует группе 1 (паритет в здравоохранении, образовании и доходах), в Индексе гендерного неравенства страна занимает 27 место из 172 [10].

В Беларуси сформирован и действует национальный механизм по разработке и выполнению гендерной политики. Вопросы гендерного равенства входят в компетенцию всех органов государственно управления.

На сегодняшний день в экономике занято 84,5 % женщин трудоспособного возраста, женщины опережают мужчин по удельному весу занятого населения со средне специальным (26,7 % женщины и 19,2 % мужчины) и высшим образованием (42,1 % женщины и 29,5 % мужчины). С другой стороны, среди безработных женщины со средне-специальным образованием составляют 25,0%, с высшим – 29,4 %, а мужчины – 17,7 % и 17,9 % соответственно [9]. Разрыв в заработной плате составляет 27,1%. [10]. Также негативным явлением является существование «гендерной пирамиды».

Таким образом, в конце XX – начале XXI в. государственная политика по достижению равенства женщин и мужчин в Республике Беларусь эволюционирует по пути от патернистского типа к эгалитарному. Однако, несмотря на достигнутые результаты, остаются проблемные вопросы, такие, как разрыв в заработной плате и гендерная пирамида.

Список использованных источников и литературы

1. Конституция Республики Беларусь Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 19.09.2025).
2. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. // Министерство экономики Республики Беларусь – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. (дата обращения: 19.09.2025).
3. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 793 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C22000793_1609880400.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
4. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 18 Конвенции по упрощенной процедуре представления докладов. Восьмой периодический доклад государств-участников, подлежащий представлению в 2016 году. Беларусь // Управление верховного комиссара ООН. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=BLR&Lang=-%20RU (дата обращения: 19.09.2025).
5. Седьмой периодический доклад Республики Беларусь об осуществлении положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин / Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://www.mintrud.gov.by/by/sedmoi_periodicheskii_doklad_rb-by (дата обращения: 19.09.2025).
6. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 авг. 2011 г., № 1101 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 19.09.2025).

7. Национальный план действий по достижению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: <https://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Nats-plan.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).

8. The 2025 Human Development Report // Human Developments Report/ – URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf> (date of access 20. 09.2025)

9. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический буклете / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; предс. редкол. И. В. Медведева И. В. – Минск, 2024. – 28 с.

10. Гендерная статистика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: <https://gender.belstat.gov.by/home/> (дата обращения 19.09.2025).

В. М. Бароўская

АГІТАЦЫЙНА-ПРАПАГАНДЫСЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ ПА АБАРОНЕ ПРАВОЎ БЕЛАРУСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1924–1928)

Пытанне Заходняй Беларусі і разгортвання на яе тэрыторыі нацыянальна-вызваленчага і рэвалюцыйнага руху, накіраванага на вырашэння шматлікіх сацыяльна-эканамічных і ў тым ліку палітычных праблем (далучэнне да БССР і СССР), неаднойчы становілася прадметам дыскусіі паміж Савецкай Беларуссю і Польшчай у 1921–1939 гг. Пры гэтым заходнебеларуская праблематыка ў савецка-польскіх адносінах міжваеннага перыяду ўзнікала выключна па ініцыятыве беларускага савецкага кірауніцтва і пры падтрымцы Народнага камісарыята замежных спраў РСФСР (СССР), выклікаючы абвастрэнне двухбаковых зносін. Калі да пачатку 1927 г., агульны тон дыпламатычнай перапісі паміж бакамі задаваўся праблемай выканання VII артыкула Рыжскага мірнага дагавора, аб абароне свабоднага рэлігійнага і культурнага развіцця беларускага насельніцтва ў Польшчы (ноты 21 жніўня 1921 г., верасня 1924 г.), то пачынаючы са студзеня 1927 г. былі ўнесены значныя карэктывы. У першую чаргу яны былі звязаныя з агульнымі палітычнымі зменамі ў Польскай дзяржаве (прыход да ўлады ў маі 1926 г. Ю. Пілсудскага і актывізацыя курса на дзяржаўную асіміляцыю непольскага насельніцтва) прывялі да пачатку працэсу, накіраванага на задушэнне беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, да разгрому Беларускай сялянска-работніцкай Грамады і арышту яе кіраунікоў і актыўных дзеячоў. Гэтыя дзеянні польскага кірауніцтва выклікалі рух супраціўлення ў Савецкай Беларусі і адначасовага правядзення шырокай грамадскасцю і прэсай акцый падтрымкі актыўных дзеячоў Заходняй Беларусі.

У пастанове Бюро ЦК КП(б)Б “Аб белым тэроры і голадзе ў Заходняй Беларусі” ад 1 лютага 1927 г. адзначалася, што “ў сувязі са становішчам у Заходняй Беларусі і кампаніямі, якія праводзяцца КПЗБ (супраць тэрора і барацьба з голадам), лічыць неабходнымі правядзенне ў БССР шырокай кампаніі пратэсту супраць тэрора ўраду Ю. Пілсудскага ў Заходняй Беларусі, дапамогі галадаючым раёнам у Заходняй Беларусі” [1, арк. 92]. Сярод прапанавых мераў прапаноўваліся: арганізацыя шырокай агітацыйнай кампаніі у прэсе (рэдакцыям газет у БССР прадпісвалася “сістэматычнае разгортванне і правядзенне кампаніі настаслонках друку праз узмацненне асвятлення ў друку становішча ў Заходняй Беларусі (спецыяльныя аглядныя артыкулы аб становішчы ў Заходняй Беларусі, палітыцы ўраду, працы КПЗБ і інш.); распрацоўка разам з Прадстаўніцтвам КПЗБ у Мінску шэраг матэрыялаў аб Заходняй Беларусі для друку; усебаковае асвятленне палітычных выступленняў рабочых і сялян БССР на падтрымку барацьбы працоўных Заходняй Беларусі супраць тэрора; адкрыццё на старонках друку збор сродкаў для галадаючых у Заходняй Беларусі і для сямей

пацярпелых ад тэрура”). Таксама прызнавалася неабходным правядзенне агітацыйнай працы сярод усіх арганізацый КП(б)Б, з акцэнтаваннем увагі “на асвятленне вельмі жабрацкага становішча працоўных мас у Заходній Беларусі, як вынік уладарання капіталістаў і памешчыкаў і нацыянальнага прыгнечання Заходній Беларусі польскім фашисцкім урадам; усе большае абастрэнне класавых супяречнасцей пры фашисцкай дыктатуры Ю. Пілсудскага і рост у сувязі з гэтым рабочага, сялянскага і нацыянальнага рухаў па ўсёй Польшчы і асаблівае заастрэнне барацьбы на Заходній Беларусі; выкryццё правакацыйнай палітыкі Ю. Пілсудскага, які імкнецца выклікаць на Заходній Беларусі заўчастныя ўзброеныя выступленні, даведзенага да крайняга абурэння беларускага сялянства, каб разграміць па частках рэвалюцыйны рух Польшчы і заліць морам крыві і высунуць наперад нацыянальна-фашисцкі рух у Заходній Беларусі і забяспечыць сабе тыл у сувязі з падрыхтоўкай Польшчы да вайны з СССР; выкryццё нацыянальнай палітыкі Ю. Пілсудскага, які імкнецца да “заспакаення крэсаў”, шляхам подкупу і дробных уступак вярхушцы беларускай дробнай буржуазіі і інтэлігенцыі і размовамі аб аўтаноміі і федэрациі, каб стварыць у масах уражання аб змене курса ў нацыянальной палітыцы, а насамрэч прыкryць моцны тэрор і падрыхтоўку поўнага разгрому ўсяго нацыянальна-вызваленчага рэвалюцыйнага руху рабочых і сялян у Заходній Беларусі. Асобую ўвагу павінна надзяліць выкryццю так званых “федэралісцкіх планаў” Ю. Пілсудскага і “незалежніцкіх” ідэй контррэвалюцыйных беларускіх груповак, пад прыкryццём якіх хаваецца захоп БССР, УССР, а таксама і Літвы і аб’яднанне іх з Польшчай пад маскай “федэрациі”; супрацьпастаўленне становішчу ў Заходній Беларусі дасягненні рабочых і сялян у БССР (ва ўсіх галінах) як вынік дыктатуры пралетарыяту на аснове рабоча-сялянскага саюза пад кіраўніцтвам КП(б)Б; шырокое тлумачэнне ўсёй важнасці значэння неабходнасці палітычнай падтрымкі і практычнай дапамогі (збор сродкаў і хлеба для галадаючых раёнаў і сямей пацярпелых ад тэрура) рабочых і сялян БССР сваім братам у Заходній Беларусі з іх герайчнай барацьбе супраць фашисцкай дыктатуры [1, арк. 92].

2 лютага 1927 г. загадчык аддзела друку ЦК КП(б)Б А. А. Сянкевіч усім рэдактарам газет БССР загадваў у закрытай дырэктыве ў сувязі з “печатай кампаніяй Заходній Беларусі”: 1) інфарміраваць усіх працоўных БССР аб становішчы ў Польшчы, асабліва ў Заходній Беларусі, аб адпаведных задачах, у сувязі з гэтымі момантамі з агульным міжнародным і ўнутраным становішчам і задачамі СССР; 2) узняць класавую нянявісць рабочага і селяніна да фашисцкай дыктатуры Ю. Пілсудскага, паказаць у прэсе аформлены пратэст з абурэннем супраць фашисцкага тэрора; 3) усім газетам прыняць актыўны ўдзел у кампаніі па зборы грашовых сродкаў пацярпелым ад белага тэрора ў Заходній Беларусі і іх сем'ям; 4) адначасова па зборы хлеба і грошай для галадаючага насельніцтва Заходній Беларусі шляхам арганізацыі выклікаў, развіваючы шырокую кампанію ў насценных газетах, праз далучэнне да гэтай працы ўсёй рабселькораўскай арміі. Рэдактары газет, пад асабістую адказнасць, павінны праглядаць усе артыкулы і нататкі, звязаныя са становішчам у Заходній Беларусі і Польшчы, не дапускаючы ніякіх двусэнсоўнасцяў, якія маглі быць доказам на існуючую сувязь Грамады і КПЗБ [2, арк. 5].

Сакратарыят ЦК КП(б)Б усім сакратарам акружных камітэтаў 15 лютага 1927 г. прадпісваў “ва ўсёй акрузе ў горадзе і асабліва на вёсцы арганізаваць кампанію Заходній Беларусі, і скончыць яе да 1 сакавіка. Кампанію вядуць партыя і непасрэдна пад яе кіраўніцтвам камсамол. Ініцыятыва, арганізацыя сходаў, падрыхтоўка грамадской думкі, разшэнняў і рэзалюцый, усе гэта робіць партыя і па яе даручэнні камсамол праз прафсаюз, Міжнародную арганізацыю дапамогі барацьбітам рэвалюцыі (МАДР), Камітэт сялянскай узаемадапамогі”. У якасці задач кампаніі ўказваліся: “інфармаванне ўсіх працоўных БССР аб становішчы ў Польшчы, асабліва ў Заходній Беларусі, аб адпаведных задачах працоўных БССР аб сувязі гэтых момантаў з агульным міжнародным і ўнутраным становішчам і задачамі нашай краіны; узняцце класавай нянявісці рабочага і селяніна да фашисцкай дыктатуры Ю. Пілсудскага, з мэтай аформлення пратэсту абурэння супраць фашисцкага тэрора, tym самым яшчэ больш аб’яднаць рабочых і сялян вакол саветаў і партыі; аказацьне рэальны

і сур'ёзной грашовай дапамогі пацярпелым ад белага тэрора ў Заходній Беларусі і іх сем'ям, рэальны і сур'ёзной дапамогі хлебам і грашыма галадаючаму насельніцтву, асабліва дзесям Заходній Беларусі; узняцце яшчэ больш энергію мас у справе гаспадарчага і культурнага ўмацавання БССР і ўсяго СССР, асабліва прасунуць наперад справу ваенізацыі і аховы краіны, усё гэта павінна быць у масавай свядомасці адказам на шалёны тэрор фашызма за мяжой” [1, арк. 34]. У мэтых правядзенне агітацыйна-прапагандысцкай кампаніі па гарантаванні і абароне правоў беларусаў у Заходній Беларусі прапаноўвалася выкарыстоўваць як міжнародныя (Міжнародны жаночы камуністычны дзень), агульнасаюзныя (10-годдзе Кастрычніцкай рэвалюцыі), так і агульнарэспубліканскія святы (вызваленне г. Мінска ад польскіх войск 11 ліпеня) [2, арк. 24].

6 ліпеня 1927 г. Сакратарыят ЦК КП(б)Б паведамляў усім акружным камітэтам КП(б)Б аб мэтазгоднасці і надзвычайнай важнасці правядзення працы сярод польскага насельніцтва ў БССР у асаблівасці ў пагранічных раёнах сярод рабочых і бядняцка-серадняцкай часткі польскага сялянства: 1) на працу сярод палякаў рабочых (у асаблівасці чыгуначнікаў, членаў Рабземлеса, хімікаў) праз далучэнне іх у грамадскую і савецкую працу, ажывіўшы масавую і палітыка-асветную працу сярод іх па лініі прафсаюза (арганізацыя гурткоў); 2) на ажыўленне працы ў польскіх клубах і польскіх шляхам умацавання секцыі моладзі, драмгурткоў, харавых, спартыўных, ваенізацыі); 3) узмацніць палітычную працу сярод польскай інтэлігенцыі ў асаблівасці сярод настаўнікаў, уводзячы курс на раслаенне яе, адсякаючы ад грамадской працы варожых нацыяналістычных элементаў і прыцягненне лепшых элементаў да больш блізкага супрацоўніцтва з партыяй і савецкай уладай; 4) на вёсцы трэба звярнуць увагу на ліквідацыю ўсялякіх момантаў, якія могуць даць повад размовам аб фактычнай няроўнасці польскага насельніцтва ў пароўненні з іншымі нацыянальнасцямі (абкладанне сельгаспадаткам, прадстаўленне лесу). Указвалася на неабходнасць узмацнення “працы па палітычнай дыферэнцыяцыі польскіх сялян, вырываючы з-пад уплыву кулакоў і ксяндзоў бядняцкія і серадняцкія масы, якія ідуць яшчэ ў некаторых месцах з кулакамі на грунце нацыянальнай прыналежнасці і рэлігіі” [2, арк. 88].

2 красавіка 1927 г. сакратар ЦК КП(б)Б звяртаўся ў Палітбюро ЦК УКП(б) з просьбай аб стварэнні Камітета дапамогі пацярпелым ад неўраджаю ў Заходній Беларусі. Як падкрэслівалася ў лісце, “арганізацыя Камітэта дапаможа нам рэалізаваць сабраныя сродкі для Заходній Беларусі, павялічыць за мяжой, асабліва ў Польшчы, палітычнае значэнне праведзенай у БССР кампаніі. Кампанія дапамогі Заходній Беларусі ў БССР пакуль дала 46 тыс. рублей, 1 000 пудоў хлеба. На справу дапамогі пацярпелым ад няўраджаю ў Заходній Беларусі мы зараз маем 23 000 руб., пасколькі Камітэт грамадской узаемадапамогі і МАДР гроши на агульную мету дапамогі ахвярам тэрора і галадаючым лічым мэтазгодным раздзяліць на дзве часткі, з тым, каб іншыя 23 000 р. пайшлі праз МАДР на справу дапамогі зняволеным у турмы Заходній Беларусі і іх сем'ям. Лічым найбольш мэтазгодным усе гроши рэалізаваць у хлеб (прыкладна 15 тыс. пудоў хлеба), закупіўшы іх тут, прад'яўляючы іх да адпраўцы ў Польшчу, як хлеб сабраны сялянамі БССР. Астатнія сродкі мэтазгодна перавесці грашыма”. У Камітэт дапамогі пацярпелым ад неўраджаю ў Заходній Беларусі неабходна было ўключыць прадстаўнікоў Цэнтральнага камітэта сялянскіх камітэтаў грамадской узаемадапамогі, МАДР, ЦСПСБ, Чырвонага Крыжа, рабочай кааперацыі, саюза спажыўчай кааперацыі і сельскагаспадарчай кааперацыі, Саюза кустарна-прамысловай кааперацыі. У сваю чаргу праз Упраўленне ўпаўнаважанага Народнага камісарыята замежных спраў (НКЗС) СССР пры СНК БССР С. Л. Казюру планавалася прадпрынімці намаганні перад польскім бокам па пропуску хлеба сабранага на дапамогу насельніцтва Заходній Беларусі пацярпеламу ад няўраджаю. Пры гэтым “дапамога ахвярам тэрора і іх сем'ям з сабраных сродкаў праводзіць па лініі МАДР” [2, арк. 101–101ад].

18 сакавіка 1928 г. Г.В. Чычэрын інфармаваў І. В. Сталіна, членаў Палітбюро ЦК УКП(б), Калегіі НКЗС СССР, сакратара ЦК КП(б)Б В. Г. Кнорына. У ім народны камісар замежных спраў СССР указваў на атрыманне просьбы ад ЦК КП(б)Б да Палітбюро ЦК УКП(б)

аб санкцыянаўні арганізацыі Камітэта навуковых працаўнікоў і пісьменнікаў па абароне Беларускай грамады. Па гэтым пытанні Калегія НКЗС СССР мела меркаванне, па прапанове ЦК КП(б)Б праз упайаважанага НКЗС СССР пры СНК БССР, адобраць усю гэтую акцыю. Аднак Г. В. Чычэрын выказаўся катэгарычна супраць накіравання зварота ад Камітэта навуковых супрацоўнікаў да польскага суда ў Вільні па прычыне немэтазгоднасці “стварэння прэзэндэнта звароту нашых грамадскіх арганізацый да польскіх судоў па палітычных працэсах, бо на гэта палякі малі б адказаць пасылкай грамадскіх працэсаў, збіраннем подпісаў, петьцый і г.д. адносна нашых палітычных працэсаў супраць польскіх ксяндзоў, разведчыкаў, шпіёнаў і г.д., апублікаваць іх у сваіх газетах і мабілізаваць такім чынам супраць нас грамадскую думку адпаведных колаў Польшчы. Цалкам дастатковым на нашу думку было бы апублікаванне ў нашай прэсе пратэста Камітэта навуковых працаўнікоў і пісьменнікаў па абароне Беларускай Грамады. Гэта пратэст ТАСС, канешне, перадаў бы за мяжу” [1, арк. 101]. Гэта меркаванне Калегіі НКЗС СССР было ўзгоднена Б. С. Стаманяковым з ЦК КП(б)Б, у асобе А. С. Славінскага. Акрамя гэтага ўказавалася на неабходнасць узгаднення з Калегіяй НКЗС СССР “кандыдатуры членаў дэлегацый якай павінна быць даслана за мяжу для арганізацыі кампаніі пратэсту супраць працэсу Беларускай грамады”.

4 сакавіка 1928 г. быў агучаны зварот Камітэта навуковых працаўнікоў і пісьменнікаў БССР па абароне БСРГ да працтаванікаў навукі і культуры сусветнай грамадскасці з патрабаваннем арганізацаць акцыі пратэсту супраць палітыкі польскага ўраду ў Заходній Беларусі. У ім выказваўся пратэст супраць “палітыцы жорскай паланізацыі і фізічнага знішчэння беларускай нацыянальнасці і найцяжэйшага сацыяльнага ўціску”, заклік да навуковых працаўнікоў Заходу звярнуць увагу на “барбарскія ўчынкі польскага ўраду, якія на вачах усяго цывілізаванага свету разбурвае культуру беларускіх мас”, «не спыняеца перад парушэннем дэпутацкай недатыкальнасці, арыштаваўшы пераважную большасць беларускіх паслоў без згоды сейма”. Яго падпісалі вядучыя навукоўцы рэспублікі, у тым ліку Я. Купала, Я. Колас, В. Д. Дружыц, С. М. Некрашэвіч, М. М. Нікольскі, А. М. Вазнясенскі, У. М. Перцаў, І. В. Воўк-Левановіч, Я. А. Барычэўскі і іншыя [3, с. 92].

Штуршком да ажыццяўлення агітацыйна-прапагандысцкай кампаніі кіраўніцтвам Савецкай Беларусі па абароне і гарантаванні правоў беларускага насельніцтва ў Заходній Беларусі ў 1924–1928 гг. стала антыбеларуская палітыка польскага ўраду, накіраваная на задушэнне беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, разгром БСРГ і арышт яе актыўных дзеячаў. Арганізацыя шырокай кампаніі пратэсту Сакратарыятам ЦК КП(б)Б была распачата праз друкаваныя сродкі масавай інфармацыі, наладжванне працы партыйных і грамадскіх суполак, стварэнне Камітэтаў дапамогі пацярпелым ад неўраджаю ў Заходній Беларусі, навуковых працаўнікоў і пісьменнікаў БССР.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 3033.
2. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 3030.
3. Польша – Беларусь. 1921–1953 : сб. документов и материалов / сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. – Мн. : Беларусь, 2011. – 423 с.

I. Г. Бачыла

ШЛЯХ ДАСЛЕДЧЫКА: БІЯГРАФІЯ І НАВУКОВЫ ЎКЛАД ПРАФЕСАРА М. Ф. ПІЛІПЕНКА Ў РАЗВІЦЦЁ АЙЧЫННАЙ ЭТНАЛОГII

Міхаіл Фёдаравіч Піліпенка (1936–2025 гг.) з’яўляеца адной з ключавых фігур у беларускай навуковай прасторы другой паловы XX – пачатку ХХІ ст. Член-карэспандэнт

Нацыянальной акадэміі навук Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар – яго навуковая дзеянасць аказала глыбокі ўплыў на развіццё айчыннай этналогіі. Біяграфія і навуковы шлях М. Ф. Піліпенка – прыклад асобаснага подзвігу, пераадолення цяжкасцяў дзеля служэння навуцы.

Міхаіл Фёдаравіч нарадзіўся 19 мая 1936 г. у вёсцы Нежыхаў, што на Гомельшчыне. Яго раннія гады праішлі ў цяжкіх умовах: ваеннае ліхалецце, акупацыя, разбурэнне і голад пакінулі істотны след у яго лёсе. Пасля вызвалення Беларусі ён апынуўся ў дзіцячым доме непадалёку ад Брагіна: “Школа была сямігадовая. Усіх дзяцей вырашылі накіраваць у адну школу... каму шэсць, сем, дзесяць, трынаццаць, чатырнаццаць. Вялікія былі класы. Па сорак чалавек. На сорак чалавек – адзін буквар. І настаўніца магла выклікаць адзін раз у месяц. Буквар быў як раз у старшых. І малым не давалі асабліва. Я гэты буквар бачыў толькі тады, калі мяне настаўніца выклікала, каб я штосьці прачытаў. А што я мог прачытаць? Яна ставіла двойку. А быў такі парадак у дзіцячым доме: калі атрымаў двойку – абеда не будзе. Такое выхаванне...” [4]. Нягледзячы на цяжкасці, М. Ф. Піліпенка праяўляў незвычайную дапытлівасць, смагу да ведаў і імкненне да лепшай будучыні. З ранніх гадоў здзяйсняўся самаадукацыяй, дэманструючы лідэрскія якасці.

Пасля заканчэння сямігадовай школы настаўнікі рэкамендавалі таленавітаму вучню працягнуць адукацыю да 10 класа, аднак асабістасць імкненне да самастойнасці і атрымання прафесіі адыгралі вызначальную ролю ў выбары далейшага шляху. Варта адзначыць, што вузкія спецыяльнасці не выклікалі цікавасці, у той час як жаданне атрымаць шырокія і трывалыя веды, а таксама ўсебаковую падрыхтоўку з’яўлялася ключавым фактам фарміравання яго прафесійных прэтэнзій.

На падставе ўзнагароды ў выглядзе пахвальнай граматы, што было ў той час значнай увагай і рэдкім здабыткам, Міхаіл Фёдаравіч падаў дакументы ў Мазырскую педагогічную вучылішча. У працэсе вучобы ён праяўляў не толькі бліскучыя здольнасці, але і высокую грамадскую актыўнасць: “На другім курсе мяне выбралі кірауніком камсамольскай арганізацыі. А гэта чалавек дзесяці трыста. Шмат работы. Трэба было і ўсе мерапрыемствы планаваць, арганізоўваць кожны вечар танцы абавязкова, каб студэнты адпачывалі, і самому ўдзельнічаць у гэтих справах...” [4].

Калі вучоба ў падвучылішчы была завершана, М. Ф. Піліпенка вырашае атрымаць вышэйшую адукацыю, матываваны жаданнем быць карысным грамадству і верай у асаблівае месца гісторыі сярод іншых навук. Такім чынам, у 1956–1961 гг. Міхаіл Фёдаравіч – студэнт гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, што стала важным этапам у яго станаўленні ў якасці прафесійнага навукоўца: “Я ішоў з такой мэтай, каб падрыхтаваць сябе для сацыяльнай працы. Работы прадуктыўнай, каштоўнай, карыснай, не проста так атрымаць дыплом. Пра навуковую работу не думаў, але, калі пачаў вучыцца, з захапленнем здзяйсняўся ўсімі навукамі. Ужо на трэцім – чацвёртым курсе вырашыў, што буду даследчыкам” [4].

У працэсе навучання ва ўніверсітэце М. Ф. Піліпенка праяўляў ініцыятиву ў навуковых гуртках, удзельнічаў у канферэнцыях, што спрыяла развіццю яго даследчых навыкаў. Навукова-даследчая дзеянасць настолькі яго захапіла, што пасля адпрацоўкі ў школах Віцебскай і Гомельскай абласцей, ён вырашыў паступіць у аспірантуру МДУ ім. М. В. Ламаносава, дзе пачаў праводзіць даследаванні сям’і і шлюбу беларусаў у другой палове XIX – пачатку XX ст. Навуковым кірауніком М. Ф. Піліпенка быў доктар гістарычных навук, прафесар кафедры этналогіі МДУ Л. П. Лашук, навуковыя інтарэсы якога былі шырокімі і рознабаковымя, а прафесійная кваліфікацыя і эрудыцыя, па сведчанні калег, – надзвычай высокімі [6, с. 249]. У аспірантуры М. Ф. Піліпенка атрымаў бліскучую падрыхтоўку ў галіне этналогіі, падрыхтаваў кандыдацкую дысертацию.

З каstryчніка 1967 г. М. Ф. Піліпенка працаваў выкладчыкам у сваёй *alma mater* – на гістарычным факультэце БДУ, дзе на працягу шэрагу дзесяцігоддзяў выкладаў розныя курсы: “Асновы этнаграфіі”, “Этнаграфія Беларусі”, “Методы этнографічных даследаванняў”, “Этнічная гісторыя Беларусі” і інш. Яго мэтай было не толькі падрыхтаваць высокакваліфікованых

спецыялістай, але і папулярызаваць веды аб спадчыне і культуры беларускага народа. За шматгадовую добра сумленную працу і вялікі асабісты ўклад у развіццё БДУ Міхailу Фёдаравічу Піліпенка ў 2016 г. было прысвоена ганароvae званне “Заслужаны работнік БДУ”.

М. Ф. Піліпенка паспяхова дэманстраваў здольнасць эфектуўна сумяшчаць педагогічную і навукова-даследчую дзеянасць. Займаўся такімі пытаннямі, як этнагенез і этнічная гісторыя беларусаў, сямейныя і грамадскія адносіны, традыцыйныя народныя вераванні, тэарэтыка-метадалагічныя аспекты айчыннай этнalogii і інш. Ім была прапанавана і навукова аргументавана канцепцыя паходжання беларускага этнасу. Аўтар адмовіўся ад уяўлення аб этнагенетычным працэсе паходжання беларусаў як спрошчанай эвалюцыі папярэdnіх этнічных супольнасцей, а таксама тлумачэння этнагенезу вынікамі вялікіх міграцый старожытных славянскіх племёнаў. У сваім даследаванні ён улічвае ролю многіх фактараў (сацыяльна-еканамічнага, палітычнага, гістарычнага), асаблівую ўвагу звязтае на ролю дыфузіі ў этнічных працэсах, прасторавую і эпахальную перагрупоўку кампанентаў культуры, пераемнасць і зменлівасць мовы і самасвядомасці [6, с. 250]. Гэтая тэорыя стала важным укладам у нацыянальную гістарычную навуку і спрыяла ўмацаванню ўсведамлення беларусаў як самастойнага народа са сваёй унікальнай гісторыяй. У 1993 г. адбылася абарона доктарскай дысертацыі М. Ф. Піліпенка “Возникновение Белоруссии: новая концепция”.

На початак 1990-х гг. прыйшоўся пераход М. Ф. Піліпенка на працу ў Інстытут мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору АН Беларусі, дзе з 1994 па 2004 г. ён займаў пасаду дырэктара, а затым галоўнага навуковага супрацоўніка. Працаўаў сумленна і прадуктыўна, дэманструючы талент актыўнага і адказнага кіраўніка, вучонага. У 1994 г. Міхail Фёдаравіч быў абрани членам-карэспандэнтам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, а ў 1999 г. яму было прысвоена званне “Заслужанага дзеяча культуры Рэспублікі Беларусь” [1, с. 15].

Працяглая праца М. Ф. Піліпенка на ніве айчыннай этнalogii знайшла сваё адлюстраванне на старонках звыш 200 публікаций. Сярод іх – “Сляды родавай арганізацыі ў вясельных звычаях славянскіх народаў” (1969), “Сям’я і шлюб у беларускіх сялян у другой палове XIX – пачатку XX ст.” (1970), “3 гісторыі вывучэння беларускай этнографіі і фальклору” (1970), “Даследаванні па гісторыі беларускай этнографіі” (1974), “Этнографія ў краязнаўстве” (1980), “Этнографія Беларусі” (1981), “Сучасныя этнічныя і культурна-бытавыя працэсы ў Беларусі” (1982), “Роля эвалюцыі і дыфузіі ў гісторыі традыцый” (1990), “Узнікненне Беларусі: Новая канцепцыя” (1991), “Беларуская традыцыйная культура як феномен еўрапейскай цывілізацыі” (1995), “Сучасныя тэарэтычныя праблемы беларускай этнalogii” (2011) і інш. [1, с. 15]. Быў адным з арганізатораў падрыхтоўкі і выдання шматтомнай працы “Беларусы”, якой па праву ганарыўся [2, с. 7], а таксама тома “Беларусы” (М., 1998) міжнароднай серыі “Народы і культуры”.

М. Ф. Піліпенка актыўна ўдзельнічаў у папулярызацыі навуковых ведаў. З’яўляўся членам рэдкалегіі “Беларускай энцыклапедыі” ў 18 тамах, энцыклапедый “Гарады і вёскі Беларусі” ў 6 тамах, “Беларускі фальклор” у 2 тамах, членам навукова-рэдакцыйнага савета энцыклапедыі “Гісторыя Беларусі” ў 6 тамах, “Этнографія Беларусі” [6, с. 251].

Міхail Фёдаравіч адрозніваўся высокай сумленнасцю, спіласцю і адданасцю навуковай этыцы. Ён заўсёды ставіў інтэрэсы навукі вышэй за асабістую амбіцыю. Шмат сіл прысвяціў развіццю ўласнай навуковай школы. Пад кіраўніцтвам прафесара абараніліся 3 дактары і 12 кандыдатаў навук. Ён шчыра ганарыўся сваімі вучнямі, якія на сённяшні дзень працуюць у Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вышэйших навучальных установах краіны.

“Mіхail Фёдаравіч клапаціўся пра падрыхтоўку маладых этнолагаў, падтрымоўваў аспірантаў, пастаянна падкрэсліваў неабходнасць стварэння прафесійнага і добразычлівага асяроддзя не толькі ў БДУ, але і ў іншых ўніверсітэтах Беларусі (Полацку, Гомелі). Ён казаў, што лягчэй працаўаць, калі ёсць з кім весці дыскусію, абмяркоўваць свае ідэі, перадаваць вопыт. І не было выпадка ў нашых размовах, калі б ён неаднаразова не паўтарыў, што трэба ўздымаць аўтарытэт беларускай этнalogii як навукі. Любы прыклад поспехаў сваіх вучняў і іншых калег –

паспяховую абарону дысертацыі, выданне манаграфій, удалы даклад на канферэнцыі і г. п., М. Ф. Піліпенка ацэньваў скрэз прызму, як ён казаў, “на карысць этналогіі”, – узгадвае загадчык кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдат гістарычных навук, дацэнт Аксана Рыгораўна Яшчанка [3].

Міхаіл Фёдаравіч Піліпенка – прыклад вучонага, які сваімі працамі і жыццёвай пазіцыяй унёс значны ўклад у развіццё айчыннай гуманітарнай навукі. Ідэі даследаванні М. Ф. Піліпенка працягваюць натхняць сучасных навукоўцаў, а створаныя ім навучальныя матэрыялы і навуковыя працы служаць надзейнай базай для далейших даследаванняў. Уклад Міхаіла Фёдаравіча ў развіццё айчыннай этналогіі цяжка пераацаніць, а яго імя назаўсёды застанецца ў гістарычнай памяці беларускай навукі: “Мы гаворым “беларуская этналогія” – маем на ўвазе М. Ф. Піліпенка. Мы гаворым “М. Ф. Піліпенка” – маем на ўвазе беларускую этналогію” [5].

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Бачыла, І. Г. Беларуская этналогія ў асобах: Міхаіл Фёдаравіч Піліпенка / І. Г. Бачыла // Этнокультурное наследие Беларуси в XXI в. : материалы междунар. научно-практ. конф., Минск, 18 июня 2021 г., / БГУ, Исторический фак., Каф. этнологии, музеологии и истории искусств ; [редкол.: Т.А. Новогродский, И.В. Олюнина (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2021. – С. 13–16.
2. Бачыла, І. Г. Вядомы этнолаг і гісторык. Да 80-годдзя члена-карэспандэнта НАН Беларусі М. Ф. Піліпенкі / І. Г. Бачыла // Навука. – №20. – 16 мая 2016. – С. 7.
3. Запісана аўтарам ад загадчыка кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, кандыдата гістарычных навук, дацэнта А.Р. Яшчанка (02. 06. 2025).
4. Запісана аўтарам ад М. Ф. Піліпенкі (11.04.2016).
5. Запісана аўтарам ад доктара гістарычных навук, прафесара Т. А. Навагродскага (11.04.2016).
6. Локотко, А. И., Касперович, Г. И., Новогродский, Т. А. Михаил Фёдорович Пилипенко (К 85-летию со дня рождения) / А. И. Локотко, Г. И. Касперович, Т. А. Новогродский // Весці Нацыянальной Акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Том 66, № 2. – С. 249–251.

Л. В. Вонсович

ІДЕОЛОГІЯ ПАТРИОТИЗМА КАК ОСНОВА НАЦІОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОІТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛІКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Негативные тенденции развития мирового сообщества, конфронтация, идеологическое противостояние, борьба центров силы за доминирование, многочисленные локальные конфликты делают значимым актуализацию идеологической доктрины государства, на основе которой выстраивается модель общественного развития белорусского социума сегодня и на дальнейшую перспективу.

Важность наличия собственной идеологической доктрины для современных суверенных государств подкрепляется постоянно меняющимися обстоятельства во внешней среде, ужесточением позиции западного мира в отношении всех, кто выбирает так называемый «незападный» путь развития, нарастанием вызовов и угроз, применением санкций в отношении несогласных с политикой Запада государств. Ряд стран Западной Европы, а также Соединенные Штаты Америки, претендующие на роль великих держав, навязывают свои идеологии, в основе которых лежат идеи значимости глобализации, ценностные характеристики превосходства западного пути развития, абстрактная законность, эфемерная свобода и демократия. Такие идеологии зачастую претендуют на роль «внешнеполитических идеологий» [1] и позиционируют себя как некий образец для подражания.

Содержание идеологии белорусского государства, инициатором создания которой выступил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, сопряжено с идеями о прошлом, настоящем и будущем страны, цивилизационном своеобразии восточнославянского мира, частью которого являются белорусы, выборе республикой внутри и внешнеполитической стратегии развития, тактики позиционирования себя в качестве актора международных отношений. Центральным элементом государственной идеологии Республики Беларусь является концепт патриотизма, который тесным образом связан с традиционными ценностями белорусского народа и призван способствовать формированию его национального самосознания. Именно на основе данного концепта возможно обеспечить преемственность поколений в их обосновании и закреплении главных идейных постулатов Беларуси, среди которых следует назвать: жизнь, достоинство, права и свободы человека, справедливость, гражданственность, служение Родине, своему народу, ответственность за его судьбу.

Сегодня идея патриотизма является основой идеологического базиса белорусского государства, своеобразной национальной идеей, способной консолидировать белорусское общество, не заинтересованное жить под диктатом Запада. Ценность данной идеи заключается в ее значимости в деле воспитания человека, гражданина и патриота своей Родины и, прежде всего, это касается подрастающего поколения. Не случайно Министерство образования Республики Беларусь определило тему первого урока в новом 2025/2026 учебном году – «Эстафета поколений: сохраняя прошлое, создаем будущее», в которой обозначаются идеи сохранения исторической памяти, национальных традиций, духовного наследия предков, уважения к достижениям белорусского народа, формирования чувства гордости за свою страну и гражданской ответственности за будущее родной земли.

Идеология белорусского государства ориентирует граждан страны на «здравый патриотизм, который не терпит подмены исторических фактов, не связан с политическим заказом и базируется на реальных событиях истории белорусского народа» [2, с. 497]. Именно такой патриотизм является фундаментом национально-государственного строительства Беларуси. Он противостоит информационному экстремизму, негативно влияющему на социально-политическую сферу и личностное пространство человека, пропагандистским выпадам со стороны так называемого «коллективного» Запада.

Патриотическая традиция в общественно-политической мысли белорусских земель, заложенная еще Франциском Скориной, сегодня имеет твердое основание и опирается на исторические факты и явления, доказывающие приверженность наших предков быть славными сыновами своего Отечества, обладавшими такими чертами национального характера, как толерантность, доброжелательность, миролюбие, традиционность, законопослушание, справедливость. В основе нынешнего звучания концепта патриотизма лежит идея сохранения исторической памяти, особенно о событиях Великой Отечественной войны, ставшей страшной бедой и испытанием для всего советского народа, унесшей миллионы человеческих жизней. Память о событиях военных лет занимает особое место в сознании белорусов, благодарных своим предкам за совершенный ими подвиг во имя спасения человечества от фашистского ига. Жертва, принесенная белорусским народом, никогда не будет забыта как нынешним, так и будущими поколениями белорусов, а историческая память, как основа патриотизма, поможет противостоять обману Запада, исказяющему историческую правду, будет способствовать отражению попыток недружественных нам стран и деструктивных политических сил за пределами Беларуси, называющими себя «демократической оппозицией», разделить белорусскую и русскую нации, настроить их друг против друга, воспрепятствовать развитию единого Союзного государства.

Патриотизм в идеологии белорусского государства неразрывным образом связан с толерантностью, являющейся универсальной ценностью, организующей совместную жизнедеятельность граждан Беларуси. В ее основе лежит уважение человека как такового, равноправие людей по отношению к базовым вопросам выбора жизненной позиции, веротерпимость и миролюбие, межкультурное и межконфессиональное согласие. Белорусская толе-

рантность – это не только нравственная характеристика отдельного человека, это целая технология взаимодействия людей, диалога и сотрудничества, которая реализуется в процессе достижения единых целей развития белорусского общества и государства по обеспечению гармонии в отношениях между конфессиями, этническими, социальными и другими группами.

Идеология толерантности и патриотизма способствует формированию национальной идентичности белорусов, развитию чувства принадлежности к белорусской нации и государству, единому прочтению понятия Родины, которой желают мира и добра. В своих устремлениях белорусские граждане ориентируются на национальные интересы белорусского государства, на сильную и справедливую власть, на развитие диалога органов управления и гражданского общества, сохранение историко-культурных традиций и апробированных временем религиозных устоев. Национальная идентичность дает возможность обществу определять вектор мирного развития страны, развивать патриотические чувства и эмоции граждан на основе опыта и памяти народа.

Конституционная реформа 2022 года, изменившая ряд положений Конституции Республики Беларусь, коснулась и определения значимости идеологии белорусского государства. Она была признана основой развития демократии в стране [3, ст. 4] и своеобразным побудительным импульсом, актуализирующим основные задачи по дальнейшей корректировки модели суверенного развития белорусского государства, продвижения и легитимации политической платформы руководства республики во главе с Президентом А. Г. Лукашенко. Также согласно новой редакции Конституции патриотизм был обозначен как «долг каждого гражданина Республики Беларусь» [3, ст. 54]. Это подтверждает верность выбора политической элитой страны патриотической идеологии в качестве основы жизнедеятельности общества. Патриотизм «признан ценностью культуры белорусского народа, уникальным социальным феноменом, обеспечивающим развитие общества в направлении сохранения своей идентичности и оптимизации прогресса» [4, с. 3]. Патриотизм неразрывным образом связан с традиционными для белорусов моральными и культурными ценностями, его значимость проявляется в интеграции, солидарности и мобилизации общества, которые стали особенно востребованными после неудавшейся попытки деструктивных политических сил изменить конституционный порядок в стране в 2020 году.

В настоящий момент истории белорусского народа патриотизм неразрывным образом связан с идеологией государства. Внутренней дистанции между личными интересами граждан и потребностями страны, по сути, не существует, что способствует повышению уровня совместной мобилизации и консолидации общества. В основу становления нового типа гражданина-патриота, живущего в суверенной Беларуси, государством положена идеология, в которой патриотизм представлен как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержащее любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм в идеологическом ключе есть защита Республики Беларусь от внешней агрессии и внутриполитических потрясений, уважительное отношение к государственной символике, принципам, идеям, целям, зафиксированным в законодательных актах страны. Патриотические чувства – это честь, долг, совесть, доверие, справедливость. Основополагающим инструментом, формирующим подобные чувства, являются централизованный идеологический аппарат и идеологический механизм государства, а также общественные объединения, политические партии, учреждения образования, средства массовой информации. Основой их деятельности является идеологическое воспитание человека и гражданина, результатом – поддержка жителями Беларуси государства и проводимой им политики.

Сегодня в смысловом плане патриотизм – это не только чувство любви к своей малой родине, уважение к истории, обычаям и традициям родного края. Это еще и осознанная необходимость защиты Отечества от посягательств из вне, воспрепятствование распространению негативной информации о государстве и его политике, стремление к активной совместной деятельности на благо страны и общества. Деятельностный патриотизм, тем самым, создает условия для расширения социальной базы сторонников белорусского пути общественного развития, готовых взять на себя ответственность за судьбы государства и достижение собственного благополучия.

Список использованных источников и литературы

1. Кожемяков, А. Новая (обновленная) Концепция внешней политики России – в ожидании качественных перемен / А. Кожемяков // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-obnovlennaya-kontsepsiya-vneshney-politiki-rossii-v-ozhidanii-kachestvennykh-peremen/> (дата обращения: 27.08.2025).

2. Вонсович, Л. В. Сохранение исторической памяти народа как основа будущего молодого поколения граждан Республики Беларусь / Л. В. Вонсович // Вторая мировая война и современные тенденции по искаложению ее итогов и послевоенного мироустройства: в 3-х т. Том 3: Россия в XXI в. : Великая Отечественная война и историческая память. Решающие летние битвы 1943 г. на фронтах и в тылу немецко-фашистских войск в оценках советских и германских военачальников и историков : доклады и материалы междунар. науч.-практич. конф., 24–25 окт. 2023 г.: в 2-х частях / под общ. ред. М. Ч. Залиханова, Т. В. Слюсаренко; отв. ред. С. А. Степанов; сост. А. А. Клименок; Российская академия наук, Московский университет им. С. Ю. Витте, 2024. – Ч. 2. – С. 495–501.

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 22 февр. 2022 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.10.2021 г., № 124-З // ilex / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Узгорок, М. Ю. Расширение сферы проявления патриотизма как культурной ценности: (на материале современной белорусской культуры) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 – Теория и история культуры / М. Ю. Узгорок ; УО «ГрГУ им. Я. Купалы». – Гродно, 2013. – 23 с.

I. Г. Ганчарук

XVIII–XIX СТАГОДДЗІ У ЛЮСТЭРКУ МУЗЕЙНАГА АСЯРОДДЗЯ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ УК “ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ МУЗЕЙ ГІСТОРЫ РЭЛІГІ”)

Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі – адзіны ў рэспубліцы дзяржаўны музей гістарычнага профілю, які даследуе і адлюстроўвае культуратворчыя ўплывы канфесій на беларускіх землях.

Музей размяшчаецца ў будынку былога палаца – помніку грамадзянскай архітэктуры XVIII–XIX стст. Яго ўладальнікамі ў розныя часы былі прадстаўнікі буйных магнацка-шляхецкіх родаў, якія пакінулі след у гісторыі горада і краіны – гродзенскі пісар земскі, стараста гродзенскі Караль Храптовіч (1720-я гг. – 1794), літоўскі падскарбій, гродзенскі стараста граф Антоній Тызенгаўз (1733–1785), віцэ-маршалак Літоўскага Трыбунала Францішак Мучынскі, публіцыст, перакладчык і філосаф Ігнацій Ляхніцкі (1755–1825). Ва ўласнасці сям’і Ляхніцкіх будынак знаходзіўся амаль 80 гадоў.

Першыя дакументальныя звесткі пра палац звязаны з трагічнай для горада падзеяй – пажарам 1753 г. Пабудаваны ў стылі барока будынак быў моцна пашкоджаны і адноўлены толькі ў 1790-х гг. у стылі класіцызму. У 1824–1831 гг. да палаца быў дабудаваны гаспадарчы корпус, які замкнуў яго ў карэ і ўтварыў утульны ўнутраны дворык.

Галоўны фасад будынка ўзведзены ўздоўж вуліцы і вынесены на яе чырвоную лінію, захаваўся без істотных змен да сённяшняга дня. Цэнтральная частка палаца вылучана пілястрамі дарычнага ордэра і завершана трохвугольным франтонам. Фрыз над галоўным уваходам аздоблены ляпнымі метопамі з матывамі ваеннай атрыбутыкі. Сістэма распалажэння ўнутраных памяшканняў мае двухтрактавы харектар. У тракце пры галоўным фасадзе – дзве залы (вялікая і малая, у якіх цяпер размяшчаюцца выставачныя залы), у тракце з боку ўнутрынага дворыка – анфілада з пяці пакояў.

З 2009 г. у анфіладнай частцы будынка дзейнічае экспазіцыя “Эпоха. Час. Будынак”, якая асвятляе гісторыю палаца і ўводзіць у свет сямейнага жыцця і культурных традыцый гарадской эліты XVIII–XIX стст. [1]. У экспазіцыі прадстаўлены помнікі культуры (прадметы мебліроўкі, сямейнага побыту, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, партрэты, абразы, сувеніры, аксесуары, друкаваныя матэрыялы і інш.), якія ў прасторавым ансамблі палаца даюць магчымасць уяўіць жыццёвае асяроддзе дома – атмасферу не толькі аб’ёмаў, фарбаў і гукаў, але і пачуццяў, думак, перажыванняў [2].

Знаёмства з эпохай распачынаецца з гісторыі вуліцы Замкавай, якая размешчана ў межах гістарычнай забудовы горада, і з уладальнікамі палаца. У першай зале мы бачым герб славутага роду Храптовічаў. Прадстаўнік гродзенскай лініі Храптовічаў – Караль быў вядомым палітычным і грамадскім дзеячом, сустракаўся з Папам Рымскім, ад якога атрымаў мошчы Св. Клімента – рымскага воіна мучаніка, які стаў нябесным заступнікам Гродна [3]. Цікавыя матэрыялы асвятляюць рэфарматарскую дзейнасць графа Антонія Тызенгаўза – асветніка і мецэната, руплівага гаспадара, які дбаў пра развіццё рамёстваў, гандлю, мастацтваў і навукі ў родным краі [4, с. 688].

На пачатку XIX ст. перабудаваны Францішкам Мучынскім палац купіў Ігнацій Ляхніцкі (1755–1825), жыццёвы і творчы шлях якога цесна быў звязаны з гэтым будынкам і з Гродна. Асветнік і гуманіст, доктар філасофіі, аўтар працы “Біяграфія селяніна з берагоў Ласосны...” [5], ён ажыццяўляў свае перадавыя погляды ў жыццё ва ўласных маёнтках, за што быў узнагароджаны ордэнам Св. Уладзіміра IV ступені. Пасля смерці бяздзетнага Ігнація Ляхніцкага, уся яго нерухомая маёрасць адышла да пляменніка – Ігнація Эмануіла Ляхніцкага (1793–1826), які быў вядомым у свой час філософам і пісьменнікам. Ігнацій Эмануэль Ляхніцкі аўтар вядомай кнігі “Статыстыка Літоўска-Гродзенскай губерні”, якая не страціла актуальнасці да сённяшняг дня [6].

Падчас рэстаўрацыйных работ у перакрыццях паміж паверхамі палаца былі знайдзены бранзалет і посуд XIX – пачатку XX ст. – адзінныя прадметы, якія напрамую звязаны з будынкам і могуць быць “сведкамі” падзеі, якія калісьці ў ім адбываліся.

Другі раздзел экспазіцыі – “У рытме штодзённага жыцця” – знаёміць з раскладам сямейнага жыцця, сямейнымі традыцыямі і звычаямі шляхецкага асяроддзя. Сярод шматлікіх жылых памяшканняў палаца асаблівае значэнне меў кабінет, які займаў глава сямейства. Умовы яго працы, ці то на дзяржаўной службе ці вядзенне ўласнай гаспадаркі, патрабавалі адасобленага памяшкання. Ён, як дбайны гаспадар, забяспечваў эканамічны дабрабыт сям’і. Яго пануючае ў доме становішча і аўтарытэт быў бяспрэчны. Прыклад працавітасці бацькі быў узорам наследавання для яго дзяцей.

Гаспадыніяй і распарадчыцай у сталовай была маці. Ежу падавалі па старшынству – меншым у апошнюю чаргу. Так з дзяцінства выхоўвалася шанаванне і пачуццё павагі да старэйшых. Стравы падаваліся на посудзе рознай вытворчасці. У XVIII–XIX стст. фарфоравы посуд паступова вытесніў металічны. Але як сямейная рэліквія цанілася і фамільнае серабро, якое пераходзіла з пакалення ў пакаленне. Пасля абеду ці вячэрні распачыналіся размовы і дыскусіі, якія замацоўвалі ўнутрысямейныя сувязі. У вячэрнія гадзіны праглядаліся перыядычныя выданні, чыталіся кнігі. Жанчыны займаліся рукадзеллем, для чаго выкарыстоўваліся спецыяльныя столікі. Дэлікатныя вышыўкі з евангельскімі сюжэтамі аздаблялі сцены пакояў. Побач з традыцыйнай габеленавай тэхнікай моднай становіцца вышыўка бісерам. Каб занатаваць нешта важнае або напісаць ліст выкарыстоўвалася бюро.

“Святы сям’і” – трэці раздзел экспазіцыі, які засяроджвае ўвагу на ролі святаў у захаванні сямейных традыцый, аснову якіх складалі хрысціянскія каштоўнасці.

Вялікай падзеяй у сямейным жыцці было нараджэнне дзіця, якое ўспрымалася не толькі як дар, але і як новае пакліканне, як адказны крок і крыж для сужэнцаў. Не толькі мама і бацька, але і хросныя бацькі неслі адказнасць за выхаванне дзіця. Хрысцільныя сукенкі, нацельныя крыжыкі, медалі ў памяць аб хрышчэнні захоўвалі ўсё жыццё. Па ўспамінах сучаснікаў “першымі нашымі словамі былі малітвы, якія мы пераймалі ад маці”.

З калыскі дзеци чулі не толькі першыя слова маці, але і матуліну песню – калыханку. Прастата кампазіцыі і напеўнасць вылучылі яе ў XIX ст. у асобны жанр вакальной музыкі. Вобраз маці – ахойніцы хатняга ачага, добрай, уважлівой, патрабавальнай і справядлівой знаходзіў адлюстраванне як на фатографіях, так і ў сакральным мастацтве. Хрысціянскім прыкладам наследавання служыла Св. Ганна – маці Св. Дзевы Марыі (абраз, кп 15771).

Дні нараджэння не было прынята так урачыста святковаць як сёння. Замест іх адзначаліся імяніны (дзень памяці святога, імя якога чалавек атрымліваў падчас хрышчэння) і Дзень Анёла Ахойніка. Святыя і анёлы лічыліся нябеснымі заступнікамі чалавека. Да іх ён звяртаўся ў цяжкія хвіліны жыцця, просячы дапамогі і заступніцтва. Іх вобразы суправаджалі чалавека ўсё жыццё – у медальёнах, абразах, скульптурах, графіцы, дэкаратыўна-прыкладным мастацтве, віншавальных паштоўках.

У кожнай сям'і святковаліся рэлігійныя святы. Уся сям'я збіралася разам на Нараджэнне Хрыстовае. Да свята рыхтаваліся загаддзя. Дзеци вучылі калядныя сцэнкі, напявалі калядкі, прымалі ўдзел у аздабленні пакояў і ёлкі. У святочны дзень прынята было дараваць крыўды і дарыць падарункі. У хрысціянскай традыцыі падарунак мае божае паходжанне, дарыць – значыць следаваць Богу, Які кожнаму з нас дарыць самае галоўнае – жыццё. Каштоўным падарункам дзецим была кніга са святочнымі апавяданнямі і казкамі. Іх сюжэты заварожвалі на фоне мігаючых свечак ёлкі. Гэта быў матыў гарадскога чарадзейства, як казкі Гофмана. Здавалася, што выдумкі Шчаўкунка становіліся яўю ў казачным паўзмроку каляднага вечара.

Самае галоўнае хрысціянскае свята – Вялікдень – свята надзеі, радасці і цуда. Пасхальний радасцю імкнуліся падзяліцца з кожным. Свята Пасхі выходзіла за межы дома на вуліцы і плошчы. У гэты дзень наведвалі сяброў, сваякоў, адзінокіх, састарэлых, вязняў, хворых. Ладзіліся дабрачынныя вечарыны. Галоўным падарункам было чырвонае яйка – сімвал жыцця і Ўваскрэсення. У заможных сем'ях прынята было дарыць фарфоравыя яйкі, якія пры дапамозе ланцужка або стужкі падвешваліся да абраза. Атмасферу ўзвышанай радасці захавалі старыя паштоўкі, на якіх прадстаўлены святочныя кулічы, распісныя яйкі, вербачкі, кветкі, жартавыя сцэнкі з дзецимі і птушанятамі.

Дух хатняй атмасфери ўтульнасці і выгоднасці ствараў інтэр’ер. Гэта паказана ў чацвёртым раздзеле – “Знакі часу і прасторы”. Мэблірука складалася ў адпаведнасці з модай і густамі гаспадароў. З другой паловы XVIII ст. увайшла ў моду шафа для адзення. У канцы XIX – пачатку XX ст. моднымі былі масіўныя шафы ў стылі нямецкага барока (кп 3925). У XVIII ст. як асобны від мэблі сфарміраваўся буфет. На пачатку XX ст. попытам карыстаецца мэбля ў стылі мадэрн з выкарыстаннем так званых “гістарычных стыляў”. XIX ст. – стагоддзе вынаходніцтва гуказапісу. У 1887 г. з’яўляюцца аппараты для ўзнаўлення і запісу гуку. З пачатку XX ст. атрымліваюць распаўсюджванне аппараты французскай фірмы “Патэ” – патэфоны. Сцены пакояў аздабляюць гадзіннікі, партрэты, карціны, гравюры.

Жыццё чалавека не замыкалася на інтарэсах толькі дома і сям'і. Багаты духоўны ўнутраны свет абумоўліваў шыроке кола інтарэсаў па-за домам (раздел экспазіцыі “Гарадская культура. Паломніцтвы і вандроўкі”). Улюблёным месцам адпачынку былі паркі, якія ў XIX ст. сталі публічнымі. У парках іграла музыка, наладжваліся ілюмінацыі і феерверкі, дзейнічалі фотаатэлье. У вячэрнія гадзіны наведвалі тэатры і балі.

Важнейшым духоўным запатрабаваннем было здзяйсненне паломніцтваў. Традыцыйна важным для хрысціян было наведванне Святой Зямлі. З месцаў паломніцтваў прывозілі сувеніры. У Палесціне высокага мастацкага узроўню дасягнула дэкаратыўная разьба па перламутру. Яшчэ адным важным месцам традыцыйных паломніцтваў з’яўляўся Рым – горад, у якім захаваліся катакомбы першых хрысціян, горад першых хрысціянскіх мучанікаў і падзвіжнікаў, дзе пахаваны Св. Апосталы Пётр і Павел. Рымская базіліка Св. Пятра – галоўная каталіцкая святыня. У Рыме налічваецца больш за 100 цудатворных абразоў Маці Божай. Шматлікія спісы аднаго з іх – абраза з касцёла Санта Марыя Маджорэ (“Маці Божай “Снежнай”) шырокая распаўсюджаны на беларускіх землях як у каталіцкіх, так і ў праваслаўных храмах. У італьянскім горадзе Бары захоўваюцца мошчы асабліва шануемага праваслаўнымі вернікамі Св. Мікалая Цудатворцы.

Цэнтрамі праваслаўных паломніцтваў у Расійскай імперыі былі вядомыя манастыры з багатымі хрысціянскімі традыцыямі – святыні, праслаўленыя сваімі падзвіжнікамі і святымі. Адтуль праваслаўнымі паломнікамі прывозіліся драўляныя разьбяныя абразкі Св. Варвары, Іаана Шматпакутнага, Сергія Раданежскага (Кіева-Пячэрская лаўра, заснаваная ў 1051 г.), скульптурныя выявы Св. Ніла Сталбенскага (Нілава пустынь Цвярской губерні, вядомая з XVI ст.) і іншыя культавыя вырабы, якія вырабляліся ў манастырскіх майстэрнях.

Цікаласць да жыцця, спасціжэнне агульначалавечых каштоўнасцей і культурных традыцый іншых народаў падштурхоўвалі да знаёмства з экзатычным для єўрапейцаў светам. Развіццё эканамічных сувязей з Усходам папулярызавала падарожжы ў Кітай, адкуль прывозіліся на памяць разнастайныя сувеніры, якія можна было сустрэць у інтэр'ерах і прыватных калекцыях.

Уклад сямейнага жыцця гарадской эліты захоўваў устойлівасць на працягу стагоддзяў. Яго трываласць забяспечвалі рэлігійныя каштоўнасці, якія складалі падмурак сямейнага дабрабыту.

Сацыяльныя і навукова-тэхнічныя рэвалюцыі XX ст. шмат у чым разбурылі традыцыйны ўклад сямейнага жыцця, выхавалі чалавека, які страціў сувязь з продкамі. Экспазіцыя “Эпоха. Час. Будынак” дае багаты матэрыял для парыўнальнага аналізу – што набыў чалавек сучаснага постмадэрнісцкага грамадства, а што страціў.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Chmielowski P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi. (1815–1823) / P. Chmielowski. – Warszawa: druk. Artystyczna Saturnina Sikorskiego, 1898. – 163 s.
2. Мальдзіс, А. Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: Нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. — Mn.: Мастацкая літаратура, 1982. — 256 с.
3. Iwaszkiewicz J. O dwóch Ioachimach Chreptowiczach / J. Iwaszkiewicz // Ateneum Wileński. – 1937. – R XII. – S. 568 – 575.
4. Гардзеёў Ю. Тызенгаўз Антоній // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. Т. 2 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. З. Э. Герасімовіч. – Mn.: БелЭн, 2006. – С. 677–678.
5. Lachnicki J. Biografia włościanina nad brzegami Niemna powyżej Łososney mieszkającego / J. Lachnicki. – Warszawa: druk. Wiktora Dąbrowskiego, 1815. – 219 s.
6. Lachnicki J.B. Statystyka guberni Litewsko-Grodzieńskiej / J.B. Lachnicki. – Wilno: nakł. i druk. Józefa Zawadzkiego, 1817. – 88 s.

О. В. Горбатюк

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА НА БАРАНОВИЧСКОМ И ПИНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ (5–15 ИЮЛЯ 1944 ГОДА)

Первым из городов Брестчины был освобождён г. Барановичи в результате Барановичско-Слонимской наступательной операции (5–16 июля 1944 г.), которая была составной частью Белорусской операции (кодовое название «Багратион») (рисунок 1).

На Барановичи наступление вели: 28-я армия (генерал-лейтенант А. А. Лучинский), 48-я армия (генерал-лейтенант П. Л. Романенко), 65-я армия (генерал-полковник П. И. Батов), 16-я воздушная армия (генерал-полковник С. И. Руденко) и отдельная конно-механизированная группа (генерал-лейтенант И. А. Плиев) [2].

5 и 6 июля боевые действия велись в радиусе 25–30 км вокруг Барановичей [3] (рисунок 2). Весь день 7 июля шли упорные бои, к вечеру город был обложен с севера и юго-востока. 69-я стрелковая дивизия под командованием И. Санковского форсировала реку Щара и вела наступление с юго-востока, со стороны д. Литва. В 3 часа ночи кавалерия генерала Плиева сообщила по радио: «Эскадрон ворвался в город, враг отступает».

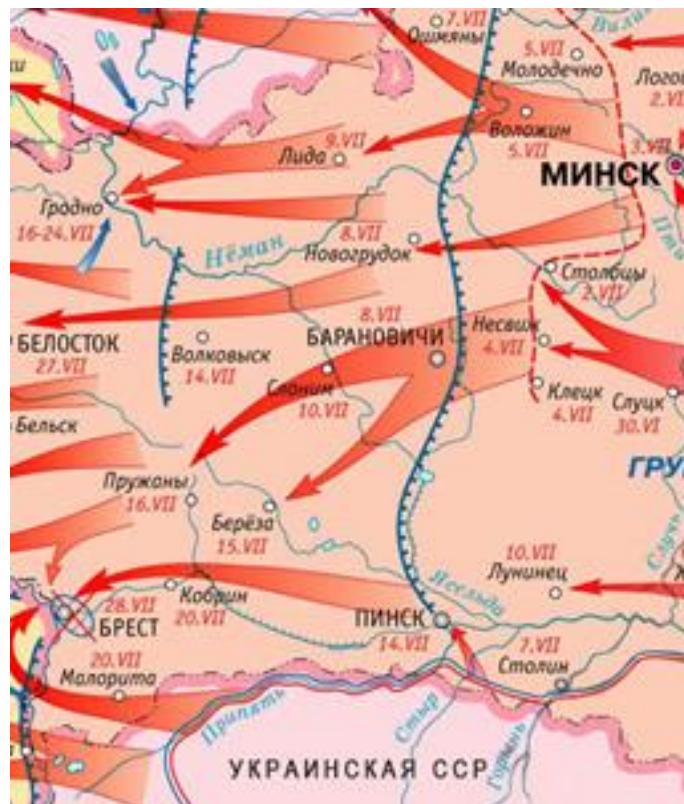

Рисунок 1 – Фрагмент карты «Операция «Багратион» 1944 г.» [1]

Рисунок 2 – Бой за город Барановичи [1]

Утром 8 июля 15-я Сивашская дивизия и 193-я стрелковая дивизия вели бои на южной и западной окраинах города. Вечером 8 июля 1944 г. по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении г. Барановичи. 28 воинских соединений за освобождение города получили почётное наименование «Барановичских». [2]

Войскам, участвовавшим в освобождении г. Барановичи, приказом ВГК от 08 июля 1944 г. объявлена благодарность, и в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий. Многие военнослужащие, принимавшие участие в боях, были отмечены благодарностями и наградами за освобождение города.

Из оперативной сводки Совинформбюро от 8 июля 1944 г.: «Войска 1-го Белорусского фронта 8 июля овладели областным центром Белоруссии городом Барановичи – важным

железнодорожным узлом и мощным укреплённым районом немцев. Войска фронта также с боями заняли более 50 населённых пунктов, среди которых районный центр Пинской области – город и железнодорожная станция Ганцевичи, крупные населённые пункты Великое Село, Жабинцы, Подстарины, Белолесье, Петревичи, Малая и Большая Волохва, Гута, Липск, Новосёлки и железнодорожные станции Крошин, Домашевичи, Буды...

Немцы возлагали большие надежды на Барановичский укреплённый район. Опираясь на многочисленные долговременные оборонительные сооружения, они оказывали ожесточённое сопротивление. Немецкое командование спешно перебросило сюда свежие немецкие и венгерские части. Сильным огнём и контратаками противник пытался остановить продвижение наших войск. Советские танкисты и кавалеристы обходным манёвром с севера перерезали железную дорогу «Барановичи – Лида», ворвались на северную и северо-западную окраину Барановичей и завязали уличные бои. Тем временем, наши пехотные части, скрытно сосредоточившись, ударили в стык немецких войск, взломали оборону немцев на берегу реки Щара и устремились к Барановичам с востока. Советские пехотинцы штурмом брали узлы сопротивления немцев и стремительно продвигались вперёд. Ожесточённые бои продолжались всю ночь. Сегодня утром город Барановичи был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков. Противник понёс тяжёлые потери. Только на северной окраине города было захвачено 70 орудий и 5 крупных складов с военным имуществом. На железнодорожном узле захвачено много подвижного состава с различными грузами» [4].

Неоценимую помощь войскам Красной Армии оказывали партизаны Барановичского областного соединения общей численностью 22 тыс. человек. Благодаря совместным действиям советских войск и партизан Барановичская область была освобождена за 12 дней [5].

В начале июля 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта приблизились к Пинщине. В труднопроходимых пинских болотах, поймах рек Припяти, Пины и Ясельды гитлеровцы создали мощную линию обороны [6]. Город Пинск превратили в неприступную крепость, окружив его двумя линиями сплошных траншей, укреплёнными железобетонными дотами с многочисленными путями сообщений. Только на небольшом отрезке линии обороны, который проходил на побережье реки Пины, противником было построено 7 железобетонных бункеров. Все подходы к городу, мостовые, дамбы и дороги были заминированы [7, с. 296].

В освобождении Пинска и Пинского района участвовали войска 28-й и 61-й армий, Днепровская военная флотилия. Им помогали партизаны: вели разведку, составляли планы вражеских укреплений, захватывали идерживали до прихода советских войск важные объекты [6].

Чтобы избежать больших человеческих жертв, советское командование разработало план захвата города при помощи десанта. В ночь с 11 на 12 июля 1944 г. в 2 часа 45 минут с приглушенными моторами начали подходить корабли 2-го гвардейского дивизиона бронекатеров капитана 3-го ранга А.И. Пескова. Первый эшелон десанта в составе отряда моряков-днепровцев и солдат 1323-го полка 415-й стрелковой дивизии быстро высадился на берег. Десантников поддерживал дивизион плавучих батарей капитана 3-го ранга К. В. Максименко. Высадка десанта для врага была неожиданной, он без сопротивления отступил к центру города. На рассвете гитлеровцы начали подтягивать пехотные, артиллерийские и танковые силы, чтобы скинуть десант в Пину. Им удалось оттеснить десантников к парку и удержать свои позиции двое суток.

Утром 12 июля у десантников были на исходе боеприпасы, полк и отряд моряков понес большие потери. Помогли им бойцы второго эшелона десанта. 450 человек из 1326-го стрелкового полка на бронекатерах, тральщиках и других речных кораблях подошли с противотанковыми пушками, миномётами, снарядами и минами [7, с. 297] (рисунок 3). Чтобы избежать лишних жертв, высадка десанта была перенесена на два километра восточнее Пинска.

В это время сухопутные части 61-й армии вели наступление на Пинск. С боями пройдя через Любчу, Дубновичи, Бокиничи, Парохонск, Городище и др. населённые пункты, к Пинску приближалась прославленная в боях 55-я гвардейская Иркутская дивизия. Рядом с ней наступала 55-я Мозырьская и 397-я Сарненская стрелковые дивизии.

Рисунок 3 – Бронекатера Днепровской военной флотилии с десантом [1]

К исходу 13 июля полки Иркутской дивизии во взаимодействии с частями 61-й армии, а также моряками Днепровской флотилии и партизанами начали атаку противника, прикрывающего непосредственно город Пинск.

14 июля в 2:30 утра на северную окраину Пинска вышли бойцы передовых подразделений 55-й дивизии и к 3:00 заняли железнодорожную станцию, продолжив движение в район Колонии и Козлякович, охватывая город полукольцом. Тем временем авангард 397-й дивизии соединился с десантом [8].

Стремительное движение советских войск гитлеровцы не выдержали и начали отступать. В 7:50 утра 14 июля 1944 г. Пинск был освобожден. Вечером того же дня Москва салютовала доблестным войскам 1-го Белорусского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 пушек. На здании бывшего обкома партии был поднят красный флаг, на одном из зданий Центральной площади – военно-морской. 15 июля на площади Ленина состоялись митинг, парад войск и шествие жителей города.

За мужество и героизм, проявленные в боях за освобождение города Пинска, 17 воинским подразделениям были присвоены почётное наименование «Пинских». Сотни бойцов и командиров были удостоены высоких правительственные наград. 163 удостоены звания Героя Советского Союза, 11 из них моряки-днепровцы [7, с. 298].

Список использованных источников и литературы

1. Фотоматериалы из фондовых коллекций УК «Брестский областной краеведческий музей».
2. Как Барановичи стали городом, который мы знаем [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://nashkraj.by/news/kultura/kak-baranovichi-stali-gorodom-kotoryy-my-znaem/> – Дата доступа: 24.06.2025.
3. Ракитный, Н. 8 июля 1944 года был освобожден город Барановичи. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://nashkraj.by/news/obshchestvo/8_iulya_1944_goda_byl_osvobozen_gorod_baranovich – Дата доступа: 24.06.2025.
4. Операция «Багратион»: освобождение Барановичей [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://zorkanews.by/08072024/operacija-bagration-osvobozhdenie-baranovichej/> – Дата доступа: 24.06.2025.
5. Строцкая, Г. Барановичи освободили 8 июля 1944 года : как это было. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://1prof.by/news/80-let-osvobozhdeniya-belarusi-ot-nemeczko-fashistskih-zahvatchikov/baranovichi-osvobodili-8-iulya-1944-goda-kak-eto-bylo/> – Дата доступа: 24.06.2025.

6. Акімачкіна, Р. В. Вызваленне / Р.В. Акімачкіна // Памяць : Гісторыка-документальная хроніка Пінскага раёна. – Мн. : БЕЛТА, 2003. – С. 294.
7. Курсаў, В. Вызваленне// Памяць: Гіст. - дакум. хроніка Пінска. – Мн.: БЕЛТА, 1998. – С. 296–298.
8. Освобождение Пинска 14 июля 1944 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www/pinsk-history.ru/87-istoria-pinska/history-city/333> – Дата доступа: 24.06.2025.

С. А. Елизаров

БЕЛООРУССКИЙ ПРОЕКТ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ 1921 ГОДА: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА РАСШИРЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ССРБ

Сложившееся в дореволюционной России административно-территориальное деление совершенно не учитывало экономические изменения, проходившие в стране в связи с развитием капитализма в промышленности, крупнейшим в мире железнодорожным строительством, повышением товарности и углублением специализации сельского хозяйства. Оно оставалось прежде всего административно-полицейским и фискальным инструментом в руках властей.

Стремление изменить сами принципы формирования административно-территориального деления, привести его в соответствие с новыми реалиями прослеживается с первых дней власти большевиков. В декабре 1919 г. УП Съезд Советов РСФСР поручил ВЦИК разработать вопрос о новом административно-хозяйственном делении Советской России с целью перехода от собственно административно-политического деления к делению, основанному на системе объективно существовавших экономических районах [1, с. 221]. Известный план ГОЭЛРО (1920 г.) положил начало практической реализации этой идеи и представлял собой попытку составления перспективного хозяйственного плана на основе принципов энергетического районирования, в дальнейшем сыгравших решающую роль в дальнейших работах по экономическому районированию [2, с. 10].

В соответствии с планом первоначально выделялось 8 экономических районов, которые создавались без учета существовавших национально-государственных границ: Северный, Центрально-Промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Кавказский, Западно-Сибирский, Туркестанский. Было решено не выделять особого Западного района («западная прифронтовая полоса Европейской России»), а входившие в него губернии распределить между Северным (Витебскую губернию) и Центрально-Промышленным (Могилевскую, Смоленскую, Минскую).

Первоначально проблемы экономического районирования рассматривались без учета национальных моментов. В частности, план ГОЭРЛО строился только на основе экономических принципов. Однако уже созданная в феврале 1920 г. Административная комиссия ВЦИК среди базовых признаков при составлении проекта экономического районирования выделила «национальный состав населения». Дальнейшая разработка этой проблемы проводилась комиссией ВЦИК и Комиссией по районированию Госплана. Обе комиссии уже признавали необходимость учета национального фактора, но в разной степени. Позиция Госплана отражала популярные в то время идеи «автономизации», причем с выраженным уклоном в сторону «культурно-национальной автономии». А для руководителя госплановской комиссии И. Г. Александрова первостепенное значение имел принцип «целесообразного разделения государства... на основе рационально-экономической, а не на пережитках утраченных суверенных прав» [2, с. 72, 76, 90].

После заключения Рижского договора (март 1921 г.), завершения военных действий и определения советско-польской границы московским руководством было признана целесообразность образования особого экономического района – Западной области – из ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний. 11 июня 1921 г. на заседании Центрального

Бюро (ЦБ) Компартии Белоруссии обсуждалось сообщение Председателя ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червякова «Об областном экономическом совещании» [3, л. 72–73]. А. Г. Червяков сообщил о прошедшем совещании по вопросу образования экономического района, на котором присутствовали представители ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний.

На заседании ЦБ КПБ против образования особого экономического района возражений не было. Остро встал вопрос о центре новой экономической области – Минске, Смоленск или Витебск. Секретарь ЦБ В.Г. Кнорин вполне приемлемым считал вариант с центром в Смоленске, резко отрицательно против этого выступил член ЦИК ССРБ, председатель Совета профсоюзов Белоруссии Ш. Ш. Ходош («если центр не будет в Минске, то мы потеряем власть»). Председатель СНХ Белоруссии А. И. Вайнштейн предложил «от организации экономического центра нужно пока воздержаться», его позицию поддержал и А. Г. Червяков. В результате ЦБ КПБ приняло решение – вопрос «о создании областного экономического центра оставить вопрос открытым».

К концу июля 1921 г. отношение к проблеме центра Западной области в руководстве ССРБ определяется вполне четко. На заседании ЦБ КПБ А. Г. Червяков сообщил, что вопрос об экономическом совещании в Минске в Совете Труда и Обороны (СТО) РСФСР по вопросу образования Западной области уже решен окончательно и что на совещании главное расхождение предполагается по вопросу об областном центре. Накануне этого совещания необходимо было ясно определить позицию ССРБ, которую и должны были отстаивать белорусские представители на минском совещании. ЦБ КПБ эту позицию определил так: «Настаивать на Областном Экономическом Совещании на том, чтобы центр его был в Минске» [3, л. 94].

В начале августа 1921 г. на совещание в Минск приехали 3 представителя от Смоленской губернии, 2 – от Витебской и представитель СТО. Однако вместо совещания состоялись лишь частные беседы с приехавшими представителями, которые выявили различие позиций. Представитель СТО привез вариант образования Западной области из Витебской, Гомельской, Брянской и Смоленской губерний, предоставив ССРБ право самой решать вопрос – присоединяться к этой области или существовать «самостоятельно в качестве отдельной самостоятельной области». Смоленские делеаты доказывали целесообразность вхождения Смоленской губернии в Московское областное объединение или, в крайнем случае соглашались на образование Западной области из Смоленской, Витебской и Гомельской губерний и ССРБ, но с обязательным центром в Смоленске. Витебчяне вообще выступили «принципиально против областного объединения», но в случае распоряжения из Москвы предпочитали бы войти в Петроградскую промышленную область [3, л. 97].

Итоги этих частных переговоров и определение линии поведения ССРБ в вопросе Западной области обсуждались на заседании ЦБ КПБ 3 августа 1921 г. Рассматривалось два предложения А.Г. Червякова. Первое – послать делегацию в СТО «с требованием немедленной организации Областного объединения и настаивать на то, чтобы центр его был в Минске ввиду необоснованности мотивировок тт. из Смоленска и Витебска». Второе – оставить вопрос открытым до нового совещания в октябре 1921 г. Было принято решение направить в Москву делегацию во главе с председателем СНХ ССРБ А.И. Вайнштейном для решения вопроса в русле первого предложения, а в случае неудачи – просить отложить решение до октября 1921 г. [3, л. 97].

СНХ ССРБ подготовил докладную записку в СТО (впоследствии в доработанном виде она была опубликована в сентябре 1921 г. в «Известиях ЦБ КПБ» под названием «Экономическое объединение губерний, входивших ранее в состав Западной области») [4, л. 15–22]. Воспользовавшись тем, что СТО оставило за ССРБ свободу действий вплоть до существования в качестве отдельной экономической области, в записке был предложен свой, белорусский вариант – создать Западную область как «одну хозяйственно–экономическую область с центром в Минске» в составе ССРБ, Витебской и Гомельской области, а также Мстиславского, Красненского и Поречского уездов Смоленской губернии.

Анализ этого документа свидетельствует, что он был составлен на основе методики экономического районирования, разработанной и применявшейся Комиссией по районированию

Наркомзема РСФСР. По этой методике основными экономическими признаками крупных районов (областей) служили: климат; почва; распределение земель по угодьям; плотность населения; процент промыслового населения; количество десятин посева на одно хозяйство и на 100 душ; средства восстановления естественного плодородия почвы; пропорция культур; рабочее животноводство; интенсивное животноводство; экстенсивное животноводство [2, с. 68].

Материал был распределен по 16 группам для более четкого доказательства единства территорий «минского» варианта Западной области. Особый упор делался на единство природных условий, земледельческий характер территории, характер форм землепользования, пограничную политику и др.

В итоге делался вывод, что ССРБ и территории Гомельской, Витебской и части Смоленской губерний «составляли единый хозяйственно-экономический организм, отличный от соседних областей, а потому требующий соответственного руководства экономической жизнью и приспособление экономических органов к нуждам, потребностям и особенностям данного края».

С этим материалом делегация ССРБ посетила в августе 1921 г. Москву. Делегация присутствовала на заседании СТО, где по повестке должен был обсуждаться вопрос об образовании Западной области. Однако это обсуждение не состоялось по формальной причине: предварительно этот вопрос не был рассмотрен, как полагалось по регламенту, Госпланом РСФСР. Делегация посетила заседание комиссии Госплана, на котором был заслушан доклад С. Л. Гельтмана (зам. председателя СНК Белоруссии), который по словам Вайнштейна, «произвел хорошее впечатление на Комиссию и последняя признала довод делегации обоснованным и передала дело в Президиум Госплана». Особая докладная записка, содержащая «политические соображения» необходимости расположения центра Западной области в Минске, была подана председателю Президиума Госплана Г. М. Кржижановскому. Что это были за «политические соображения» – по тексту протокола трудно определить, но, вероятнее всего, они были в русле курса руководства ССРБ на политическое расширение территории республики. Реакция Г. М. Кржижановского была обнадеживающая – он (по словам Вайнштейна) «признал эти соображения важными и считал необходимым познакомить с ними товарища Ленина». Состоялась беседа делегации и в Орготделе ЦК РКП(б) с В. Молотовым по вопросу перспектив партийно-организационных (организация областного партийного центра) [3, л. 114].

Тем не менее, несмотря на определенное понимание, делегация нигде открытой поддержки своего варианта Западной области не получила, а руководители Наркомата продовольствия и Наркомата труда РСФСР открыто выступили против него. В связи с этим ЦБ КПБ приняло решение готовить новое совещание на октябрь 1921 г. и на нем проводить свой вариант [3, л. 114].

Однако в октябре 1921 г. на V съезде КПБ (Х партконференции КПБ) – формально высшей республиканской партийной инстанции – не только не обсуждался вопрос о расширении ССРБ, но даже не ставился вопрос о белорусском варианте Западной области. Видимо, руководство ССРБ еще не решалось в условиях крайне неопределенных перспектив экономического районирования РСФСР заострять этот вопрос на таком уровне, оставляя за собой возможности маневрирования. Съезд по вопросу Западной области принял отдельный пункт в резолюции «Экономическое положение Белоруссии и новая экономическая политика», в котором в общих выражениях поддерживалась идея создания «западной хозяйственной области», а ее возможный состав определялся также довольно в общем виде – Белоруссия с «родственными по хозяйству и социальному укладу губерниями» [5, с. 93].

Очередное совещание по вопросу образования Западной области состоялось 29 октября 1921 г. В этот же день, перед началом работы совещания, на заседании ЦБ КПБ еще раз была подтверждена позиция руководства ССРБ по вопросу Западной области – настаивать на белорусском варианте областного объединения. На совещание прибыли представители Витебской и Гомельской губерний. Белорусская делегация отстаивала свой вариант, но реальных результатов совещание вновь не принесло [6, с. 94].

Заметно, что в белорусском проекте Западной области 1921 г. отсутствовали ссылки на этнический фактор. Вероятно, это было связано с противоречиями в руководстве ССРБ относительно «белорусского вопроса», необходимостью учета экономической детерминированности мышления значительной части московского руководства, а также противоречивостью результатов переписей населения 1897 и 1920 гг. относительно национального состава Гомельской, Витебской и Смоленской губерний. Однако можно твердо утверждать, что целью национал-коммунистической части белорусских руководителей было политическое объединение как можно больше этнических белорусских территорий в границах Советской Белоруссии. Видный белорусский политический деятель того периода, ученый-историк В. М. Игнатовский в 1924 г. оценил эти усилия таким образом: «Постановка ЦБ КП(б)Б вопроса об образовании Западной области, сконцентрированной вокруг столицы Белоруссии Минска, имела важное значение не только с экономической, но и политической стороны. Это были первые шаги по пути образования расширенной Белоруссии, что вызывалось реальными условиями жизни как экономической, так и политической» [7, с. 234].

Список использованных источников и литературы

1. История Советской конституции (в документах) 1917–1956 / сост.: А. А. Липатов [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1957. – 1046 с.
2. Вопросы экономического районирования СССР: сб. материалов и статей (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 343 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (Далее : НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 425.
4. НАРБ. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 23а.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма ленинизма при ЦК КПСС. – Мин. : Беларусь, 1983–1987. – Т. 1 : 1918–1927. – 1983. – 527 с.
6. Краткий отчет Госплана / Гос. Плановая Комиссия при СТО; под ред. В. П. Глебова. – М. : Ред.-изд. отдел Гос. Общеплановой Комиссии при СТО, 1924. – 242 с.
7. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сашэўскага, З. Жылуновіча і У. Ігнатоўскага. – Мин. : Выд. ЦВК БССР, 1924. – 322 с.

Е. П. Ермолович

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

В современном мире политика памяти превратилась в стратегический ресурс формирования национальной идентичности и консолидации общества вокруг ключевых государственных ценностей. Для Республики Беларусь, находящейся в условиях сложных геополитических процессов, конструирование единого исторического нарратива является задачей первостепенной важности. Особенностью белорусской модели является тесная интеграция политики памяти с укреплением социально-политического института семьи, что превращает последний не только в объект социальной поддержки, но и в активного агента идеологического воспроизведения.

Политику памяти как компонент государственной политики следует рассматривать как систематическую и целенаправленную деятельность государства, направленную на формирование официальной версии национальной истории, ее распространение и институциональное закрепление в общественном сознании в качестве доминирующей интерпретации с учетом обратной связи. В условиях трансформации информационного пространства современных обществ, характеризующегося растущей открытостью, взаимозависимостью и многообразием источников информации, национальные государства сталкиваются с необходимостью защиты

своей коллективной памяти и исторического наследия. В этом контексте институт семьи приобретает особое значение как первичный агент социализации, через который осуществляется передача культурных ценностей, формирование патриотических установок и закрепление национальной идентичности. Семья выступает не только посредником государственной политики памяти, но и элементом ее инфраструктуры, способствующим закреплению официальной интерпретации исторического прошлого в повседневной жизни граждан, обеспечивая межпоколенческую преемственность ценностей и укрепление социальной консолидации [1, с. 58].

В этом процессе семья выполняет двойную функцию: Во-первых, семья выступает в качестве объекта воздействия, поскольку государственные инициативы целенаправленно ориентированы на неё как на базовую социальную ячейку, через которую осуществляется усвоение официального политического дискурса. Во-вторых, семья выполняет функцию агента трансляции, становясь каналом неформальной и доверительной передачи исторической памяти и ценностных установок от старших поколений к младшим. Данный механизм обеспечивает официальному нарративу дополнительную легитимацию и придает ему эмоционально-личностное измерение, усиливающее его устойчивость в общественном сознании.

Взаимосвязь политики памяти и социально-политического института семьи находит выражение в системе нормативно-правовых актов Республики Беларусь, которые формируют идеологическое и ценностное основание государственной политики.

Конституция Республики Беларусь (ст. 32) закрепляет традиционное понимание брака как союза женщины и мужчины и возлагает на государство обязанность защиты семьи. Данная норма выступает не только юридической гарантией института семьи, но и ценностным ориентиром, формирующим культурно-идеологическое поле, в котором осуществляется политика памяти. Именно традиционная семья в конституционном измерении трактуется как хранитель политического и культурного наследия, а следовательно – как базовый субъект межпоколенческой трансляции ценностей [2].

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь напрямую коррелирует демографическое благополучие с сохранением исторической преемственности. В документе особо подчеркивается, что «сохранение исторической памяти народа» и «укрепление института семьи» являются взаимодополняющими условиями обеспечения национальной безопасности. Такой подход отражает стратегическое понимание роли семьи как ключевого актора воспроизводства памяти, способного противодействовать деструктивному внешнему влиянию и содействовать консолидации общества на основе устойчивых ценностей и традиций [3].

Ключевым документом, синтезирующим эти подходы, является Директива Президента Республики Беларусь № 12 от 9 апреля 2025 г. «О реализации основ идеологии белорусского государства» [4]. В ней подчеркивается роль семьи в «воспитании у молодежи уважения к подвигу белорусского народа в Великой Отечественной войне», ставится задача по «активному привлечению семей к участию в памятных мероприятиях, посвященных важнейшим событиям отечественной истории», укрепление института семьи позиционируется как необходимое условие для «сохранения историко-культурного наследия и передачи традиционных ценностей новым поколениям».

Интеграция института семьи в политику памяти в Республике Беларусь осуществляется преимущественно через систему памятных дат, общественных мероприятий и коммеморативных практик, имеющих межпоколенческий и консолидационный характер.

Наиболее значимым событием выступает День Победы 9 мая, который в белорусской модели политики памяти занимает центральное место. Как отмечают исследователи, именно Великая Отечественная война остается «реперной точкой» исторического нарратива, обладающей наибольшим интегративным потенциалом для общества [5, с. 53].

Празднование Дня Победы выстраивается как межпоколенческий ритуал, обеспечивающий сопричастность разных социальных и возрастных групп к единому историческому опыту. Вовлечение детей и молодежи в концертные программы, церемонии возложения цветов и вахты памяти визуализирует идею преемственности поколений и институционализирует процесс передачи исторической памяти.

Наряду с этим важное значение имеют День матери 14 октября и День отца 21 октября, обладающие выраженной социально-идеологической направленностью. В Республике Беларусь День отца официально учрежден в 2022 г. и отмечается в рамках «Недели родительской любви», следующей за Днем матери. Эти праздники акцентируют внимание на ценностях родительства, многодетности, семейных и трудовых династий, что формирует образ семьи как носителя и хранителя государственно значимых традиций. Их проведение сопровождается награждением матерей и отцов, внесших значимый вклад в воспитание молодежи, что символически подчеркивает прямую связь между моделью «образцовой семьи» и лояльностью к официальному политическому дискурсу.

Не менее важным элементом становится организация совместной семейной деятельности, сопряженной с посещением мемориальных комплексов («Хатынь», «Дальва», «Курган Славы», «Буйничское поле», «Землянка», «Брестская крепость-герой» и др.), музеев и памятных мест. Подобные мероприятия формируют своеобразную «инфраструктуру памяти», в рамках которой семья закрепляется в роли посредника между государством и обществом, превращаясь в главный канал воспроизведения исторической памяти и ценностных ориентиров.

Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко неоднократно подчеркивал важность сохранения исторической памяти и укрепления института семьи как основы государственной идеологии и национальной безопасности. В своих выступлениях он акцентировал внимание на роли семьи в передаче исторических ценностей и патриотического воспитания. В своем выступлении на международном патриотическом форуме «Великое наследие – общее будущее» 29 апреля 2025 года А. Г. Лукашенко подчеркнул: «Как только забудем путь к Хатыни, Сталинграду, Брестской крепости, все вернется снова, мгновенно, даже не заметим. Поэтому мы должны, зубами вцепившись, держаться за эту историческую память» [6].

В обращении по случаю Дня Независимости 1 июля 2025 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отметил: «Память о подвиге непокоренного народа – вопрос национального достоинства, без которого разговоры о независимости, суверенитете, свободе – просто слова» [7]. Эти слова подчеркивают важность сохранения политической и исторической памяти как основы национальной идентичности и суверенитета.

Анализ государственной политики памяти и роли института семьи в Республике Беларусь демонстрирует, что данные элементы выступают ключевыми инструментами консолидации общества и укрепления национальной идентичности.

В белорусской модели политика памяти конструируется как часть идеологии белорусского государства, в рамках которой институт семьи выполняет преимущественно идеологическую функцию. Он включается в процесс институционализации официального политического нарратива и действует как структурный элемент воспроизведения ценностно-нормативного порядка. Через закрепление памятных дат, коммеморативные мероприятия и образовательные инициативы семья обеспечивает легитимацию политического устройства, межпоколенческую трансляцию идентичности и символическое единство общества. В данном контексте семья выступает не только социально-политическим институтом, но и идеологическим ресурсом, необходимым для поддержания политической стабильности и укрепления национального суверенитета.

Список использованных источников и литературы

1. Белявцева, Д. В. Политика памяти как актуальное направление государственной политики в условиях информационных войн / Д. В. Белявцева // Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения : материалы круглого стола каф. политологии Белорус. гос. ун-та, Минск, 31 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, С. Г. Паречина. – Мн. : БГУ, 2022. – С. 57–63.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мин. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с.

4. О реализации основ идеологии белорусского государства: Директива Президента Республики Беларусь, 9 апреля 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.09.2025).

5. Михайлов, А.П. Политика памяти как инструмент формирования региональной идентичности: применение метода Контент-анализа / А. П. Михайлов, Т. А. Рунаев // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. Вып. 1 (334). С. 47–55.

6. Участие в международном патриотическом форуме Союзного государства «Великое наследие - общее будущее» 29 апреля 2025 г. // Президент Респ. Беларусь. Официальный интернет – портал. URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-mezdunarodnom-patrioticeskom-forume-souznogo-gosudarstva-velikoe-nasledie-obsee-budusee> (дата обращения: 16.09.2025).

7. А. Г. Лукашенко : память о подвиге нашего народа – вопрос национального достоинства 1 июля 2025 г. : Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/july/89347/> (дата обращения: 16.09.2025).

С. Б. Жихарев

БЕРДИЧЕВО-БРЕСТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА: ОТ «ВЫСОЧАЙШЕГО СОИЗВОЛЕНИЯ» ДО НАЧАЛА ПРОВЕДЕНИЯ ИЗЫСКАНИЙ

Основанное в 1878 г. в результате слияния Одесской, Киево-Брестской, и Бресто-Граевской железнодорожных линий акционерное общество Юго-Западных дорог установило контроль над кратчайшим рельсовым путем между Одессой и Кенигсбергом, а, следовательно, между Черным и Балтийским морями (2298 верст). Акционерное общество Юго-Западных железных дорог было вторым по значению и мощи (после Главного общества российских железных дорог) частным предприятием в концессионный период в России. Управление по лучшим образцам континентальной Европы (Пруссия, Бельгия, Франция) и прибыльность финансовой деятельности закрепили за железнодорожной компанией репутацию «благополучного» частного предприятия. Исследование начальной точки отсчета истории создания Юго-Западных железных дорог, связанной с принятием решения о строительстве железнодорожной линии из Бердичева до Бреста с ветвью к австрийской границе возле Радивилова (535 верст) – второго заключительного участка Киево-Брестской железной дороги, является целью данной статьи.

23 апреля 1866 г. Александр II утвердил сеть приоритетных железных дорог в Российской империи. Это означало, что до завершения их строительства приостанавливалась выдача концессий на строительство других железнодорожных линий. Несмотря на повышенный интерес к железной дороге от Бердичева через Житомир, Пинск, Kobrin в Брест-Литовск (471 верста) со стороны частных компаний в категорию «самых необходимых» она тогда не вошла [1, л. 3]. Резолюция императора Александра II содержала оптимистичный прогноз по поводу перспектив строительства железной дороги Бердичев–Брест-Литовск: «до окончания более важных линий можно иметь ввиду со временем. Считаю весьма полезной дорогой» [2, л. 34 об.].

18 октября 1868 г. Александр II поручил министрам путей сообщения и финансов представить в Комитет железных дорог развернутые обоснования к списку наиболее значимых железнодорожных линий на которые могут быть выданы концессии с правительственный гарантированием на капитал. Постановление Комитета железных дорог по данному вопросу перед утверждением императора планировалось обсудить в Комитете министров [3, с. 252]. Исполняя поручение царя, министр путей сообщения П.П. Мельников 6 ноября 1868 г. представил

в Комитет железных дорог записку, в которой определил запланированные к строительству 6 тыс. верст новых железных дорог с правительственный пособием. Все эти линии были разделены на две категории по причине невозможности одновременного строительства 16 железных дорог (5841 верст) с предоставлением правительственной гарантии. Последнее место в первой категории (седьмая по счету) заняла железная дорога от Бердичева до Бреста через Житомир и Пинск или через Ковель длиной 470 верст [3, с. 253]. В утвержденную 25 ноября 1868 г. Комитетом железных дорог сеть вошла линия «от одного из пунктов Киево-Балтской дороги до Бреста (500 верст)» [3, с. 261].

В переписке с графом Ф.Ф. Бергом министр финансов М. Х. Рейтерн подчеркивал, что «железная дорога важна в военном и коммерческом отношениях и ее непременно необходимо строить через Пинск, даже если другие направления [на Ковель или Луцк – примечание С.Ж.] выигрышнее в техническом отношении. Тогда легче будет соединить с Вильно» [2, л. 23 об.]. Из письма следует, что Рейтерн разделял мнение военного министра Д. А. Милютин о том, что железная дорога Бердичев–Брест–Вильно будет иметь стратегическое значение, «соединяя разделенные болотным пространством губернии Северо-Западной и Юго-Западной России [2, л. 23 об.]. Вместе с тем, министр финансов крайне осторожно оценивал перспективы экономической успешности этой линии в качестве транзитной магистрали. В случае ее постройки не может быть гарантии, – писал М. Х. Рейтерн, – что «невыгодный ранее для России сбыт производительных местностей Волыни и Литвы через Прусские порты пойдет обязательно напрямую к Либавскому порту, а не сохранится прежний порядок дел» [2, л. 34].

Более чем полтора года спустя министр путей сообщения П. П. Мельников в своем всеподданнейшем докладе, сделанном 13 декабря 1867 г., исключил возможность торговово-промышленного использования Брест-Бердичевской линии в ближайшем будущем. Функции транспортного обслуживания региона, по мнению Мельникова, здесь исторически принадлежат Киево-Брестскому шоссе и Днепровско-Бугской водной системе [1, л. 3 об.]. Тем не менее, глава путейского ведомства подтвердил целесообразность соединения Санкт-Петербург–Варшавской железной дороги с Киево-Балтской при помощи Брест-Бердичевской линии по военным соображениям. С этой целью в октябре 1866 г. главный инженер Ди-набурго-Витебской железной дороги Вильямс провел изыскания железной дороги от Витебска через Могилев до Киева [1, л. 4].

Предсказывая быстрое развитие железнодорожной сети региона, П. П. Мельников видел практический смысл в проведении изысканий Бердичево-Брестской линии. В перспективе она должна стать связующим звеном между северо-западными и юго-западными железными дорогами [1, л. 3 об.]. Мельников предлагал провести изыскания от Бердичева через Житомир до Бреста по двум направлениям. Самый прямой вариант по направлению на Брест имел крупный недостаток. Бердичево-Брестская железная дорога слишком приближалась к австрийской границе. В случае войны с Австрийской империей возникала угроза захвата железной дороги войсками неприятеля. Преимущество строительства железной дороги по более протяженному направлению через Пинск заключалось в ее безопасном отдалении от австрийской границы. Развитый в торговом отношении Пинск мог создать дополнительные возможности для прибыльной эксплуатации Бердичево-Брестской железной дороги, обеспечивая ее коммерческими грузами [1, л. 4 об.].

В подготовленной для обсуждения в Комитете железных дорог и Комитете министров по поручению Александра II 6 ноября 1868 г. записке мысли главы путейского ведомства по поводу строительства линии Бердичев–Брест обрели системность и завершенность. «Дорога эта необходимая в военном отношении, обещала бы и экономические выгоды в случае проведения ее на Пинск и соединения Пинска с Вильной, так как при этом произведения Волыни и Литвы получили бы возможность прямого сбыта вместо прусских портов в Либаву» [3, с. 254]. Далее П.П. Мельников выражал во многом сходные с министром финансов М. Х. Рейтерном опасения по поводу неизменности установившейся не в пользу России направленности грузопотоков: «Но нам кажется, что здесь упущено из вида, что прусские

порты гораздо ближе к Бресту чем Либава, и что первые гораздо глубже, чем Либавский порт. А эти два обстоятельства не допускают никакой возможности Либаве конкурировать с прусскими портами, по отношению к сбыту произведений нашего юго-западного края» [3, с. 254]. Безотлагательное строительство линии Бердичев-Брест нашло немало сторонников среди членов Комитета министров.

Идею строительства Бердичево-Брестской железной дороги поддержал доверенный акционерного общества Киево-Балтской железной дороги Фильёль Броги. Он представлял в России интересы франко-бельгийской компании (председатель директор Генерального банка в Брюсселе барон А. де Вриер).

27 декабря 1868 г. Александр II утвердил следующую «сеть важнейших железных дорог, на которые считается возможным даровать концессии с пособием от правительства» [3, л. 4]. Военное министерство добилось включения в новый план железнодорожного строительства четырех железных дорог в западном крае. Однако Комитет железных дорог признал целесообразность сооружения здесь только трех линий, опоясывающих лесистое и болотистое Полесье: 1) от Нежина через Чернигов до Могилева, 2) от Могилева через Минск, Синявку, Кобрин до Бреста и 3) линия от одного из пунктов Киево-Балтской железной дороги до Житомира. Последующее направление железной дороги от Житомира до Бреста на тот момент не было определено. Еще предстояло сделать выбор исходя из двух основных критериев: удобство рельефа местности и степень удаленности от Австрийской границы [4, л. 4 об.]. Иначе говоря, принятие окончательного решения зависело от соотношения сил в данном вопросе между путевским и военным ведомствами. Если перевес окажется на стороне МПС, то Житомир-Брестский участок пройдет через Ровно и Ковель, ежели одержат верх военные, то будет принято направление к Бресту через Кобрин.

Последовательным сторонником установления железнодорожного сообщения между юго-западным краем и Царством Польским через Брест-Литовск выступал наместник в Варшаве генерал-фельдмаршал граф Ф. Ф. Берг [4, л. 3]. Как уже отмечалось, по распоряжению Берга были проведены изыскания линии Брест-Бердичев. В конце 1868 г. используя свои служебные «каналы», граф пытался выяснить в петербургских правительственные сферах о времени начала строительных работ на втором участке линии Киево-Брестской железной дороги. С целью сбора информации по данному вопросу для наместника в Царстве Польском военный министр Д.А. Милютин 31 января 1869 г. вступил в переписку с главой путевского ведомства П. П. Мельниковым [4, л. 3 об.]. 19 марта 1869 г. Департамент железных дорог Министерства путей сообщения направил в военное ведомство, а с ним и наместнику в Польше графу Бергу уведомление о состоянии дел [4, лл. 4–6]. Авторами справки выражались сомнения в возможности открытия строительства Бердичево-Брестского участка Киево-Брестской линии в текущем 1869 году [4, л. 7].

Почти одновременно с разработкой высшими правительственными инстанциями направления будущей Бердичево-Брестской железной дороги сановниками, инженерами и предпринимателями велись неофициальные изыскания названной железнодорожной линии. В их расчеты входило обретение преимуществ в предполагаемой конкурентной борьбе за концессию на сооружение железной дороги между Бердичевым и Брестом. Несмотря на то, что в период с 1867 по 1869 г. включительно было выдано минимум 8 разрешений на проведение подобных изысканий 27 апреля 1870 г. концессия на Киево-Брестскую железную дорогу (в соответствии с утвержденным Александром II положением Комитета министров) была дарована действительному статскому советнику А. А. Рябинину. Концессия на Киево-Брестскую железную дорогу была выдана Рябинину без проведения им предварительных изысканий по всей длине новой дороги.

Тем ни менее, результаты выполненных изысканий «не пропали даром»: детальная проработка самых разных вариантов и направлений сооружения железнодорожной линии будет использована предпринимателями и правительством в бесконечных препирательствах и спорах между собой при выработке окончательного проекта и устава железнодорожной линии Киев – Бердичев – Брест.

Список использованных источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 219 (Департамент железных дорог МПС). Оп. 1. Д. 6115. Дело по ходатайству Фильёли Броги произвести изыскания от Бердичева через Житомир до Брест-Литовска. 22 лл.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 547 (Берг Федор Федорович). Оп. 1. Д. 616. Письма М. Х. Рейтерна Бергу Ф.Ф. на русском и французском языках. 116 лл.
3. Головачёв, А. А. История железнодорожного дела в России / А. А. Головачев. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. – 404 с.
4. РГИА. – Ф. 219. Оп. 1. Д. 6878. Дело о выдаче концессии на построение Бердичево-Брестской железной дороги. 12 лл.

И. И. Калачева

УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ» В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ БГУ

В контексте образовательной деятельности историческая память выполняет ряд важнейших функций: мировоззренческую (формирует целостную картину исторического процесса); идентификационную (способствует осознанию принадлежности к белорусской нации и государству); аксиологическую (определяет систему ценностных ориентаций личности); воспитательную (лежит в основе патриотизма и гражданской ответственности) [1, 2, 3].

В Республике Беларусь сохранение исторической памяти признано важнейшим направлением государственной политики в сфере образования и работы с молодежью. Целью воспитательной работы в учреждениях высшего образования Республики Беларусь является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося, обладающей развитым историческим сознанием и чувством патриотизма. В соответствии с этой целью решается комплекс задач, важнейшими из которых являются:

- формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе идеологии белорусского государства;
- подготовка к самостоятельной жизни и труду;
- усвоение общечеловеческих гуманистических ценностей, культурных и духовных традиций белорусского народа;

развитие правовой культуры и готовности к исполнению гражданского долга.

Идеологическая и воспитательная работа в учреждениях высшего образования Республики Беларусь осуществляется в соответствии с комплексом нормативных правовых документов, образующих единое нормативное поле. Ключевыми документами в этой сфере являются: Кодекс Республики Беларусь об образовании; Директива Президента Республики Беларусь № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства»; Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи; Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 годы; Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы; Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года.

Данные документы определяют содержание, формы и методы воспитательной работы в учреждениях высшего образования, устанавливают единые требования к ее организации и проведению. На их основе разрабатываются планы воспитательной работы на уровне университета, факультетов и кафедр, что обеспечивает системный характер идеологической и воспитательной деятельности.

Анализ опыта работы учреждений высшего образования Республики Беларусь позволяет выделить несколько взаимосвязанных подходов к сохранению исторической памяти:

Ценностно-ориентированный подход предполагает формирование у студентов системы ценностей, основанной на любви к Родине, уважении к историческому прошлому, ответственности за судьбу страны. В его рамках историческая память рассматривается как основа ценностных ориентаций личности и общества.

Деятельностный подход ориентирует на активное участие обучающихся в различных формах воспитательной работы, что способствует личностному освоению исторического опыта и формированию эмоционально-ценостного отношения к истории.

Междисциплинарный подход предполагает интеграцию усилий преподавателей различных кафедр (социально-гуманитарных, специальных) в сохранении исторической памяти, что обеспечивает целостное воздействие на сознание и мировоззрение обучающихся.

Системный подход рассматривает сохранение исторической памяти как непрерывный процесс, осуществляемый в единстве учебной, внеучебной и научной деятельности обучающихся.

Аудиторная работа занимает центральное место в системе сохранения исторической памяти студентов. В белорусских вузах в учебные планы включены дисциплины социально-гуманитарного цикла, имеющие особое значение для становления исторического сознания, при этом особая роль отводится курсам «История белорусской государственности» и «Великая Отечественная война советского народа».

Принимая во внимание тот факт, что в БГУ, на факультете философии и социальной коммуникации существует подготовка специалистов по социальной коммуникации, в профессиональную деятельность которых входит формирование стратегий коммуникации разных целевых групп населения страны с государством, с гражданским обществом, со средствами массовой коммуникации, обратимся к опыту, полученному в процессе внедрения дисциплины по выбору студента в учебный процесс. Учебная дисциплина под названием «Историческая память в социальных исследованиях» «Историческая память в социальных исследованиях» читается на 4 курсе на протяжении двух лет – 2023–2024 учебный год и 2024–2025 учебный год. Опыт разработки и внедрения учебного курса показал, что данная категория специалистов может стать опорной в достижении целей продвижения традиций исторической памяти в белорусском социуме.

С одной стороны, освоение учебной дисциплины «Историческая память в социальных исследованиях» обеспечивает подготовку специалистов, которые могут исследовать феномены исторической памяти, в общественном дискурсе, на уровне частной жизни, в процессе сохранения семейно-родовой памяти. Навыки, полученные студентами, помогут выпускникам стать экспертами по актуальным и открытым вопросам, а с другой стороны, в условиях широкого применения информационных технологий освоить пиар-технологии по продвижению исторической памяти в контексте целей и задач государственной политики памяти белорусского народа. Огромное значение в ходе практических занятий придается освоению различных социальных технологий, пригодных для работы в сфере образовательной, просветительской деятельности учреждений Республики Беларусь, обеспечивающих сохранение, трансляцию и формирование ценностей исторической памяти и воспитание патриотизма с разными категориями детей, подростков, молодёжи.

Цель дисциплины – систематизация и расширение знаний в области исследовательской работы по проблематике сохранения и продвижения ценностей исторической памяти как фундаментальной основы белорусского народа.

Задачи дисциплины:

- познакомить студентов с основными направлениями работы по проблематике исторической памяти в контексте целей и задач государственной политики памяти белорусского народа;
- познакомить студентов с особенностями применения исследовательских методов в процессе изучения проблематики, связанной с задачами сохранения, трансляции и популяризации исторической памяти;
- сформировать навыки использования коммуникативных технологий для проведения научно-познавательной, образовательной и просветительской работы по проблемам исторической памяти.

уметь:

- анализировать исследовательские и коммуникативные технологии с точки зрения эффективности в оценке достижении целей исторической памяти;
- реализовать коммуникативные технологии с учетом основных характеристик целевых аудиторий;
- прогнозировать коммуникативные стратегии продвижения ценностей исторической памяти и воспитание патриотизма в перспективе.

владеть:

- навыками применения исследовательских и коммуникативных технологий в процессе продвижения исторической памяти как ценности белорусского народа.

В учебном процессе в работе со студентами была достигнута учебная цель – систематизация и расширение знаний в области исследовательской и экспертной работы, обучающимися был изучен большой объем социально-культурных практик, касающихся проблематики исторической памяти.

Студенты ознакомились с основными направлениями работы в контексте целей и задач государственной политики памяти белорусского народа. Интерес вызвала тема, посвященная изучению возможностей медиапространства как среды продвижения ценностей исторической памяти белорусского народа. В рамках занятий были рассмотрены возможности СМИ в конструировании концепта исторической памяти в современном белорусском обществе, роль белорусского радио и белорусского телевидения, разнообразие тематик в новых программах, успешные проекты и конкурсы журналистов, опыт авторской журналистики. Обсуждался вопрос о соотношении использования как традиционных (печатных) изданий и электронных, роль блогеров. Студенты активно обсуждали новые формы работы в медиапространстве, в особенности, потенциал социальных сетей.

Особенно ценным оказался самостоятельный опыт работы со студентами. Ими были подготовлены авторские рекламные и пиар-проекты по темам «Пантеон национальных героев» и «Социальные исследования исторической и семейно-родовой памяти в белорусском социуме». В результате проведенной исследовательской работы, были подготовлены научные доклады и проекты, использованы знания рекламной и пиар-технологий. Презентация работ в студенческой аудитории позволила провести дискуссии и обсуждение, установить диалог между студентами. Лучшие работы студентов были рекомендованы для участия в студенческих научных конференциях факультета и вуза.

Интересным и востребованным оказался опыт написания эссе по следующим темам:

Проблематика исторической памяти как социальная проблема;
Сохранение коллективной памяти народа – главная функция городов.

Памятники и памятные места в патриотическом воспитании

История создания одного памятника

Известные люди и исторические личности

Блогеры и их роль в продвижении ценностей исторической памяти.

Социальные сети и их потенциал в продвижении ценностей исторической памяти.

Почему коммеморативные практики обладают образовательным и воспитательным потенциалом?

Место памяти как локация присутствия прошлого в современности

Семейно-родовая память как часть исторической памяти и жизни общества.

Фотография как уникальный источник коммуникации поколений.

Фотография как памятка.

Фотопортрет в контексте памяти: расшифровка надписей как вербальное послание.

Учит ли сохранению исторической памяти история как учебный предмет?

Я знаю родословную своей семьи и горжусь своими предками и др.

В целом, полученный опыт дисциплины по выбору студентов под названием «Историческая память в социальных исследованиях» представляется заслуживающим внимания и распространения на другие специальности гуманитарного профиля.

Список использованных источников и литературы

1. Гигин, В. Ф. Университет как элемент формирования исторической памяти / В. Ф. Гигин // Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания : материалы республ. науч.-практ. конф., приуроченной к 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 14 октября 2021 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Исторический фак. ; [редкол. : В. С. Сайганова (отв. ред.), О. В. Новикова, Т. В. Бурак]. – Мн.: БГУ, 2021. – С. 71–75.
2. Зуева, К. М. Асноўныя тэндэнцыі развіцця беларускай сістэмы адукацыі: сацыяльна-філасофскі аналіз / К. М. Зуева // Вышэйшая школа. – 2021. – № 4. – С. 47–51.
3. Историческая память как фундаментальная ценность белорусского народа / И. И. Калачёва [и др.] ; под общ. ред. И. И. Калачёвой. – Мн. : БГУ, 2023. – 255 с. : ил.

Е. Н. Квилинкова

МОЛДАВАНЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ВКЛАД В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА РЕГИОНА

История молдавской диаспоры в Беларуси насчитывает уже 100 лет. Впервые в БССР они фигурируют во Всесоюзной переписи населения 1926 г. – 63 человека [1]. В настоящее время в Беларуси проживают более 5 000 уроженцев Республики Молдова, из них 2 407 молдаван с гражданством Республики Беларусь и 2100 граждан живет здесь постоянно с видом на жительство [2].

Среди осевших в Беларуси молдаван много специалистов с высшим и средним специальным образованием. Кто-то из них прибыл еще в БССР на практику по направлению институтов и техникумов или на курсы повышения квалификации. Некоторые оказались здесь во время службы в армии, после окончания которой поступили в белорусский вуз или женились на белорусках. Немало уроженцев Молдовы самых разных специальностей переехало сюда в постсоветский период – вынужденная миграция [3; 4]. Среди них более всего специалистов в области сельского хозяйства, что вполне объяснимо, так как Молдова – это традиционно земледельческий край, где люди с детства приучены к труду и земле.

В Беларуси молдаване оказались востребованными. Они трудолюбивые, энергичные, предпримчивые, гостеприимные, открытые. Беларусь их тепло приняла и здесь они прижились: могут реализовываться и чувствуют себя комфортно. Сфера деятельности живущих в Беларуси молдаван самая разнообразная. Среди них есть врачи, медсестры, военные (в отставке), работники сферы питания, преподаватели лицеев и колледжей, рабочие (строители, монтажники), колхозники (доярки, полеводы и др.), агрономы и зоотехники, руководители колхозов и совхозов, работники сферы обслуживания (водители такси, продавцы на рынках), индивидуальные предприниматели (специалисты по ремонту и техническому обслуживанию автомобилей, грузоперевозкам и др.), фермеры (садоводы) и самозанятые работники, руководители фирм и крупных компаний и др.

Немало молдаван представлено в сфере культуры (заведующие сельскими клубами – Домами культуры, аккомпаниаторы) и туризма (экскурсоводы, устроители подворий, экоусадеб), чему способствуют их природные музыкальные данные, умение общаться, организовывать праздники и хорошо готовить и др. Под их руководством в деревнях создавались белорусские вокальные группы, устраивались и устраиваются праздники и концерты. Тем самым они способствовали реанимации и сохранению, прежде всего, белорусского фольклора и народной культуры. Данная деятельность активизировала в них самих стремление к продвижению в белорусском пространстве и молдавских народных песен [4].

Целью данной статьи является освещение вклада молдаван Гомельской области в социально-экономическое развитие региона и формирование его имиджа. Работа основывается на полевых материалах автора, собранных в 2020–2024 гг. [5].

Изучение этнических общностей в таком ключе актуально, так как позволяет им осознать свою роль в развитии страны проживания. Это способствует формированию у них гражданской идентичности и служит важным фактором в вопросе идентификации ими Беларуси как второй родины.

Анализ данных переписи населения Республики Беларусь показал, что более всего молдаван представлено в Гомельской области. По переписи 2019 г., их численность в этом регионе составляла 574 человека [6], но это только те, кто с гражданством Беларуси. Общее число молдаван в данной области более 1000 человек. По статистике мужчин-молдаван в Беларуси больше, чем женщин. Однако в этом вопросе Гомельская область составляет исключение: по последней переписи численность женского пола превышает число мужчин – 310 и 264 человек, соответственно [6]. Большая часть молдаван хоть и с небольшим перевесом живет там в сельской местности.

Немало живущих в Гомельской области молдаван сумели организовать свой небольшой бизнес: выращивают различные фрукты (яблоки, сливы, персики и др.), занимаются селекцией саженцев садовых деревьев и цветов, разводят скот, открыли фирмы по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей, маршрутным перевозкам, занимаются древесиной, пиломатериалами и т. д.

Респонденты особо подчеркивают, что молдаване в Беларуси очень востребованы как агрономы, садоводы. Многие из них в свое время закончили в Молдове сельскохозяйственный институт (агрономы, механики, гидромелиораторы, ветеринары и др.). Более всего специалистов-аграрников представлено в Гомельской области. Между молдаванами этого региона довольно тесные контакты. Они хорошо знают друг друга.

Гомельская область – лидер по питомникам, занимающимся разведением саженцев. В Ветковском, Речицком и Калинковичском районах уроженцы Молдовы создали питомники плодово-ягодных культур. Свою деятельность они не считают бизнесом, а рассматривают ее как семейное дело и профессию. (В этом им большую помощь оказывают вторые половинки, которые, как правило, той же национальности.) Они – выходцы из сельской местности и на практике знают свое дело. Многие из них потомственные садоводы.

«У них это получается. У них есть эти знания, и они очень трудолюбивые. Молдаване, как приехали сюда, этим занимаются. Люди трудятся везде. Здесь раньше никто не вел селекцию саженцев: яблоки, персики, сливы, груши, розы. Они реализуют свою сельскохозяйственную продукцию не только на рынке. У них ее закупают и школы, и детские сады. Им государство дает землю в аренду, технику. И в Ленино очень много наших – они там работают в государственном хозяйстве» [5].

Известным не только в Гомельской области и во всей Беларуси, но и в России является фермерское хозяйство “Добуляк”, созданное молдаванином Олегом Добуляк. В 2000 г. их семья обосновалась в д. Споницкая Ветковского района. Там они купили частный дом и стали заниматься выращиванием саженцев плодово-ягодных и декоративных культур. Начинали они с 20 соток и каждый год по немного увеличивали объем площадей. В 2010 г. открыли свое фермерское хозяйство и взяли в аренду 50 га земли для выращивания плодовых-ягодных и декоративных культур. В настоящее время в их пользовании 80 гектаров земли, и они подали заявку еще на 30 гектаров.

За 25 лет упорного труда семья Добуляк сумела добиться многого. Созданное ими фермерское хозяйство хорошо известно в Беларуси не только своими питомниками, в которых выращиваются качественные саженцы самых различных садовых и декоративных культур. Имидж региону хозяйство «Добуляк О. В.» заработало благодаря высаженному ими большому лавандовому полю, ставшему трендом Гомельской области. В СМИ его уже называли «Гомельский Прованс» [7]. Приехав в Беларусь, они привезли с собой из Молдовы

лаванду (сорт назвали «кишиневская лаванда») и каждый год понемногу ее разводили. На момент опроса в хозяйстве было 6 га лавандового поля. В дальнейшем они планируют зарегистрировать его как усадьбу.

Другой питомник плодово-ягодных культур – «Крестьянское хозяйство “Гожан Андриан”», созданный молдаванином А. Гожан, действует в Речицком районе с 2010 г. В питомнике широкий выбор посадочного материала гарантировано высокого качества (саженцы плодово-ягодных культур, лук, саженцы роз и других многолетних цветов и популярных растений и т. д.), адаптированного под белорусские климатические условия и по доступным ценам [8].

Эти и другие организованные уроженцами Молдовы фермерские хозяйства вносят свой вклад как в развитие сельского хозяйства как Гомельской области, так и Беларуси в целом. Профессиональными знаниями молдаване щедро делятся с местным населением и своим примером способствуют активизации предпринимательской деятельности среди местного населения.

«Раньше в Беларуси выращиванием саженцев занимался только один государственный институт, а после того, как мы появились и начали свое дело, “проснулись” и сами белорусы и начали совместно работать. Я бы даже сказал, что они более плотно работают в этом направлении. При необходимости белорусские фермеры у нас спрашивают, мы их консультируем, но с годами они и сами научились этому. Да и в целом, здесь молдаване дали такого азарта и огня, что сейчас очень много белорусов этим занимается. В Минской области в Самохваловичах много моих друзей-белорусов, которые стали индивидуальными предпринимателями. Есть и фермеры, которые непосредственно занимаются плодово-ягодными и декоративными культурами. После нас уже появились даже небольшого размера лавандовые поля – в Мозыре, Минске» [5].

Выращивание винограда и виноделия является составной частью молдавского культурного кода. Поэтому вполне естественно, что и в Беларуси немало молдаван занятых в этой сфере. Так, Мотынга Василий Семенович организовал в Гомеле акционерное общество «Кодру», которое позже стало белорусско-молдавским совместным акционерным обществом.

«Когда он сюда переехал, то купил здесь Гомельский консервный завод и создал винзавод “Кодру”. Вначале все 100 % были его, но потом он часть продал. Теперь 30 % у государства, а остальное у него. <...> Они посадили виноград в Брестской области, чтобы иметь собственный материал для производства вина. У них там очень большие плантации» [5].

Оценивая вклад уроженцев Молдовы в развитие сельского хозяйства Гомельской области, можно выделить три основных, на наш взгляд, направления:

Во-первых, созданные ими фермерские хозяйства размножают качественный посадочный материал, выращивают фрукты и способствуют обеспечению ими школ, детских садов и населения.

Во-вторых, они работают на формирование имиджа Гомельской области и Беларуси в целом. Так, благодаря хозяйству «Добуляк О. В.» в указанной области высажено самое большое лавандовое поле, которое привлекает туда туристов со всей Беларуси, а также из других соседних стран.

В-третьих, организованные в Беларуси молдавские фермерские хозяйства, став успешными, показывают пример другим и подстегивают представителей местного населения на открытие своих фермерских хозяйств или своего дела.

Часть молдаван Гомельской области заняты в сфере животноводства. По сведениям респондентов, недалеко от аэропорта в аг. Поколюбичи (под Гомелем) живет молдаванин – Урсуляк Михаил, у которого свинокомплекс на 3 тыс. голов.

«Он частник. У него своя технология, своя бойня. У него там есть и лошади, и коровы – всего понемногу, но есть. Производить всегда очень тяжело. Он очень хорошо развернулся. Рядом с ним через дорогу государственное хозяйство – совхоз. Глядя на него, и совхоз подтянулся. Поначалу к нему (как руководителю комплекса. – Е. К.) были вопросы, приходилось решать какие-то проблемы. А когда увидели, что он вкладывает деньги в развитие, к нему и власти по-другому стали относиться. Ему помогают. Он там у себя все благоустроил: все красиво оградил, построил беседки. Туда люди приезжают отдыхать. Он создал там хорошие условия» [5].

Большой вклад в социально-экономическое развитие Гомельской области и Беларуси в целом внес и вносит Георгий Филиппович Шандру и созданное им предприятие «Энергопромавтоматика». На рынке Беларуси данная компания работает чуть более 20 лет. По объему она небольшая, но довольно известная в стране. Благодаря созданной им автоматизированной системе контроля и учета электроэнергии, а также деятельности предприятия по мониторингу и налаживанию этой системы на предприятиях Беларуси (в соответствии со всеми принятыми нормативными актами в Республике Беларусь) удалось выровнять по республике графики нагрузки энергосистемы.

«На сегодняшний день в Беларуси примерно две трети крупных предприятий, где внедрена эта система. В результате ее внедрения за один год экономится от 100 до 140 млн долларов – в зависимости от того, какая была нагрузка по республике. Это реальная экономия средств в денежном выражении. Соответственно, налицо экономический эффект: белорусские предприятия стали платить намного меньше за электроэнергию. Например, Белорусский металлургический завод после внедрения этой системы платит на 500–700 тыс. долларов ежемесячно меньше, чем платил до этого. В конечном итоге это влияет на себестоимость продукции, так как доля энергозатрат на продукцию намного уменьшилась. Все предприятия “держатся” за эту систему, так как это реальная экономия денег. <...> Сейчас мы внедряем новую очень серьезную технологию – систему транзита электроэнергии, что тоже очень важно. Мы сертифицируем эту систему. Написали методику поверки системы и методику испытаний, и в настоящее время она ее проходит» [5].

Если говорить в целом о молдаванах, то у них много способных к предпринимательской деятельности. Но для того, чтобы чего-то добиться в чужой стране, они прикладывают большие усилия и знания.

«Если приехавший сюда молдаванин хороший или успешный, то он занимается бизнесом. Если говорить в % соотношении сколько молдаван здесь занимается бизнесом, то из тех, кого я знаю и встречаю в Гомеле – это каждый третий. Я знаю очень многих. <...> Мы покинули родину и приехали в чужую страну, чтобы здесь чего-то добиться, чтобы улучшить нашу жизнь» [5].

Подводя итоги, отметим, что объем данной статьи не позволяет осветить деятельность и вклад лишь всех молдаван в социально-экономическое развитие Гомельской области и Республики Беларусь. Молдавская диаспора Беларуси довольно значительная и среди них много известных и достойных личностей. Несомненно, данное исследование необходимо продолжить, чтобы показать участие молдаван других регионов в развитии Республики Беларусь. Это важно также и для изучения истории молдавской диаспоры, чтобы сохранить имена и память о тех молдаванах, которые по воле судьбы оказались за пределами своей Родины и вносят свой вклад в процветание Республики Беларусь, ставшей для многих из них второй Родиной. За пределами своей этнической Родины молдаване достойно трудятся, гордятся своим народом и своим происхождением, делая все возможное, чтобы о них шла хорошая слава. Здесь они не только прижились, но и своим трудолюбием, хозяйственностью, ответственностью, открытостью и гостеприимством завоевали себе у местного населения большое уважение.

Список использованных источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
2. Молдову и Беларусь объединяет память о Великой Отечественной войне. 08.05.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hramvs.by/sobytiya/moldovu-i-belarus-obedinyaet-pamyat-o-velikoi-otechestvennoi-voine>. – Дата доступа: 20.05.2022.
3. Квилинкова, Е. Н. Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения / Е. Н. Квилоинкова. – Минск : Беларусь, наука, 2023. – 383 с.

4. Квилинкова, Е. Н. Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция / Е. Н. Квилинкова. – Мин. : Беларус. наука, 2024. – 614 с.

5. Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы НАН Беларуси (АИИЭФ): – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 322–388. 310 с. / Е. Н. Квилинкова. Материалы полевых исследований за 2020–2024 гг. по теме «Молдаване Беларуси».

6. Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2019 г. Статистический бюллетень. – Минск, 2020. – С. 1–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/df5/df5842f32b1b8a711043f8f54856f5c8.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2022.

7. Лавандовая ферма «Гомельский Прованс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ekskursii.by/?Dostoprimechatelnosti_Belarusi=16212_. Дата доступа: 20.05.2022.

8. Крестьянское хозяйство «Гожан Андиан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sadovnic.by/o-pitomnike/>. Дата доступа: 20.05.2022.

Н. В. Корникова

ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЕВ БЕЛАРУСИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ДОСУГА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В XXI ВЕКЕ

В XXI в. музей является важным поликультурным институтом, выполняющим значимые социальные функции, в том числе связанные с обеспечением образовательной и рекреационной составляющих. В современных реалиях музеиные учреждения выполняют не только просветительские задачи, но также являются крупными досуговыми центрами, позволяющими через приобщение к историко-культурному и природному наследию реализовывать духовные потребности людей, стимулируют расширение кругозора. На современном этапе музеи Республики Беларусь неизменно выполняют масштабную работу, связанную с сохранением исторической памяти и документированием важнейших общественных процессов и явлений, всячески способствуя популяризации среди широких масс населения социокультурного опыта поколений. Стоит также отметить, что значительную часть среди аудитории музеев Беларуси составляют представители интеллигенции, выступающие крупной группой в социопрофессиональной структуре населения Гомельского региона, и, в силу своих профессиональных интересов, культурных предпочтений, уровня образованности, а также развитого кругозора имеющие приверженность к культурно-познавательному времяпрепровождению. Поэтому с исследовательской точки зрения изучение значимости посещения музеиных учреждений в их туристическом досуге является актуальной задачей.

Цель работы – характеристика посещения отечественных музеев как направления культурно-познавательного туристического времяпрепровождения представителей интеллигенции Гомельщины в XXI в.

Проблематика, связанная с изучением форм общественного досуга населения Беларуси в советский период и на современном этапе, в разное время разрабатывалась отечественными этнографами [1–2], а также нашла отражение в некоторых работах автора [3]. Вместе с тем, непосредственно аспекты, коррелирующие с характеристикой значимости посещения музеиных учреждений в культурно-познавательном туристическом досуге интеллигенции Гомельщины, представлены фрагментарно.

Источниками для написания работы послужили материалы опросов, проведенных автором среди представителей интеллигенции Гомельщины различных половозрастных и профессиональных групп. В рамках исследования было опрошено 134 человека в возрастном диапазоне от 25 до 78 лет.

На современном этапе в Республике Беларусь действует широко разветвленная сеть музеиных учреждений, реализующих культурно-образовательную и просветительскую деятельность, направленную на удовлетворение познавательных интересов широкой аудитории, а также имеющих соответствующую рекреационную инфраструктуру. Это обуславливает интерес и востребованность посещения музеев как важных туристических объектов Беларуси. По данным за 2024 г. музейная сеть Республики Беларусь представлена 155 учреждениями, среди которых преобладают музеи комплексного, исторического и художественного профиля. Число посещений музейных учреждений за указанный период составляет 8 719,8 тыс. и характеризуется постоянным приростом потока посетителей в динамике за последние годы [3, с. 139].

В результате проведенного исследования было выявлено, что посещение отечественных музейных учреждений представителями интеллигенции Гомельщины в XXI в. является одним из важных направлений их культурно-познавательного туристического досуга на современном этапе.

Среди музеев, в которых побывали опрошенные, были названы учреждения в различных регионах Беларуси. В большинстве случаев подобный опыт был связан с туристическими поездками и мотивирован интересом к приобретению культурных впечатлений и познавательному времяпрепровождению, а также с желанием узнать об отечественной истории и культурном наследии в национальном или региональном масштабе.

Наиболее массово посещаемыми в рамках культурно-познавательного туристического досуга интеллигенции Гомельщины в XXI в. по результатам проведенного опроса оказались крупные музеи республиканского и областного масштаба, которые выступают историческими и культурными символами, а также известными туристическими брендами как всей Беларуси, так и отдельных регионов. В данном контексте были названы музеи и историко-культурные учреждения музейного типа различных профилей во всех областях Беларуси (к примеру, музеи общереспубликанского масштаба – Национальный исторический музей Республики Беларусь, Национальный художественный музей Республики Беларусь, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Государственный музей истории белорусской литературы; дворцовые, замковые и усадебные комплексы; военно-исторические музеи и мемориалы; этнографические музеи, художественные музеи и картинные галереи и пр.).

Многие респонденты рассказали об опыте посещения музеев в рамках организованных турфирмами поездок, позволяющих посетить в рамках одного туристического маршрута сразу несколько учреждений (к примеру, туры в Несвижский дворец и Мирский замок, по военно-историческим мемориалам, в музеи городов Гомельского региона в рамках маршрута «Золотое кольцо Гомельщины», в музеи г. Витебска и усадьбу «Здравнево», в музеи г. Бреста и пр.)

Говоря о туристических поездках по областным городам Беларуси, многие опрошенные отмечали, что посетили музеи, посвященные истории города (музеи истории Минска, Гомеля, Могилева, Бреста, Гродно), что позволило им получить комплексное представление о новых для себя локациях.

Многие респонденты отдельно отмечали глубокие эмоциональные впечатления, связанные с посещением музеев и мемориальных комплексов, посвященных Великой Отечественной войне. Среди них – Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Гомельский областной музей военной славы», мемориальные комплексы «Хатынь», «Брестская крепость – герой», «Тростенец», «Курган Славы», «Ола», «Озаричи», «Детям – жертвам войны», «Буйничское поле», «Партизанская криничка», историко-культурный комплекс «Линия Сталина» и пр. Ряд опрошенных представителей интеллигенции отметили, что специально планировали подобные поездки для посещения музеев с детьми и считают, что подобное времяпрепровождение является значимым духовным опытом, позволяющим почувствовать сопричастность к истории, больше узнать о событиях военных лет и отдать дань памяти предкам, героически сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны. К примеру, педагог из г. Речица, 1975 г.р. отметила: «Несколько раз с семьей бывала в мемориальном комплексе «Брестская крепость – герой», мы также посещали мемориалы в Хатыни и Красном Береге. От таких мест остаются неизгладимые впечатления. Считаю, что очень важно показать их детям».

Большой интерес в рамках культурно-познавательного туристического досуга интеллигентии Гомельщины в XXI в. вызывает также посещение этнографических музеев. Респонденты упоминали о том, что побывали в Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта, Музейном комплексе «Дудутки», этнографическом комплексе «Млын», Этнографической деревне в Буйничах, Музее этнографии в Могилеве, Ветковском музее старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова и пр., что позволило им полюбоваться коллекциями, связанными с народным бытом и искусством, увидеть интерактивные программы, посвященные демонстрации народных обрядов, а также в рамках мастер-классов познакомиться с традиционными белорусскими ремеслами и промыслами и приобрести уникальные сувениры.

Аттрактивными объектами в рамках культурно-познавательного туристического досуга, по словам опрошенных, выступают ансамблевые музеи, экспозиции которых расположены в локациях музеифицированных памятников архитектурного наследия и воссоздают атмосферу и историко-бытовую обстановку различных эпох, а также хранят уникальные и раритетные мемориальные коллекции. В рамках посещения подобных музеиных комплексов отдельным направлением интереса также становится осмотр парковых территорий и памятников природного наследия, являющихся частью подобных ансамблей. Популярными объектами в данном контексте являются Дворцово-парковый ансамбль в г. Несвиже, Замковый комплекс «Мир», Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Старый и Новый замки в Гродно, Музей-усадьба XIX в. Козелл-Поклевских, Коссовский дворцово-парковый комплекс, Жиличский исторический комплекс-музей, Ружанский дворцовый комплекс рода Сапег» и пр.

Говоря о впечатлениях от посещении художественных музеев и картинных галерей (Национальный художественный музей Республики Беларусь, Галерея искусств Л. Щемелёва, Художественная галерея Михаила Савицкого, Музей «Дом Ваньковичей», Музей Марка Шагала в Витебске, Картичная галерея Г. Х. Ващенко и пр.) в рамках туристического культурно-познавательного досуга, опрошенные отмечали большое значение знакомства с их коллекциями для реализации их эстетических интересов, развития кругозора и представлений о различных направлениях искусства.

Ряд опрошенных рассказали о ярких впечатлениях от посещения производственных музеев Беларуси, которые приобретают все большую популярность в последние годы и привлекают неординарными и редкими коллекциями, представленными в экспозиции, а также возможностью познакомиться с индустриальным наследием Беларуси, поучаствовать в дегустациях продукции и приобрести сувениры. Среди подобных музеев были названы: музеи завода «Белхудожкерамика», стеклозавода «Неман», Минского тракторного завода, предприятия «БелАЗ», фабрики «Слуцкие пояса», пивзаводов «Аливария», «Лидское», «Криница» и пр. Так, инженер-программист из Гомеля 1977 г.р. отметила: «Была приятно удивлена, посетив музеи стеклозавода «Неман» и завода «БелАЗ». Было интересно не только воочию познакомиться с продукцией, которую выпускают на предприятиях, но и узнать об их истории. На память приобрела там интересные сувениры».

Интерес у опрошенных представителей интеллигенции Гомельщины также вызывает возможность побывать в музеях неординарной тематической направленности, где можно увидеть узко специализированные собрания либо интерактивные познавательные экспозиции. Среди подобных музеиных экспозиций, посещенных с туристическими целями, были отмечены музеи «Страна мини», Музей кота, музей «Лас-Легас», Музей музыки, Музей занимательных наук «Квантум» в Минске; Музей утюга и Аптека-музей в Гродно; Музей истории частного коллекционирования в Витебске; Музей истории печати и фотографии Гомельщины и Музей криминалистики в Гомеле, Музей спасенные художественные ценности в Бресте и пр.

Таким образом, посещение музеев Беларуси является актуальной и востребованной формой туристического досуга представителей интеллигенции Гомельского региона в XXI в. В рамках подобного времяпрепровождения реализуется познавательная составляющая, связанная с приобщением к историко-культурному наследию и этнокультурным традициям, а также происходит удовлетворение их рекреационных интересов. В рамках культурно-познавательных

туристических поездок у интеллигенции Гомельщины интерес вызывает посещение как крупных музеев республиканского масштаба, так и региональных музейных учреждений, позволяющих соприкоснуться с памятниками отечественной истории и культуры в локальном и в общеноциональном контексте.

Список использованных источников и литературы

1. Грамадскі быт і культура гарадскога населніцтва Беларусі / АН БССР ; редкол.: В. К. Бондарчик [і інш.]. – Mn. : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
2. Беларусы : у 13 т. / рэдкал. : А. І. Лакотка (гал. рэд.) [і інш.]. – Mn. : Тэхналогія, 1995–2012. – Т. 6: Грамадскія традыцыі / В. К. Бандарчык [і інш.]. – 1997. – 391 с.
3. Корникова, Н. В. Культурно-познавательный туристический досуг интеллигенции Гомельщины в 1960 – 1980-е годы / Н. В. Корникова / Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 26 / Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Mn. : Права і эканоміка, 2019. – С. 256–260.
4. Республики Беларусь : статистический ежегодник (2025) / Нац. стат. комитет Республики Беларусь ; редкол. : И. В. Медведева [и др.]. – Mn. : Нац. статистич. комитет Республики Беларусь, 2025 – 305 с.

Т. І. Кухаронак

СВЯТА “СВЯЧА” У ЭКСПЕДЫЦЫЙНЫХ НАРАТЫВАХ ВЯСКОВЫХ ЖЫХАРОЎ ГОМЕЛЬЩИНЫ

Каляндарныя святы да сённяшняга дня з’яўляюцца формай рытуальна-абрадавай камунікацыі прадстаўнікоў лакальных супольнасцей, розных пакаленняў, у многім рэгулююць адносіны паміж аднавяскоўцамі, суседзямі, сваякамі.

Адной з асноўных крыніц для беларускіх этнолагаў і фалькларыстаў у апошнія два дзесяцігоддзі сталі палявыя запісы, інфармацыя, атрыманая ад захавальнікаў і носьбітаў мясцовых традыцый падчас экспедыцыйнай працы. Экспедыцыйная форма даследавання фарміруе шэраг тыповых камунікатыўных сітуацый, якія вызначаюць і формы першаснай вербалізацыі зыходнага збіраемага матэрыяла. Вынікі гэтай першаснай вербалізацыі – палявыя дадзеныя – затым кладуцца ў аснову ўсіх далейшых трансфармацый, якія і складаюць фонд фальклорна-этнаграфічных ведаў [1, с. 166]. Дадзены артыкул напісаны менавіта на аснове палявых дадзеных, сабраных аўтарам і яе калегамі на Гомельшчыне ў апошнія дзесяцігоддзі.

Грамадска-рэлігійнае свята “Свяча” з’яўляецца адной з найбольш яскравых адметнасцей каляндарна-абрадавай культуры Гомельскага і Магілёўскага Падняпроўя, где прадстаўлена разнастайнымі лакальнымі варыянтамі [2, с. 394–398]. Ладзіцца яно для забеспячэння здароўя і дабрабыту на наступны год, уяўляе сабой найлепшы прыклад сацыяльнай абрадавай камунікацыі прадстаўнікоў пэўнай лакальной супольнасці.

У аповедах носьбітаў традыцый усебакова асвятляюцца абрацы, вераванні, прыкметы і павер’і, звязаныя з гэтым святочным днём. Нашы інфарманты –гэта пераважна жанчыны сталага веку, мясцовыя ўражэнкі, многія з якіх з’яўляюцца ўдзельніцамі фальклорна-этнаграфічных гуртоў.

Паводле сведчанняў інфармантаў, “Свячай” на Гомельшчыне называюць і сам абрэз, і ўласна свячу, і комплекс абрэз+свяча, а таксама і абрац яе пераносу. “Свеча – ета ікона, рамка такая бальшэнная, ікона Мікола, і на сьвечу платок вешаюць, на ету Міколу. Платок быў ушываны і веночак вешаюць с іскусцьвенных цвятоў” (Ганна Яроменка, 1930 г. н., в. Марозавічы, Буда-Кашалёўскі раён) [3, л. 4]. Гэты абрац прымяркоўваецца да дня ўшанавання

таго ці іншага святога: найбольш папулярныя святыя, якім прысвячаліся калектыўныя “Свечы” на Гомельскім Падняпроўі, – Архангел Міхаіл (21 лістапада), Вялікамучаніца Варвара (17 снежня) і Свяціцель Мікалай, Архіепіскап Мір Лікійскіх, чудатворца (19 снежня).

Падчас экспедыцыйнай працы фіксаваліся аповеды інфармантаў пра візуальны выгляд святочных прадметаў-атрыту баў, сярод якіх былі -- галоўны вялікі абрэз, дадатковыя меншыя па памерах абрэзы, убранныя рушнікамі, посуд з зернем для вялікай свячы, прыстасаванні для пераносу абрэза: “Разам са съячай стаяла пяць-шэсць ікон вялікіх з рушнікамі. Рушнікі таксама мянялі два разы ў год на Міколу вяснавога і Міколу зімовага. Іконы мылі, съячу праціралі” (Яўгенія Захарчук, 1937 г.н., в.Мяркулавічы, Чачэрскі раён). “Свяча – ікон многа, штук чатыры ці пяць, адна бальшая, а тыя – маленъкія” (Эма Паўлава, 1938 г.н., в. Старая Рудня, Жлобінскі раён) [7, л. 11]. “Ікону, съячу ў Хімах пераносілі на Міколу зімовага. Дзед Аўсей ізъдзелаў станок і паставіў ікону, эта падставачка з дзерава. А тады, у каго была ікона, сасылася, Мікола святы кажа: “Прынясі, пажалуйста, мае ногі, а то мне не на чом стаяць”. И тая Мікола стала хадзіць па дзярэўні” (Ніна Голубева, 1931 г.н., в. Стоўпня, Рагачоўскі раён) [4, л. 8].

Як сведчаць экспедыцыйныя наратывы, выразнай рысай рэгіянальнай свячы з’яўляецца яе антрапаморфны жаночы воблік і, паводле меркаванняў інфармантаў, яна абавязкова павінна быць апранута і ўпрыгожана: “Съяча як чалавек, жэнчына, яе наражалі ў жэнскую адзежу, шыла гаспадыня, якая прынімала съячу. Старое мылі, сушилі і складвалі ў сундук. Калі зьбіралася адзёжы многа, яе аддавалі ў цэркаву” (Яўгенія Захарчук, 1937 г.н., Валянціна Павідзіш, 1937 г.н., в.Мяркулавічы, Чачэрскі раён) [6, л. 4]. “Съяча – каробачка такая, насыпаюць туда жыста. И съячу такую дзелаем: на яе надзяваюць плацьця і ета плацьця абматваюць, галоўка ў цвятах. Кожны год плацьця новае шыюць і надзяваюць адно на адно, адно на адно” (Дзіна Кейлева, 1928 г.н., в. Барсуки, Кармянскі раён) [5, л. 12].

Значнае месца ў мемаратах носьбітаў традыцыйных займаюць аповеды пра правілы абрарадава-рытуальных паводзін удзельнікаў святочнага дзеяства. Так, паводле традыцыйных уяўленняў мясцовых жыхароў, абрэз святых Міколы і Міхаіла павінны былі пераносіць толькі мужчыны, святой Варвары – жанчыны, Прачыстай Божай Маці – маладыя дзяўчата: “Съячу наслі на Пакровы ў нас, а ў Лебядзёўцы на Міхайлу пераносілі. Ікона была Божая Маці і маленькі Ісус Хрыстос. Як съячу пераносілі, бяруцца дзевачкі, моляцца там “Вотча наш...”. Бяруцца дзевачкі незамужнія, толькі не бабы. И каб чыстыя былі. Сталі памаліціся. А тады дзьве дзевачкі бяруць і нясуць ету съячу і съвечкі яшчэ нясуць. Съяча -- ета ікона і съвetchка ў зярне стаіць. И прынясусь у другі двор. А съвetchку трэцяя дзевачка несла. Тры дзевачкі нада. Тады наслі ў любую хату, ад саседа к саседу, хто хоча, хто ня хоча. Тады п’яніц такіх не было, нашто казаць. Ня хоча хто браць, тады, гавораць, іконка ета плача, што не ўзялі. Хто яго зная. Няльзя, гавораць, ад іконкі атказваць, а то Бог накажа. Тады ж у кожды двор, а цяпер няма. Была свяча і на етай дзярэўні, і на хутары. Казалі, у каго свяча – таму Бог памагая. Ранышэ людзі Богу верылі” (Соф’я Паграбенка, 1937 г.н., в. Каменка, Кармянскі раён) [5, л. 7].

Як сведчаць дзесяткі экспедыцыйных запісаў, пры провадах “Свячы” з хаты, па дарозе да іншай хаты, у вясковой супольнасці існавалі традыцыйныя паводзінныя стэрэатыпы, якіх усе ўдзельнікі прытрымліваліся, і абавязковымі атрыбутамі з’яўляліся хлеб/жытва, свечкі і ручнікі. “Калі пераносілі, слалі салому па дарозе. Пераносілі па аднаму боку вуліцы па сонцу, у канцы вуліцы пераходзілі на другі бок” (Валянціна Павідзіш, 1937 г.н., в. Мяркулавічы, Чачэрскі раён) [6, л. 5]. “Сабираюцца 20 лістапада, перад Міхайлам, павячэраем, 21-га ўжо пазаўтракаем, пераносім съячу к другому чалавеку. Самому съцелюць, ідуць уперадзі, кідаюць салому пад ногі. Ікону нясуць, і съячу нясуць, і съвetchкі ў баначке нясуць уперадзе, съвetchкі нясе адзін чалавек, съячу – другі, ікону – трэці. Ікону нада, штоб мужчына нёс, а съячу можа і жанчына несыці. Хлеб нясуць, булку хлеба на палаценцы, круглую. Гаспадыні, тая, адкуль нясе съячу съячу і тая, што бярэ съячу, цалуюцца і абменьваюцца хлебам. На съячу вешаем лентачку новую і пераносім” (Тамара Грынкевіч, 1940 г.н., в. Навасёлкі, Кармянскі раён) [5, л. 10]. “Свяча, вікона стаіць, набожнік хароши на віконе, стаіць у адных людзей. Сабираюцца ўжэ

туды бабы, нясуць усе – і жыста няслі, і ўсё-усякае. Тут сядуць, пагасьцяць, тады гуртам нясуць съячу ў другую хату, яна ўжо будзе там вісцець да новага Пакрова. Жэнічыны нясуць, мужчыны ў нас не хадзілі, адны жэнічыны. Тады яна і стаіць. Съвetchкі паляць, усё урэмя гарыць съвetchка, пакуль і несьці. Прыходжуць к таму чалавеку, сразу паляць съвetchку, і на stale паляць съвetchki. Салому слалі, хлеб несьлі на ручніку, ідуць, хлеб нясуць, а ззадзі ідзець ікона, бабы ідуць чысьценька, хараишэнька” (Надзея Бандарэнка, 1926 г.н., в. Кучын, Кармянскі раён) [5, л. 13].

У аповедах носьбітаў традыцыйный вылучаюцца два кульмінацыйных моманты: провады святыні ад папярэдніх гаспадароў і яе сустрэча ў хаце новых гаспадароў. “Хлеб з сольляй спераду ідуць. Съячу насілі, съцелюць і саломкі, во так съцелюць і па той дарожцы ідуць ад той хаты, дзе пераношваюць, і да маёй хаты. На кут станавілі і атпраўлялі яе, саседзі сабіраліся. У хату ўходзяць, а тады такія бажэсцьвянныя песні пелі. Пры съячы пелі, а мы далёжны былі ім плаціць за тое, што яны атправяць съвetchу. Гроши ім трэба заплаціць. Ну, на съвetchу ж нам людзі ідуць і даюць хто – што, хто – яечак, хто – грошай, хто – што. а я ўжо частавала іх” (Ганна Яроменка, 1930 г.н., в. Марозавічы, Буда-Кашалёўскі раён) [3, л. 14].

Для нармальнага функцыянавання вясковай супольнасці патрэбна было падтрымліваць сям'ю і ўсе добразычлівия роднасна-свяяцкія адносіны, адсюль вынікала патрабаванне, каб перадавала і прымала “Съячу” сямейная пара. “Гаспадар нясе съячу, а я нясу хлеб, палаценца і іконку. А большую ікону аддзельна нясуць. Ікона Міхайлы. Мы с хазяінам нясём ікону, прыхожуем туда, даходжаєм да дзвярэй. Выйдзя ўжо хазяін с хазяйкаю аттуда. Яна мне ўжо дае свою ікону і хлеб, а я – ёй: палаценца, хлеб і ікону перадаю, а съячу ету перадаю хазяіну. А як не было ў мяне хазяіна, гадоў пяць назад я аддавала, то дачка мая с хазяінам пераношвалі” (Дзіна Кеўлева, 1928 г.н., в. Барсукі, Кармянскі раён) [5, л. 13].

Паводле традыцыйных светапоглядных уяўленняў мясцовых жыхароў, “Свяча” паўстает перш за ўсё як калектыўны аброк, сродак забеспячэння сабе здароўя і дабрабыту на ўвесь наступны год, надзейная ахова ад стыхійных бедстваў вёскі і яе насельнікаў: “Аброкі на съячу вешалі. Гаварылі, калі свяча ў доме стаіць, съятая, Прачыстая, тады ў доме парадак, добро, і худоба вядзеца, і здароўе” (Соф'я Шаўцова, 1927 г.н., в. Губічы, Буда-Кашалёўскі раён) [3, л. 7]. “Абракаліся кала свячы. Вон, дапусцім, балея, мацераю кружска сябе абматая, памерая -- тады тую мацераю кала іконкі паложыць. І тады ўжо трапкі етыя сабіраюць і ў царкву нясуць на следуючыя съячы. На Міхайлу можна ўжо нясьці ў цэркву, хазяйка нясе. Абракаліся, хто на што, няслі то гроши, то мацяр’ял. Хазяйка ўсё ета ў цэркву атносіла” (Соф'я Паграбенка, 1937 г.н., в. Каменка, Кармянскі раён) [5, л. 16]. Як сведчаць палявыя матэрыялы, аброк быў пастаянным неабходным складнікам святкавання “Свячы”: “Абракаюцца, носяць дзеньгі, рушнічки, сладасці дажа нясуць, хто што -- хазяйке, палаценцы ў цэркаў нясуць і гроши на съвetchы” (Вольга Васільева, 1934 г.н., в. Стоўпня, Рагачоўскі раён) [4, л. 6].

Маюцца адзінкавыя фіксацыі аб першапрычыне ўзнікнення гэтага свята, устаноўленага па абязанню як падзяка або аброк Богу за дапамогу жыхарам канкрэтнага населенага пункта пры крызісных сітуацыях, калі свяча становілася аброкам ад імя ўсёй вёскі. “Гэта рассказала прабабка, якая дажыла да 115 гадоў, Марыя. Яна рассказала, што быў такі случай у сяле, напаў вялікі падзеж, стаў гінуць скот. Ужо што толькі ні рабілі – не, нічога ніякага. Асталася толькі некалькі жывёл у сіле. І вот адной удаве ноччу прысыніўся сон, што прышла к ёй Мацер Божая і сказала: “Нада табе сабраць усіх удоў, якія толькі е ў сіле, наткаць палатна дабротнага і зрабіць із гэтага палатна варота і праз етыя варота прагнаць увесь скот. І зрабіць свячу Багародзіцы і штоб несьлі. Вот яна назаўтра сабрала ўсіх жэнічын, удоў і сказала, што мне вот такі быў сон, штоб мы зрабілі ўсе – і тады будзе добра. Вот этыя ўсе ўдовы сталі праць, напралі халсту, палатна, зрабілі вароты і эта ўсе саўпала на 21-га верасня, на Прачыстую. Вот зрабілі этыя вароты, дзяржалі іх так высока, праз этыя вароты прагналі ўвесь скот, які астаўся ў сіле. Ну, а патом ужэ, і бацюшку прыглосілі, бацюшка ўсё эта асьвяціў, благаславіў. А патом так і началося, 21-га верасня

пачалася тут прастольшчына, Прачыстая. І цяпер съячу пераносяць, новыя ручнікі і ленты. Спяваюць песню “Міразаступніца”, як ідуць. Малыя дзеткі і хворыя праходзяць пад іконай” (Ірына Волкова, 1958 г.н., в. Губічы, Буда-Кашалёўскі раён) [3, л. 15].

Добра захоўваюцца ў памяці інфармантаў нормы паводзін у азначаны сакральны час, якія прадвызначаюцца імкненнем забяспечыць сабе і бліzkім здароўe: “У каго што баліць, дак пад съячу лазлі. Яны астанаўліваліся, падымуць выша трошки – і пралезуць, трыв разы туды-сюды” (Соф’я Паграбенка, 1937 г.н., в. Каменка, Кармянскі раён) [5, л.9]. “Съячу неслі два мужчыны, два хазяіны. За съячай неслі іконы. Пад іконамі ў варотах ці ў дзівярах пры выхадзе с хаты праходзілі трыв разы, штоб не хварэць, так думаў кожны пра сябе. Салому ўсьцілалі, каб не іці па голай зямлі” (Яўгенія Захарчук, 1937 г.н., Валянціна Павідзіш, 1937 г.н., в. Мяркулавічы, Чачэрскі раён) [6, л. 10]. “Адна жэнічына ўзяла съячу і ікону к сябе, як сын быў у Аўганістане, каб ён вярнуўся жывы і здаровы дамоў. І сын вярнуўся, толькі ранены ў нагу” (Яўгенія Захарчук, 1937 г.н., Валянціна Павідзіш, 1937 г.н., в. Мяркулавічы, Чачэрскі раён) [6, л.10]. Болей таго, па тлумачэнню мясцовых жыхароў, прыналежныя да “Свячы” прадметы-атрыбуты захоўваліся і затым скарыстоўваліся ў гаспадарцы з аргарна-прадуцыйравальнymі і ахойнымі мэтамі, пры хваробах: “Салому труслі ад кута, яе патом зьбіралі і захоўвалі ў мяшочку, як карова целіца, клалі, куры пылянят выводзяць у гнездо кладуць. Зерне ў каробку са съячай сыпалі, гэтым зернем з-пад Міколы засявалі. Як чалавек захварэя, бралі тканіну з-пад свячы” (Яўгенія Захарчук, 1937 г.н., Валянціна Павідзіш, 1937 г.н., в. Мяркулавічы, Чачэрскі раён) [6, л. 11].

Вялікая колькасць экспедыцыйных запісаў сведчыць пра важнасць такога кампанента абраду, як урачыстае застолле, стравы для якога збіраліся з усёй вёскі, што толькі падкрэслівае калектыўныя характеристары аброку. “А на вечар ужо звалі, ідуць хто гроши нясе, хто трапку якую, і абязацельна нада зярно нясьці. Зярно ў бочку ссыпалі. Несылі нямноўска, возьмуць, хто – у трапку, хто – у мяшочку, хто – ў што. І гаспадару етamu ссыпалі, дзе іконка. А на другі год – другому. Вечарам вячэра посная. Зярно прынасілі таму гаспадару, у каго была іконка” (Соф’я Паграбенка, 1937 г.н., в. Каменка, Кармянскі раён [5, л. 14].

Гаспадар, што аддаваў съячу, гатаваў вячэру, а гаспадар, што прымаў съячу -- абед для ўсіх. “Дужа багата сабіраецца людзей. На Міколу ўвосень дзелаюць посны абед, нічога скромнага. Прыйоджуюць, аттраўляюць Міколу і дзеляюць вячэру. Прыношуем – і тая хазяйка дзелая вячэру” (Ніна Голубева, 1931 г.н., в. Стоўпня, Рагачоўскі раён) [4, л. 8]. Маюцца адзінковыя запісы аб наладжванні вячэры ў абедзівух гаспадарках у адзін вечар: “Съячу гулялі на Міхайлу. Сабіраемся вечарам і абгаварваем, па сколькі несьць гарэлкі. Яды ўжо хазяін гатовіць, а гарэлкі – еслі с пары, нясеши бутылку абычна. Ну прыходзім, прыдуць у хату, хазяін гатовія стол. Садзімся за стол. Старэйшия ўжо памоляцца, што знаюць. Наліваюць первую чарку і прыгаворваюць: “Няхай дае Бог на тое лета тожса ета”. Вып’юць, пагуляюць, паядзім, за столом папяём, гарманіст у хаце, вылажваюць, гуляюць жэнічыны. Пагуляюць, патанцуюць мужчыны і жэнічыны, пераходжусем у другую хату. Яна ўжо просія нас у хату. Заходжусем у хату, у яе тожса стаіць стол накрыты. Садзімся ўсе за стол і обратна гуляем. Ета на первы вечар. Хазяіна і хазяйку етых садзяць ужо на кут, і дзяцей ужо, калі якія ё. Там тожса паядзім, вып’ем – і обратна вылажусем, і обратна гармонь, і гуляем ужо там, у той хаце цэлую ноч. А такія танцы былі, Госпадзі мілы!” (Дзіна Кеўлева, 1928 г.н., в. Барсуки, Кармянскі раён) [5, л. 21].

Некаторыя запісы сведчаць аб памінальнымі характеристары вячэры пры пераносе съячы ў асобных лакальных традыцыях: “Гатовілі канон: булку, бублікі з мёдам і первы канон елі. А пасыледні кампот” (Валянціна Павідзіш, 1937 г.н., в. Мяркулавічы, Чачэрскі раён) [6, л. 8]. “Нельзя чокацца, як съячу нясеши. Нельзя. <А чаму?> -- А чаго ж, як пакойнік памрэ, нікагда гарэлкай ня стукаюцца. Так ужо нада, так ад старых людзей завядзёнка. Вонi садзяцца, выпіваюць і нікагда ня стукаюцца. І вот абеды, гадаўшчына, сорак дней – нікагда ня стукаюцца” (Надзея Бандарэнка, 1926 г.н., в. Кучын, Кармянскі раён) [5, л. 22].

Як паказалі экспедыцыйныя матэрыялы, на даследуемай тэрыторыі Гомельшчыны ў сучасны перыяд назіраецца значнае скарачэнне колькасці вясковага насельніцтва, змена

поляўроставай структуры ўдзельнікаў грамадска-рэлігійнага свята “Свяча”, перавага людзей старэйшага ўзросту, у першую чаргу жанчын. Таксама трансфармуецца матывація абрарадава-святочнай актыўнасці людзей, часта губляеца сакральная значнасць мясцовай святыні, што ў рэшце рэшт прыводзіць да знікнення свята ў пэўнай лакальнай супольнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Щепанская, Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) / Т. Б. Щепанская // Журнал социологии и социальной антропологии. –2003. – Т. VI. – №2. – С. 165–179.
2. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 6 : Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфала-мееў вай – Мн. : Выш. шк., 2012. – 910 с.
3. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі (Далей: АІМЭФ). Фонд. 6. – Воп. 14. – Спр. 200. – Л. 1–27.
4. АІМЭФ. Фонд. 6. Воп. 14. Спр. 201. Л. 1–24.
5. АІМЭФ. Фонд. 6. Воп. 14. Спр. 202. Л. 1–19.
6. АІМЭФ. Фонд. 6. Воп. 14. Спр. 203. Л. 1–26.
7. АІМЭФ. Фонд. 6. Воп. 14. Спр. 204. Л. 1–21.

М. А. Міхайлец

РАМЕСНЫЯ ТРАДЫЦЫИ НАВАГРУДЧЫНЫ: ПРАБЛЕМЫ ЗАХАВАННЯ

Навагрудская зямля багата таленавітымі майстрамі, якія адраджаюць, зберагаюць і перадаюць нашчадкам веды і навыкі, звязаныя з разнастайнымі рамёствамі: саломапляценем, аплікацыяй саломкай, ткацтвам, пляценнем паясоў, бондарствам, вязаннем, роспісам, кавальствам і інш. Асаблівую ўвагу дзяржава звярнула на зберажэнне традыцыі вышнанкі-выбіванкі – у 2016 г. нематэрыяльная гісторыка-культурная каштоўнасць “Традыцыя вырэзвання з паперы ў Навагрудскім раёне” была ўключана ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь”.

Мэта артыкула – выявіць асноўныя праблемы захавання рамесных традыцый Навагрудчыны на падставе інтэрв’ю з носьбітамі, якія былі ўзяты ў 2025 г. Дапамогу ў зборы і апрацоўцы матэрыялаў аказалі студэнты гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Крыніцы натхнення і стымулы працы.

Паколькі майстры – людзі творчыя, асноўная крыніца натхнення для іх – гэта ўнутраны парыў, непераадольнае імкненне да творчасці. Некаторыя нават адмаўляюцца ад заказаў, бо ліцаць, што камерцыйлізация можа зашкодзіць іх крэатыўнасці: “У многих так у мастеров, если вы слышали, многие художники так пишут картины, стихи пишут. И мне снится, я просыпаюсь, зарисовываю, потом пытаюсь воплотить это в жизнь. На вдохновении. Есть просто сейчас много, кто именно на этом зарабатывает деньги, делают повторы. Я не приму заказов, потому что я сделаю то, что мне нравится. Если это кому-то нравится – он приобретает, если нет – то...” (інтэрв’ю з майстром В. Ю.).

Многія майстры падкрэсліваюць цэнтральную ролю жадання самога чалавека займацца тым ці іншым рамяством: “Будет желание – вы всегда научитесь” (інтэрв’ю з майстром В. Ю.). “Галоўна, што б было жэланіе. Будзе жэланіе, што-та зробіш. А няма жэлання, што ты зробіш? Нічога. Работа нялёткая. Цяжолая работа. У аснаўном ручная” (інтэрв’ю з майстром I. Ш.).

У той жа час для таго, каб авалодаць пэўным рамяствам на высокім узроўні трэба прыкладці немалыя намаганні: “Як казаў мой майстар, мой настаўнік і Народны майстар Беларусі, “у прафесіяналізме..., – давайце, прафесіяналізмам назавем, – ...толькі, напэўна, каля

10 адсоткаў таленту, і 90 адсоткаў штодзённай, будзёной працы". Працы, навучання, цярпення. Гліна неверагодна... Што яна яшчэ робіць, калі ты яе не кідаеш у бок - яна мяняе твой харктар. Яна, вучыць цябе прымаць жыццё такім, якое яно ёсць. І спрабаваць, і спрабаваць. Патому што ад цябе залежыць, у прынцыпе, тое, што ты вылепіш, так? Далей, калі ты не ведаеш законаў фізікі, хіміі, ты парушаеш гэтую тэхналогію, ставіш эта ў печку, ты атрымліваеш брак. Пакуль ты не навучыліся правільна... Я пакуль пачынала першыя кубкі ляпіць, у мяне напэўна, кубкаў 10 адляталі ручкі. Таму што я вучылася гэтаму сама. То бок, майстры мне далі два гады, я трошкі з імі пазаймалась. А далей ужо мой шлях гэта, толькі вот усё, што я ўмею, я ўмею толькі дзякуючы таму, што праз свой досвед я гэта займел. І тут альбо ты прымаеш гэта, і разумееш, што не атрымлівалася, "я пачну па-новай". А калі ты гэта не прымаеш, значыць гэта проста не твой занятак. Ты не пойдзеш, ты супраць плыні не пойдзеш. Альбо ты ў яе, а калі ты ўжэ авалодываеш гэтым матэрыялам, тады ты можаш дзе-та, што-та там вкручываць, "так-так-так", балавацца" (інтэрв'ю з майстром В. Ж.).

Перадача будучым пакаленням.

Трэба сказаць, што нягледзячы на ўсе цяжкасці, большасць майстроў глядзіць у будучыню даволі аптымістычна і лічыць, што зараз надышоў час адраджэння беларускіх традыцыйных рамёстваў. На пытанне, павялічваецца ці змяншаецца колькасць людзей, якія займаюцца народнымі рамёствамі, адна з майстроў адказала так: "Увеличваецца, да. Сейчас больше стало интересоваться именно традиционными ремеслами. У нас есть курсы по ткачеству, плетению соломкой, шитью костюмов, вышивке, приходят ученики. Поэтому мы видим, что их больше стало, больше интересуются, и детям интересно стало именно такое вот, как соломка. Им вообще она очень нравится. Есть любительское объединение, не кружок, на него записано десять человек, но они приводят с собой еще других людей. Бывает пятнадцать человек сразу на занятия, и это конечно тяжеловато" (інтэрв'ю з майстром В. Ю.).

Перадаецца традыцыя як дзецим, так і дарослым: "По вытинанке Наталіи Александровны дети ходят уже четыре года. К Инне Анатольевне на пэчворк ходят тоже. Дети есть, которые пришли в этом году, а есть которые тоже по пять лет ходят. На соломку здесь ходят. Вот сейчас Катерина Андреевна у нас пошла в декрет, все дети у неё ходили, начиная со второго класса, с третьего и сейчас была девочка, которая уже восьмой класс заканчивает. Есть которые занималась у нас до этого у Светланы Николаевны, дети после десятого класса уже. Ещё в десятом классе они приходили сюда заниматься. Ну, они в основном как, они не то чтоб... Они для себя занимаются. По крайней мере, они знают это, приходят и где-то, например, подбегает к нам девочка: «Ой, здравствуйте, а я вот это вот новое сделала». Ей это интересно и она, если не может сюда, она дома делает, занимается. Есть мальчик, которому уже за двадцать лет, он подходит к нам практически на каждой выставке, рассказывает, как он занимается у нас вытинанкой, как ему нравилось. Ну, я думаю, оно всё равно всё передаётся, люди знают об этом. Кому это интересно, они это сохраняют на всю жизнь и стараются поучить этому других. Родители, которые ещё были детьми, к нам ходили. Сейчас ко мне приводят детей на платные мастер-классы, потому что они не могут на кружки дети прийти, они приходят ко мне на платные мастер-классы. Мы с ними занимаемся, потому что мама ходила сюда, ей было интересно, она привлекает детей, потому что у нас таким что, именно соломкой нигде больше не занимаются. Или созданием кукол тоже занимаются. [...] В Доме творчества занимаются глинай, то есть у нас глины нету, но дети по глине идут значит туда. На глину очень много там ходят детей, поэтому ремесло будет жить. [...] Им интересно в первую очередь то, что они придут домой, покажут своим родителям, что это они сделали. С них не будет ни ремесленников, но может кто-то из них потом это вспомнит и будет применять в своей жизни. Почему бы и нет? [...] Они же будут куда-то ездить, за границу. Они может быть где-то кому-то и скажут - как пропаганда. Они пропагандировать это всё будут. Ну почему нет? У меня взрослый сын ездит отдыкатъ, и он всегда едет именно вот с таким, понимаете. А как они смотрят на всё это? Это очень интересно" (інтэрв'ю з майстром В. Ю.).

Часта тым ці іншым рамяством людзі цікавяцца ўжо ў дарослым узросце: «Да. У меня есть взрослая ученица, но ее сейчас нет. Женщина у нас уборщицей работает. Ей понравилось, она села, попробовала... Библиотекарь здесь работала, тоже я научила. Ну это кажется, что это прям сложно-присложно. Если захочет и сесть, внимательно посидеть, то все получится. [...] Это зависит от человека. Она захотела сама – да, пожалуйста, я не откажу. Я покажу. Получится у тебя это или не получится, это зависит только от тебя» (інтэрв'ю з майстрам А. У.).

Дапамога з боку дзяржавы і спосабы заробку.

Дапамогу з боку дзяржавы адчуваюць перш за ўсё майстры, якія працуюць у дзяржаўных установах культуры і адукацыі, хадзя і сярод гэтай катэгорыі нярэдка можна пачуць нараканні на вельмі невялікую заработную плату: «Ну, это очень тяжело... Поддержку чувствуем (смяецца – заўв. аўтара). Так что мы еще чё-то зарабатываем. Там же идут у нас начисления. План выполняем. Это ж не просто так. А план выполнили – значит, какое-то нам, наверное, дают, чтобы еще больше развивались. Чтобы что-то купить» (інтэрв'ю з майстрам Л. З.).

У Наваградку пры Аддзеле рамёстваў працуюць 8 платных курсаў і 6 клубаў, самы актыўныя сярод якіх клуб майстроў народнай творчасці “Каляровая альтанка” пад кіраўніцтвам Наталлі Аляксандраўны Клімко [1].

Майстры не заўсёды імкнуцца атрымаць фінансавую дапамогу з боку дзяржавы, многія з іх самастойна знаходзяць спосабы заробку. Так, сямейная пара майстроў з-пад Навагрудка некаторы час займалася агратурызмам: “Усадьба “Золатая подкова”. И теперь вы найдете в интернете нас, потому что я в Дудутках... Там была заведующая. Там вот, агроусадьбы эти пошли по Белоруссии. Это она как бы курировала. И вот, надо было оформить как-то наши названия, надо было усадьбы. Там же даже написано есть. А она запомнила Сашу по Дудуткам, по конкурсу по этому, по кузнецким этим самым делам. Даже вот эти корзинки оттуда достались ещё. И она предложила. [...] Приезжало много. Вы знаете, устали мы тоже. Мы такие люди, немножко как бы, любим больше уединения, творить лучше так, что-то делать. А люди, оно нам надо было, просто надо было кредит отдавать им, поэтому мы, так сказать, занимались этим. У нас большая территория, вот Саша вам... Столько цветов, у нас сил нет, муж уже замучился их косить, я тут и травы в огородах, и трава, и уже как бы и возраст не тот. Ну, и перестали заниматься экотуризмом” (інтэрв'ю з майстрам А. П.).

Майстар-ганчар з Навагрудскага раёна мае дастатковую колькасць заказаў, каб адчуваць пэўную фінансавую стабільнасць: “Усё што ёсць – заказы. Сучасны час пазваляе карыстацца. У меня у інстаграм вельмі аутэнтычная назва, слоўца якога няма, прыдумала мая дачка, айдночы гаворыць: “Мама, я ганчарніца!” Мне так спадабалася” (інтэрв'ю з майстрам В. Ж.).

Ёсць майстры, якія даволі скептычна адносяцца да дзяржаўнай падтрымкі рамеснікаў: “Абы толька не трогалі. Была б нармальна (смяецца – заўв. аўтара). Гасударства, хоць вот можа няправільна скажу, куды не ўлезе, тут і праблемы тады паяўляюцца. А можа дзе не праблемы. Ну эта ж прошчэ, дапусцім, як паеду ў Александрыю. Як што там ўсе арганізовываць, то за чайта шчот. А як паедзь, во за свой шчот. Александрыя, то ж далеко” (інтэрв'ю з майстрам І. Ш.).

Творчыя саюзы.

Творчыя саюзы – грамадскія арганізацыі, дзейнасць якіх заключаецца ў акказанні падтрымкі майстрам. Пэўную дапамогу аказвае Беларускі саюз майстроў народнай творчасці: “Яны ладзяць розныя выставы. Таксама малайцы. Працуюць. І, вот, мне ўдалося, я не ведаю, хто тут, ці міністэрства, ці саюз майстроў паспрыяй. Я ў Азербайджан з’ездзіла нават. Пабывала там, вот. [...] Для мяне, канешна, вялікі такі падарунак быў: хоць недзе пабывала, паглядзела, як у другой... Як яны берагуць культуру, як яны адносяцца да нас вельмі с такой прама ой... [...] Саюз майстроў у нас працуе. У нас вясною “Букет” (фестываль-кірмаш “Вясновы букет” – заўв. аўтара) ладзіцца” (інтэрв'ю з майстрам Н.К.). На пытанне, чым дапамагае Беларускі саюз майстроў народнай творчасці быў атрыманы такі адказ: “Продвигать наверное... Ну статусность какую-то добавляет. Конечно. О людях знают в Республике, почему нет? Это приятно. Это дорогосто стоит. Не все можно оценить материально. Само наличие организации... То, что ты в нее входишь добавляет тебе статусности. Значит, ты не просто так живешь на этой земле. Почему нет...” (інтэрв'ю з майстрам А. У.).

Ёсць і майстры, якія не бачаць сэнсу ва ўступленні ў Беларускі саюз майстроў народнай творчасці: “Не, неяк так мне няма у гэтым асаблівай патрэбы. Быў пэўны час, калі мянен трошкі падбівалі, калі я была на Магілёўшчыне. Мне самая галоўная задача - відзець ад людзей, з якімі я камунікую, котрыя бачаць, набываюць, ці праста могуць ацаніць – гэта самае галоўнае меркаванне, а пасведчанне нейкае... Так я і так рамеслініца – падаткі плачу! Хаця усе можа быць” (В. Ж.).

Такім чынам, на Навагрудчыне захоўваюцца мясцовыя рамесныя традыцыі, якія падтрымліваюцца з боку дзяржавы, асабліва праз дзейнасць Аддзела рамёстваў, творчых аб'яднанняў, Беларускага саюза майстроў народнай творчасці. Вялікая ўвага надаецца захаванню і пераемнасці традыцый, да якіх далучаюцца як дзеці, так і дарослыя. У майстроў Навагрудчыны тут ёсць добрыя перспектывы. Зараз, калі мясцовыя ўлады актыўна працуюць над адраджэннем турыстычнага патока ў рэгіён, у майстроў з'явілася магчымасць далучыцца да гэтага працэсу.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Новогрудский отдел ремесел // ГУК «Новогрудский районный центр культуры и народного творчества» URL: <https://nov-centr.of.by/novogrudskij-otdel-remesel/> (дата доступа: 21.09.2025).

B. A. Mіхедзька

ПАЛІТЫКА РАСІЙСКАГА САМАДЗЯРЖАЎЯ І ПРАВАМАНАРХІЧНЫЯ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ СІЛЫ Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX –ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Праваманархічныя сілы фармаваліся у Беларусі ў самым канцы XIX – пачатку XX ст. і вызначыліся, акрамя ўласна кансерватыўных грамадска-палітычных пазіцыяў, у дачыненні да грамадскага і дзяржаўнага ўладкавання, але, перад усім, выразным і жорсткім нацыяналізмам.

Кансерватыўна-манархічная думка была дастаткова арганічнай і натуральнай часткай рускага грамадства, перад усім сталічных і універсітэцкіх асяродкаў, і адной з найбольш вызначальных рысаў яго быў рускі вялікадзяржаўны нацыяналізм, артадаксальнае праваслаўе. На пачатку XX ст. яна абапіралася на асяродкі інтэлектуалаў, перад усім з універсітэцкіх і літараурных асяродкаў, а таксама і на землеўладальніцкія колы, у тым ліку з радавітай арыстакраты. Расійская манархія мусіла прыстасоўвацца да росту нацыяналістичных настроў у рускім грамадстве (ды і ўвогуле ў свеце) і імкнулася выкарыстаць іх дзеля ўмацавання ўласных пазіцыяў. Гэтаму збліженню улады і грамадства моцна садзейнічалі падзяленне 1863 г., якое выразна разумелася рускім грамадствам як падзяленне польскае, а таксама руска-турэцкая вайна 1877–1878 гг. і вызваленне паўднёвых славян і, дарэчы, забойства Аляксандра II, у якім зноў убачылі “польскую інтыгу”. Імкненне манархіі выкарыстаць нацыяналістичныя ідэялагемы вызначыла фармаванне пры Аляксандры III афіцыйнай нацыяналістичнай палітыкі, якая ў згаданых умовах мела хутчэй рэактыўны характар. Адказам на развіццё нацыянальных памкненняў падуладных народаў сталася ўзмацненне “абмежавальнага” заканадаўства. Значны ўнёсак у яго належай Mixailu Mураўёву, чые выразна нацыяналістичныя дзеянні атрымалі прыхільнікаў у асяроддзі перадусім разначынай рускай інтэлігенцыі. Урадавыя мерапрыемствы на працягу другой паловы XIX ст. перадвызначылі адсутнасць у краі вялікіх магчымасцяў для фармавання праваманархічнага асяроддзя. Польскія і спаланізаваныя землеўладальнікі ў Беларусі, за невялікімі выключэннямі, былі хутчэй апазіцыйным да расійскай улады. Вельмі істотная для сталіц – Масквы, Санкт-Пецярбурга і ўніверсітэцкіх гарадоў крыніца папаўнення кансерватыўнага асяродка –

студэнцтва і прафесура – тут адсутнічала. Ва ўмовах шматэтнічнай і шматканфесійнай Беларусі, асяродкі расійскай культуры яшчэ на пачатку ХХ ст. былі хутчэй астраўкамі, моцна залежнымі ад улады, якія непасрэдна фармаваліся гэтай уладай, вылучэнне праваманаархічнай плыні з'яўлялася тут не столькі вынікам ідэалагічнай дыферэнцыяцыі, сколькі непасрэднай праекцыяй урадавай палітыкі. У той жа час, высветлілася і прынцыповая неадпаведнасць палітыкі афіцыйнага нацыяналізму саслоўнаму ладу Расійскай імперыі. Гэтая акалічнасць вызначыла ўнутраную супяречнасць і непаслядоўнасць урадавай палітыкі у Беларусі і іншых “ускраінах” да канца існавання імперыі. Урад мусіў ісці на парушэнне саслоўнага прынцыпу, на абмежаванні ў прававой, гаспадарчай, культурнай сферах дзеля паслаблення мясцовых элітаў і замацавання тым самым расійскай дамінацыі ў краі. Што прайшло, замахі на саслоўныя і маёмы падмуркі імперыі, чым з'яўляліся мерапрыемствы Мураўёва, выклікалі спрэчкі і ўнутраную барацьбу ў вышэйшых колах саноўнага Пецярбурга (дарэчы, вельмі стракатых па этнічным паходжанні і канфесійнай прыналежнасці). Урэшце, гэта і вырашыла ціхі кар'ерны скон Мураўёва, але не перашкодзіла надалей прыняццю шэрагу дыскрымінавальных заходаў, перад усім у галіне землеўладання. Аднак, гэтыя абмежаванні ўжо не абвяргалі саслоўныя і маёмы прынцыпы грамадскага ўладкавання. Цікава, што гэтыя мерапрыемствы былі арыентаваны менавіта не столькі на забяспечэнне прэферэнцыяў расійскому элементу ў краі, але на стварэнне перашкодаў для нерасійскага. Тым не менш, на рубяжы XIX – XX стст. прыблізна палова прыватнаўласніцкіх земляў належалі ў Беларусі асобам “польскага паходжання”, што забяспечвала ім моцныя пазіцыі як у самім краі, гэтак і ўплыў на пецярбургскую палітыку [1, с. 85–86]. У пачатку ХХ ст. лаялісцкая настроі вярху мясцовага польскага грамадства на фоне палітычнага індаферэнтызму яго сярэдніх слоўнікаў былі відавочныя. П. Дз. Святаполк-Мірскі ў дакладзе Мікалаю II у траўні 1904 г. адзначаў сацыяльны кансерватызм польскіх землеўладальнікаў і, пры захаванні пэўных нацыянально-культурных памкненняў, іх жаданне да пагаднення з расійскай уладай. Такое ж самае бачанне сітуацыі ў краі дэманстраваў у сваёй справаўдачы за 1903 г. віленскі губернатар К.К.Пален. Палякі, на ягоны погляд, “не уяўляліся небяспечнымі... схільныя да кансерватыўных поглядаў...шукаюць апірышча ва ўрадзе” [2, арк. 3 адв. – 5 адв.]. Найбольшую заклапочанасць адміністрацыі у гэты перыяд выклікала імклівае развіццё сацыяльнага вызваленчага руху у асяроддзі яўрэйскіх рабочых і рамеснікаў. Святаполк-Мірскі заўважаў, што мясцовыя улады на працягу другой паловы XIX ст. засяроджвалі ўсе сілы на змаганні супраць польскага палітычнага руху і зусім выпусцілі з поля зроку развіццё яўрэйскага насельніцтва. Між тым, як працягваў генерал-губернатар, узровень рэвалюцыйнага руху сярод палякаў не мог быць параўнаны з яго размахам у яўрэйскім асяроддзі. [3, арк. 100]. Адзначыўшы відавочную пе-равагу сацыяльнага пратэсту над нацыянальным, генерал-губернатар заклікаў урад абаварціся на лаяльныя кансерватыўныя элементы ўсіх нацыянальнасцяў краю. Але ягоныя прапановы не былі пачутыя.

Значна больш магчымасцяў было для русіфікацыйнай культурна-моўнай палітыкі – “ачышчэння рускай нацыянальнай глебы ад ... польскай цывілізацыі” [4, с. 122]. Ажыццяўленне яе адбывалася высілкамі як мясцовай “заходнерускай” разначыннай інтэлігенцыі, гэтак у значнай ступені прыбылым з унутраных губерняў чыноўніцтвам. На працягу другой паловы XIX – пачатку ХХ ст. урадавая палітыка у дачыненні да польскага, яўрэйскага і ўвогуле да неправаслаўнага насельніцтва, разам з мерапрыемствамі па русіфікацыі краю стварыла супяречлівую сістэму сацыяльнай, саслоўнай і этнаканфесійнай ерафхіі. На рубяжы стагоддзяў, калі не лічыць вайсковую прысутнасць, якраз гэтае чыноўніцка-інтэлігенцкае асяроддзе, якое само дзялілася па сацыяльна-эканамічных, этнакультурных і саслоўных прыкметах, было бадай што адзінай сапраўднай апорай расійскай манархіі ў краі. Адданасць расійскай уладзе і абарона тут яе інтарэсаў забяспечвалася цэлым комплексам фактараў. Зразумела, што для розных груповак гэтага асяроддзя адрозніваліся і мэты і падставы гэтай адданасці, паміж імі існавалі і істотныя супяречнасці [5, с. 270–272, 278–287]. У пачатку ХХ ст., асабліва на фоне разгортання вызваленчага руху, у гэтым асяроддзі вель-

мі папулярнай заставалася асоба М. Мураўёва, вельмі распаўсюджаныя былі паланафобія і антысемітывізм. Мясцовае польскае і яўрэйскае грамадства разглядаліся не толькі як аб'ект дзеяння абмежавальнага заканадаўства, але і як пагроза непадзельнаму расійскому панаванню. Спрыбы пагаднення з польскім грамадствам, заклікі да змякчэння дыскрымінацыі яўрэйскага насельніцтва, якія зыходзілі ад пецярбурскіх бюракрататаў-прагматыкаў кшталту С. Віттэ, ці такіх мясцовых адміністратараў як П. Дз. Святаполк-Мірскі, выклікалі у гэтым асяроддзі рэзкае непрыніцце. Тут, па словах высокага чыноўnika МУС, “усю прычыну крамолы бачылі у іншародцах – паляках і жыхарах рысы яўрэйскай аселасці” [6, с. 426].

Варта адзначыць, што пры відавочнай карэляцыі антысеміцкіх і паланафобскіх настроў яны не заўсёды зліваліся у адзіны ксенафобскі погляд. Так, для правых манархічных асяродкаў усходніх беларускіх губерняў было характэрным у перыяд да пачатку дзеянасці Дзяржаўной Думы перавага антысеміцкага накірунку, у той час як антыпольскія былі на другім плане. Для цэнтра і захада Беларусі, дзе польская грамадска-палітычная актыўнасць была больш заўважная, адпаведна антыпольскія настроі былі мацнейшыя. Эскалацыя антыпольскіх настроў адбылася з пачаткам дзеянасці Дзяржаўной Думы, калі польскі грамадска-палітычны рух істотна узмацніўся. Документальная матэрыялы, якія адлюстроўваюць светапогляд і дзеянасць правых манархістаў у Беларусі, паказваюць, што абарона расійскай манархіі для абсолютна пераважнай іх часткі была толькі арганічным і, зрэшты, несамадастатковым элементам іх змагання за прывелей “рускай народнасці”, у той час як для мас беларускага сялянства і мяшчан манархізм быў відавочна вызначаны патрыярхальнай традыцыяй.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 194. Д. 52.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 194. Д. 136.
4. Крыжановский, С. Е. Заметки русского консерватора / С. Е. Крыжановский // Вопросы истории. – 1997. – №4. – С.107–126.
5. Цвікевіч, А. “Западно-руссизм”: Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX в. / А. Цвікевіч. – 2-е выд. – Мн. : Навука і тэхніка, 1993. – 352с.
6. Материалы к истории русской контр-революции. – СПб. : Тип. т-ва “Общественная польза”, 1908. - Т. I : Погромы по официальным документам. –1908. – 451 с.

Н. С. Моторова

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ОТЧЕТАХ ГУБЕРНАТОРОВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1880-Х ГОДОВ)

Реформа системы городского самоуправления являлась одним из важнейших элементов либеральных преобразований Александра II. Ее основные принципы были изложены в Городовом положении 1870 г.

Однако в белорусских губерниях городская реформа началась лишь в 1875 г. и растянулась практически на 17 лет. Это было связано с тем, что формирование списков избирателей и организация выборов в новые органы местного самоуправления потребовали длительной подготовки. Так, в 1875 г. по разрешению министра внутренних дел новое Городовое положение было введено в Витебске, Минске, Пинске, Могилеве, Гомеле, Гродно (однако городские общественные управление начали здесь функционировать с 1876 г.) [1, л. 555 об.;

2, л. 497 об.; 3, л. 16 об. – 17, 142 об.; 4, л. 314–314 об.; 5, л. 225 об.], в 1876 г. – в Вильне, Бобруйске, Слуцке [2, л. 359; 6, л. 140 об.], в 1877 г. – в Бресте [7, л. 303 об.], в 1878 г. – в Орше, Рогачеве, Мстиславле [8, л. 336] и т.д. В целом на территории Беларуси городская реформа реализовывалась неравномерно. Например, к началу 1880-х гг. новые органы городского самоуправления в Витебской губернии были созданы лишь в трех городах – Витебске, Полоцке и Динабурге [9, л. 137], а в Гродненской губернии – в губернском и всех уездных центрах [10, л. 501].

Белорусские губернаторы ожидали от введения нового Городового положения улучшения городского управления и городского хозяйства. Соответствующие замечания можно найти во всеподданнейших отчетах за 1876 г. гродненского губернатора А. Е. Зурова [6, л. 228 об.], минского губернатора В. И. Чарыков [2, л. 357].

Однако новые органы городского самоуправления не могли быстро разрешить весь объем проблем, накопившихся почти за 100 лет со времени введения Жалованной грамоты городам 1785 г. Более того, они вынуждены были направлять значительные средства на городское благоустройство, устройство пожарной части и водоснабжения и т.п. Как результат, расходы городов заметно возросли, а улучшения не всегда были очевидны. На это, например, обращал внимание в своем всеподданнейшем отчете за 1877 г. витебский губернатор П. Я. Ростовцев [11, л. 213–213 об.], а также минский губернатор В.И. Чарыков во всеподданнейшем отчете за 1878 г. [12, л. 295–295 об.].

Более оптимистично деятельность органов городского самоуправления оценивал могилевский губернатор А. С. Дембовецкий. Во всеподданнейшем отчете за 1878 г. он указывал на положительные результаты деятельности городских властей Могилева и Гомеля. В частности, в Могилеве на очень выгодных условиях удалось устроить водопровод. Гомельская городская дума оказала материальную помощь для преобразования четырехклассной прогимназии в шестиклассный состав, подготовила ходатайство об ее дальнейшем преобразовании в гимназию, а также об учреждении женской прогимназии [8, л. 334 об. – 336].

В целом на рубеже 1870–1880-х гг. белорусские губернаторы положительно оценивали деятельность вновь созданных органов городского самоуправления. Об этом свидетельствуют всеподданнейшие отчеты могилевского губернатора А. С. Дембовецкого за 1879 г. [13, л. 724], минского губернатора А. И. Петрова за 1879 и 1880 г. [14, л. 105 об.; 15, л. 575].

Впервые с критикой в адрес органов городского самоуправления выступил витебский губернатор В. В. фон Валь. Во всеподданнейшем отчете за 1880 г. он отметил, что они точно также как и прежние городские учреждения безучастно относились к общественным интересам. В результате городское хозяйство и финансовое положение городов находились в плохом состоянии [9, л. 136 об.]. Во всеподданнейшем отчете за 1881 г. В. В. фон Валь объяснял это корыстными мотивами членов городских общественных управлений, а также отрицательным влиянием на городские дела евреев, которые, по словам губернатора, стремились получить дополнительную наживу и обеспечить выгоды своим единоверцам [16, л. 439].

В. В. фон Валь подчеркивал, что в структуре городского населения евреи представляли сплоченную группу, связанную религиозным единством и внутренней солидарностью. Она оказывала решающее влияние на городскую жизнь, так как при ее активном содействии на общественные должности избирались такие христиане, которые по личным качествам или из-за корыстных интересов были готовы сотрудничать с крупными еврейскими предпринимателями. В результате любое полезное дело, особенно если оно касалось промышленных интересов частных лиц, разрешалось в пользу «еврейской партии». Христианское население, не обладая такими крепкими связями между своими членами, выступало как разрозненная группа и не могло ей ничего противопоставить, а потому ограничивалось слабым и безрезультатным протестом. С точки зрения В. В. фон Валя, по этой причине члены городских общественных управлений проявляли полную безучастность к нуждам и благосостоянию городов [9, л. 137 об. – 139].

Во всеподданнейшем отчете за 1882 г. витебский губернатор В. В. фон Валь вновь повторил свои критические замечания в адрес новых органов городского самоуправления. Он

отмечал их безразличие к общественным интересам, низкую эффективность деятельности. Причину этого он видел во влиянии евреев на городские дела [17, л. 401–401 об.]. Во всеподданнейшем отчете за 1883 г. В. В. фон Валь добавил, что формальным признаком неэффективности деятельности органов городского самоуправления являлось сохранение значительной задолженности городов [18, л. 380 об. – 381].

В то же время его гродненский коллега – губернатор Н. М. Цеймерн – видел причины низкой эффективности деятельности городского самоуправления в другом. Во всеподданнейшем отчете за 1881 г. отмечалось, что она заслуживала поощрения, хотя еще и не принесла удовлетворительных результатов из-за недостатка средств у большинства городов. Некоторые из них сталкивались с финансовыми проблемами из-за недоимок, накопившихся за прошлые годы, бедности городских обывателей, отсутствия в городах значительных торговых и промышленных заведений. В таких городах большую часть доходов поглощали выплаты жалованья членам городских управ, достаточно скучного. Такое положение было характерно, например, для Пружан, Волковыска, Кобриня. Более крупные города (Гродно, Брест, Белосток) сталкивались с другой проблемой. Они вынуждены были ежегодно направлять значительную часть своих бюджетов на доплату к отпускам квартирным окладам, то есть на расквартирование войск. Хотя это увеличивало число потребителей в городах и способствовало оживлению торговли, однако значительная ежегодная доплата отягощала городские бюджеты и могла быть причиной накопления недоимок. Например, она составляла около одной шестой всех расходов Гродно, более одной седьмой Белостока, свыше одной трети Бреста. Необходимость направлять средства на эти цели способствовала росту недоимок [10, л. 501–502 об.].

Его преемник на посту гродненского губернатора А. Н. Потемкин во всеподданнейшем отчете за 1883 г. признавал наличие этой проблемы. По его мнению, из-за дефицита средств органы городского самоуправления, действовавшие по Городовому положению 1870 г., не смогли достичь видимых результатов. В целом их расходы превышали доходы, что вынуждало городские власти увеличивать сборы с местных жителей. Бедность большей части городов губернатор объяснял отсутствием значительной торговли и промышленности. Те города, чьи средства находились в относительно удовлетворительном состоянии, были обременены недоимками прежних лет и дополнительными платежами в пользу казны на расквартирование войск [19, л. 690 об. – 691].

С другой стороны, ряд губернаторов в первой половине 1880-х гг. положительно оценивал деятельность новых органов городского самоуправления. Например, минский губернатор А. И. Петров во всеподданнейшем отчете за 1881 г. отмечал позитивные изменения в городском хозяйстве Минска и Пинска. Он особо подчеркивал, что представители местных городских общественных управлений внимательно относились к нуждам и потребностям жителей [20, л. 208 об.]. Похожие оценки можно найти и во всеподданнейшем отчете за 1881 г. могилевского губернатора А. С. Дембовецкого. Он считал, что реформа городского самоуправления положительно повлияла на развитие городского хозяйства, так как она освободила его от формального контроля со стороны правительства по незначительным вопросам [20, л. 323].

Таким образом, как показывает анализ всеподданнейших отчетов по белорусским губерниям за вторую половину 1870-х – первую половину 1880-х гг., губернаторы ожидали от реализации городской реформы улучшения городского благоустройства, оживления городской жизни, активизации местной инициативы. Однако реформирование системы городского самоуправления на территории Беларуси растянулось на более чем десятилетний срок. Это было обусловлено длительными работами по составлению списков городских избирателей и формированию новых органов власти. К началу 1880-х гг. стали очевидны первые достижения и проблемы в деятельности системы городского самоуправления. Ряд губернаторов (витебский губернатор В. В. фон Валь, гродненский губернатор Н. М. Цеймерн, а также его преемник А. Н. Потемкин) отмечали, что в городах сохранялась значительная задолженность, их благоустройство было недостаточным. В то же время минский губернатор А. И. Петров и могилевский губернатор

А. С. Дембовецкий положительно оценивали деятельность новых органов городского самоуправления. Они указывали на значительное улучшение городского благоустройства, деятельное участие городских властей в обеспечении повседневных потребностей горожан. Такие диаметрально противоположные оценки деятельности органов городского самоуправления можно объяснить влиянием двух субъективных факторов: во-первых, степенью личной убежденности каждого конкретного губернатора в целесообразности проведения городской реформы; во-вторых, эффективностью деятельности новых органов власти в том или ином городе.

Список использованных источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). – Ф. 1263.
Оп. 1. Д. 3848.
2. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3910.
3. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3849.
4. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3861.
5. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3918.
6. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3905.
7. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3970.
8. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4043.
9. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4174.
10. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4241.
11. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3972.
12. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4037.
13. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4108.
14. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4105.
15. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4175.
16. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4242.
17. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4316.
18. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4392.
19. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4386.
20. РГИА. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4247.

Т. А. Новогродский

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ БЕЛОРУСОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Е. Р. РОМАНОВА

Большой вклад в этнографическое изучение Беларуси внёс известный белорусский этнограф Е. Р. Романов. Его жизненному пути и характеристике научного вклада посвятил свою монографию В. К. Бондарчик [1], который справедливо отмечал, что материалы по этнографии и фольклору, собранные и опубликованные Е. Р. Романовым, не утратили своего значения и в наше время. Они являются ценным источником для изучения культуры народа.

Е. Р. Романов изучал многие научные проблемы, собирая полевые материалы, приобретал этнографические предметы и коллекции у местных жителей. Фундаментальной работой ученого является «Белорусский сборник». Известно, что автор издал 13 томов этого сборника. На сегодняшний день сохранились и доступны 9 выпусков «Белорусского сборника» Е. Р. Романова. Каждый выпуск посвящен отдельным элементам традиционной культуры белорусского народа. Характерной особенностью «Белорусского сборника» Е. Р. Романова было то, что материалы для него он записывал преимущественно сам со слов народа с сохранением особенностей местного говора.

Традиции питания белорусов подробно рассматриваются Е. Р. Романовым в 8 выпускe «Белорусского сборника» [2]. Он характеризирует повседневные и празднично-обрядовые блюда Поднепровья, описывает продукты, которые употреблялись для их приготовления, делает попытку классификации блюд, связанных с обрядами семейного цикла и с праздниками народного календаря. Особенно интересное описание приводит учёный пасхальной и колядной трапез. Четыре меню обеденной трапезы (постной повседневной, скоромной по-вседневной, постной праздничной., скоромной праздничной), приведенные этнографом параллельно для бедных и зажиточных семей, дают возможность дифференцированного изучения питания в зависимости от имущественного положения семьи, сравнительного изучения пищи во время поста и в скоромные дни. Е. Р. Романов приводит данные о времени и порядке проведения трапез, описывает правила поведения за столом [3, с. 11].

Среди многочисленных блюд у белорусов популярной была кулага. На территории Белорусси можно выделить локальные особенности в ее приготовлении. По сведениям Е. Р. Романова, в Могилевской губернии для кулаги заваривали ржаную муку и оставляли её на некоторое время в тёплом месте для брожения. В результате она получалась сладковатой. Потом её ещё варили в печи с калиной. Готовилась она редко и только в зажиточных семьях [2, с. 34].

Среди напитков наиболее распространенным был хлебный квас. В технологии его приготовления наблюдаются локальные и региональные особенности. На Могилевщине, по свидетельству Е. Р. Романова, готовили квас из картофеля, смешанного с мукой. Отваренный картофель толкли и соединяли с частью ржаной муки. После того как тесто немного постояйт, из него выпекали коржи, которые клали в бочку с водой. Обычно квас ставили в больших бочках до 10–15 вёдер [2, с. 48–49].

Е. Р. Романов обратил внимание, что многие напитки уже начинают выходить из широкого употребления. Так, например, в XIX веке мёд в домашних условиях уже почти не варили, даже медовуху, готовили только некоторые пчеловоды, да и то очень редко [2, с. 39]. В Могилёвской губернии для приготовления медового напитка брали соты с мёдом и варили два часа. Полученный отвар сливали в бочку, которую оставляли на протяжении шести дней без крышки, а затем закупоривали и он ещё стоял два-три месяца. Такой напиток приобретал определённую крепость [2, с. 40].

Вот как описывает Е. Р. Романов обеденное меню повседневной трапезы бедных и зажиточных семей у крестьян Могилевской губернии.

Постная пища повседневная

Бедных семей

Борщ с грибами или
холодник (щавель и лук);
Картофельный суп с крупой
и бобами.

Зажиточных семей

Борщ с грибами или солёной рыбой,
летом холодник;

Суп с алеем;

Каша гречневая, просняная
или картофельная с теми же
крупами с коноплями или алеем.

Скоромная пища повседневная

Борщ с салом;

Молочный суп.

Борщ с салом или мясом;

Каша с салом [2, с. 35].

Как видно, обеденное меню являлось показателем имущественной дифференциации местного населения. Из примера видно, что обеденный стол отличался также во время поста и в мясоед.

Ученый уделил внимание характеристике празднично-обрядовых трапез. Вот как он дает описание колядной трапезы белорусских крестьян Могилевской губернии в конце XIX века: «Первое блюдо – свекла с грибами или растительным маслом и с притиркой из хлебной рощины. Вместо свёклы может быть поливка с той же приправой. На второе чаще всего делают картофельный суп с крупой. Затем идёт кутья, которую хозяин переносит

з угла на середину стола вместе с сеном. Кутью едят с растительным маслом или с разведённым мёдом. В зажиточных семьях варят ещё взвар из сушёных яблок, груш, и слив или кисель» [2, с. 69].

Е. Р. Романов подробно охарактеризовал поминки и обрядовые блюда на поминальных трапезах. Так, на Могилевщине готовили мясо, оладьи, резники, а затем борщ, крупеню и другие вареные блюда [2, с. 328–329]. В Мстиславском уезде женщины, зайдя в дом, где был покойник, трижды дотрагивались рукой до печи, чтобы в доме больше не было поминок [2, с. 528]. В Быховском уезде мужчины садились под иконами или ближе к покути, а женщины – на отдалённых концах стола или за отдельным столом. [2, с. 530]. В Могилевской губернии кутью подавали на стол с изюмом и даже из изюма и теста выпекали крестик, который клали сверху куты или втыкали в неё [2, с. 530].

Питание белорусов описано Е. Р. Романовым в «Материалах по этнографии Гродненской губернии», которая вышла в двух выпусках (1911–1912). Основные материалы для этой работы были собраны учителями и учениками Гродненской губернии. Евдокиму Романовичу поручили отредактировать и издать эти материалы. Он несколько раз выезжал в Гродненскую губернию для проверки сведений и в итоге значительно дополнил собранные материалы, а также включил свои записи, которые он сделал здесь в 1894 г. во время службы в этой губернии. Восьмой раздел первого выпуска называется «Пища». В нем ученый отмечает одинообразие и бедность в повседневном питании крестьян. Только во время праздников наблюдается относительное благополучие. Ученый зафиксировал, что помимо обычая поминания предков на Деды, в Гродненской губернии существует обычай поминания предков исключительно по женской линии, который называется «Бабы». «На Деды, например, обязательно готовится девять блюд; а там, где «поминки баб» делаются отдельно от «поминок дедов», на первые поминки готовится девять блюд посных, а на вторые девять блюд скромных», – отмечал этнограф [4, с. 22].

Е. Р. Романов также написал рецензию на фундаментальный труд Н. Я. Никофоровского «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Беларуси и описание предметов обиходности. Этнографические данные», изданный в Витебске в 1895 г. [5]. Первый раздел этой работы «Ежа, едиво, поядуха, прорва, жратва, момна» был посвящен традиционной культуре питания белорусских крестьян Витебской губернии во второй половине XIX в. Е. Р. Романов назвал свою рецензию «Быт белорусов» [6]. Положительно оценивая работу ученого, Е. Р. Романов сделал критическое замечание автору о необходимости обратить внимание на выделение этнографических районов, в которых прослеживаются те или иные отличия в элементах народного быта.

Таким образом, Евдоким Романович Романов внес огромный вклад в этнографическое изучение Беларуси конца XIX – начале XX в. Этнографические предметы и описания к ним, сделанные в экспедициях, хранятся во многих музеях нашей страны. Собранный им богатейший материал по традициям питания, как и по другим элементам традиционной культуры белорусов, является ценнейшим источником для современных исследований этой актуальной научной проблемы.

Список использованных источников и литературы

1. Бандарчык, В. К. Еўдакім Раманавіч Раманаў / В. К. Бандарчык. – Mn. : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1961. – 305 с.
2. Романов, Е. Р. Белорусский сборник : в 9 вып. / Е. Р. Романов. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1885–1912. – Вып. 8 : Быт белоруса. – 1912. – VIII, 600 с.
3. Навагродскі, Т. А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст. / Т. А. Навагродскі. – Mn. : Беларус. дзярж. ун-т, 2015. – 243 с.
4. Романов, Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии : в 2 вып. / Е. Р. Романов. – Вильна : Тип. «Рус.почин», 1911–1912. – Вып. 1. – 1911. – [2], II, 237, [1] с.

5. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житъя-бытъя в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности : этногр. дан. / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. тип., 1895. – [4], VIII, 552, CLIV с.
6. Витебские губернские ведомости, 1894. № 22.

А. А. Селях

АДАПТАЦЫЯ ЗАХОДНЕПАЛЕСКІХ СЕЛЬСКІХ ДЗЯЎЧАТ У САЦЫЯКУЛЬТУРНАЙ ПРАСТОРЫ ГОРАДА (У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХХ СТАГОДДЗЯ): ДА ПАСТАНОЎКІ ПЫТАННЯ

Працэсы другой паловы ХХ стагоддзя, што адбываліся ў беларускай вёсцы (у прыватнасці, урбанізацыя, міграцыя сельскай моладзі ў горад), аказалі непасрэдны ўплыў на трансфармацыйныя зрухі ў матэрыяльнай, духоўнай і сацыяльнай культуры вясковай супольнасці. Праблема трансфармацыі, эвалюцыі грамадства ў цэлым, а таксама асобных бакоў яго жыцця, займае адно з цэнтральных месцаў у сучаснай беларускай этналагічнай науцы.

Адной з прычын паслаблення ўплыву традыцыйных спосабу мыслення, стратэгій паводзін на арганізацыю і рэгуляванне ўкладу жыцця ў вясковым соцыуме было ўзрастанне інтэнсіўнасці культурнай камунікацыі паміж вёскай і горадам. Распаўсюджванне гарадской культуры ў вясковым асяроддзі пераважным чынам адбывалася праз найбольш мабільную і схільную да паглынання новаўводзін катэгорыю насельніцтва – моладзь. Разам з тым мінавіта сельская моладзь з’ялялася патэнцыйным спадкаемцам і транслятарам этнакультурных традыцый паміж пакаленнямі. Таму бачыцца значным прадметна звярнуць увагу на праблему прыстасавання сельскіх дзяўчат як носьбітаў “іншай” культуры і ўвогуле карціны свету, у прасторы горада, а таксама вызначыць ступень уплыву гэтай катэгорыі насельніцтва на трансфармацыю сацыякультурнага ландшафту вёскі. У гэтай сувязі варта вызначыць месца ў беларускай гістарыграфіі даследаванняў сельскай і гарадской праблематыкі праз прызму іх антаганістычнасці, сумежнасці і ўзаемаўплыву.

Станаўленне гарадскога даследчага накірунку адбывалася ў беларускай савецкай гістарыграфіі на працягу 1970–1980-х гадоў, аб чым сведчыць выданне навуковых прац, тэматыка якіх адпавядала запыту дзяржавы. Увага этнографаў да гарадской тэматыкі была абумоўлена агульнай арыентацыяй этнографічных даследаванняў на сучаснасць, развіццём этнічных працэсаў у гарадах з прычыны ўрbanізацыі і мела на мэце асвятленне дасягненняў дзяржавы ва ўладкаванні побыту працоўнага класа. Варта ўзгадаць калектыўныя манаграфіі пад агульнай рэдакцыяй В. К. Бандарчыка [5; 6], аўтарскія манаграфіі І. П. Корзуна “Преодоление различий между городом и деревней в быту и культуре”, Г. И. Каспярович “Миграция населения в города и этнические процессы: (на материалах исследования городского населения БССР)”, Л. В. Ракавай “Быт и культура городской молодежи”.

Урбаністычны дыскурс шматаспектна прадстаўлены ў сучаснай айчыннай этналогіі. Так, у свет выйшлі манаграфії, прысвечаныя асэнсаванню наступных праблем: этнакультурныя працэсы ў гарадской сям’і [1], эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання [2], побыт гараджан [3], касцюм гараджан [4]. Гарадская праблематыка даследуецца таксама з улікам рэгіянальнай спецыфікі. Асобныя пытанні гарадской этналогіі Гомельшчыны (матэрыяльная культура, формы баўлення вольнага часу, праблема добраўпарадковання і інш.) асэнсоўваюцца ў шматлікіх артыкулах А. Р. Яшчанка, Н. В. Корнікавай, Т. А. Шкрабавай. Аналіз асобных аспектаў сельскай і гарадской культуры ў ракурсе іх узаемаўплыву, дыхатамічнасці прадстаўлены ў дысертацийным даследаванні А. Р. Яшчанка, дзе закранаюцца такія пытанні, як месца традыцыйнай сялянскай культуры ў ландшафце горада, успрыняцце гарадской прасторы сельскім насельніцтвам (“Быт горожан Беларуси во второй половине XIX – начале XXI в.”, 2023).

Праблема адаптацыі сельскай моладзі ў сацыякультурнай прасторы горада ў беларускай этналогіі, культурнай антрапалогіі спецыяльна не вывучалася. Зазначым, што сама тэматыка знаходзіцца ў полі сельскага дыскурсу, але разам з тым мяжуе з гарадскім, паколькі ўключае, у тым ліку, асэнсаванне спецыфікі гарадскога ўкладу жыцця, інстытуцый і сацыяльных адносін. Вывучэнне адаптацыйных стратэгій сельскіх мігрантаў у горадзе перш за ёсё прадугледжвае разгляд даволі істотнага пытання – сутыкненне двух культурных ландшафтаў (сельскага і гарадскога) і яго ўплыву на культуру і штодзённасць грамадства. Асэнсаванне зазначанай тэмамі дазваляе лепш зразумець асаблівасці трансфармацыйных зрухаў у традыцыйнай культуры вёскі і вызначыць ступень ўплыву моладзі на гэтыя працэсы. “Трансфармацыя культуры – згодна з думкай Ю. І. Кнацько, – цэласны паступовапераўтваральны працэс, накіраваны на рэканструкцыю культуры за кошт укаранення ў яе іншародных элементаў, якія парушаюць звыклы рытм і вызначаюць новы вектар культурнага развіцця” [7, с. 105]. Культурны феномен ўключае традыцыйныя і інавацыйныя кампаненты. Пры пэўных умовах культура альбо ўзнаўляецца, альбо трансфармуецца.

Вывучэнне праблемы трансфармацыі культуры вясковай супольнасці бачыцца дарэчным на прыкладзе канкрэтных гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў, гістарычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё якіх мела свае асаблівасці. Мікраўзроўнавасць даследавання (канцэнтрацыя фокуса ўвагі на канкрэтнай этнічнай, сацыяльнай, статуснай, гендарнай, узроставай, канфесійнай групе) дазволіць сферміраваць больш дакладнае ўяўленне пра механізм функцыянавання беларускай культуры ў цэлым, культурных асаблівасцяў асобных груп насельніцтва, што ў свою чаргу дапаможа пазбегнуць пераносу агульных тэндэнций на пэўны локус, і адпаведна памылковасці высноў.

Навукова важным і перспектыўным бачыцца даследаванне такой складанай праблемы як адаптацыя заходнепалескіх сельскіх дзяўчат у сацыякультурнай прасторы горада (у другой палове ХХ ст.). Праблематызацыя зазначанага пытання дае падставу ўбачыць чалавече вымірэнне гісторыка-культурных працэсаў і рэтраспектыўна разглядзець дзвяочную штодзённасць, дзе на першы план выходзяць асабістасць падзеяў, індывідуальнасць ацэнак, унікальнасць досведу. Комплекснае вывучэнне тэмамі безумоўна вымагае дакладнай акрэсленасці паняційнага апарату, аргументавання тэарэтыка-метадалагічных асноў даследавання, выкарыстання міждысцыплінарнага і культурагалічнага падыходаў, звароту да розных груп кропініц (пісьмовых, візуальных, речавых, вусных). Вялікую каштоўнасць уяўляюць этнаграфічныя і фальклорныя матэрыялы, якія найлепш адлюстроўваюць уяўленні сельскіх дзяўчат пра горад, гараджан, “гарадское”. Апублікованыя іншымі даследчыкамі, а таксама асабіста сабраныя палявымі матэрыяламі, што светапоглядныя, каштоўнасныя арыенціры, лад жыцця, культурныя ўстаноўкі гараджан, а таксама прасторавая і сацыяльная арганізацыя горада ў параўнанні з вёскай, успрымаліся вясковай супольнасцю прынцыпова іншымі, таму чужымі і нават небяспечнымі. Гэтыя і іншыя аспекты маюць быць абавязковая вывучанымі на падставе ўспамінаў. Безумоўна, вусны дыскурс пра адаптацыю разнастайны і шматпланавы, таму пры зборы палявых матэрыялаў варта звяртаць увагу на ўзровень адукациі, маёмыснае становішча, сацыяльны статус рэспандэнтак.

Змена месца жыхарства (няхай і часовая) патрабавала ад мігранта прыстасавання да новага культурнага асяроддзя. Выкарыстанне антрапалагічнага падыходу да вывучэння пытанняў адаптацыі дапаможа даследаваць не толькі знешні, але і псіхалагічны, ментальны бок працэсу. Антрапалагічная оптыка дазваляе адыйсці ад этнаграфічнага апісання класічных элементаў культуры (умовы жыцця, убранне, харчаванне, формы адпачынку) да іх этналагічнага і культурагалічнага асэнсавання, а таксама прааналізаваць праблему больш аб'ёмна і шматгранна. Перспектыўным бачыцца факусаванне ўвагі на наступных слабавывучаных або недаследаваных ўвогуле пытанняў: стратэгіі адаптацыі сельскіх дзяўчат у горадзе; дзвяочая штодзённасць ва ўмовах ананімнасці; змены ў маральна-каштоўнасных арыентацыях дзяўчат; шлюбныя стратэгіі сельскіх дзяўчат у горадзе; асаблівасці ўспрыняцця сялянкамі гараджанак і наадварот гараджанкамі сялянак; спецыфіка сацыялізацыі і прафесіяналізацыі;

механізм узнаўлення культуры, пераемнасці традыцый і ведаў продкаў у дзяячым асяроддзі; праблема ўзаемадносін паміж бацькамі, што засталіся ў вёсцы, і іх дзецьмі; міжпакаленны канфлікт у каштоўнаснай сферы; уплыў сельскай культуры на гарадскую; асаблівасці ідэнтычнасці сельскіх дзяўчат у горадзе.

Такім чынам, праблематыка адаптациі, стратэгіі прыстасавання сельскіх дзяўчат Заходняга Палесся ў сацыякультурнай прасторы горада (у другой палове XX ст.) можа выступіць у якасці самастойнага прадмета міждысцыплінарнага даследавання. Прывіліванне антрапалагічнай парадыгмы, выкарыстанне якасных метадаў даследавання, яго мікраўзору невасць да дудзь магчымасць прыблізіцца да разумення глыбінных асноў культуры беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Калачова, І. І. Этнакультурныя працэсы ў гарадской сям'і беларусаў у апошній трэці ХХ – пачатку ХХІ ст. / І. І. Калачова. – Мн. : Беларус. навука, 2009. – 266 с.
2. Ракава, Л. В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання Беларусаў у XIX–XX стст. / Л. В. Ракава. – Мн. : Беларус. навука, 2009. – 311 с.
3. Ященко, О. Г. Быт горожан Беларуси во второй половине XIX – начале XXI в. / О. Г. Ященко. – Мн. : Право и экономика, 2022. – 326 с.
4. Бялявіна, В. М. Беларускі касцюм / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мн. : Беларусь, 2017.
5. Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии / В. К. Бондарчик [и др.]; под ред. В. К. Бондарчика. – Мн. : Наука и техника, 1976. – 111 с.
6. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.]; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мн. : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
7. Кнатько, Ю. И. Факторы культурной трансформации: классификация и подходы / Ю. И. Кнатько // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. – 2014. – № 7. – С. 105–108.

О. В. Сінякова

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СНК – СМ БССР (1944–1965) (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ограничительный характер советской конфессиональной политики обусловил реализацию целого комплекса мероприятий, направленных на ослабление позиций церкви. На законодательном уровне она теряла статус юридического лица, лишалась ряда ранее выполняемых функций, а имущество и ценности религиозных организаций подлежали конфискации [1, с. 5–7].

На протяжение довоенного периода реализацией церковной политики в Советском Союзе занимались различные официальные органы. В 1938 г. контроль за деятельностью религиозных организаций осуществлял только специальный отдел по борьбе с церковной и сектантской контрреволюцией НКВД. Необходимость создания нового органа, реализующего советскую конфессиональную политику, возникла во время Великой Отечественной войны [2, с. 113]. В сентябре 1943 г., начал работу Совет по делам Русской православной церкви [3, с. 24], а 19 мая 1944 г. вышло постановление о создании Совета по делам религиозных культов [4], в ведение которого переходил весь спектр вопросов, связанных с деятельностью не православных религиозных организаций. Свои функции Совет реализовывал через институт уполномоченных разных уровней.

Национальное и конфессиональное многообразие БССР обуславливало необходимость нахождения и активной деятельности на ее территории уполномоченных Совета по делам религиозных культов [5, с. 154–157].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по БССР был утвержден постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. [6] и представлял собой второй уровень в трехуровневой иерархической системе института уполномоченных, осуществляя руководство, находящимися на ее третьей ступени, уполномоченными административно-территориальных единиц республики.

Штат и должностные оклады данного аппарата также, как и уполномоченных при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся, были рассмотрены и утверждены Государственной штатной комиссией при СНК СССР от 8 июля 1944 г. [7]. Согласно соответствующим распоряжениям, состав республиканского уполномоченного Совета по делам религиозных культов определялся в количестве 3 человек – самого уполномоченного, старшего инспектора и секретаря-машинистки [8].

Одной из важнейших функций уполномоченного по БССР являлось руководство работой подчиненных ему территориальных уполномоченных. В соответствующих распоряжениях Совет по делам религиозных культов, «с целью повышения роли Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ по Белорусской ССР», обязывал последнего оценивать и давать необходимые указания областным уполномоченным после ознакомления с их информационными отчетами. Копии составленных замечаний, а также сами отчеты следовало одновременно отправлять непосредственно в Совет [9–10]. Комментарии в отношении присланных данных могли затрагивать различные аспекты. Например, в замечаниях к отчету за первое полугодие 1955 г. уполномоченного по Гомельской области уполномоченный по БССР К. А. Уласевич рекомендует последнему «при выполнении намеченных планом работы мероприятий» усилить интерес в отношении актива религиозных объединений верующих, а также обратить особое внимание на объединения евангельских христиан-баптистов Рогачевского района, по имеющимся сведениям собирающихся «ходатайствовать о регистрации их общества» [11].

На основе сведений, полученных из областей, республиканский уполномоченный подготавливал свой основной документ – сводный отчет, характеризующий конфессиональную ситуацию в БССР за отчетный период [12]. В него включалась вся имеющаяся разносторонняя информация по вопросам деятельности религиозных объединений республики. Данные распределялись по соответствующим тематическим разделам документа.

Так, например, на 54 листах отчета уполномоченного по БССР П. М. Лабуса за 1962 г. были представлены общие сведения о количестве религиозных объединений в республике, подробное описание различных аспектов их деятельности отдельно по каждой конфессии (католики, евангельские христиане-баптисты, старообрядцы, адвентисты седьмого дня, иудеи). Содержались разделы, посвященные нарушениям советского конфессионального законодательства, научно-атеистической пропаганде, жалобам и заявлениям. Отчет завершали выводы и предложения. Обязательным компонентом сводного отчетного документа являлись статистические данные об объединениях, молитвенных зданиях и «служителях культов», представленные на соответствующих бланках [13].

Немаловажное значение в работе как областных, так и республиканского уполномоченных Совета по делам религиозных культов имело наблюдение за проведением в БССР представителями объединений действующих конфессий значимых религиозных праздников и составление в отношении их соответствующей документации. Так, с 20 по 30 декабря 1953 г. уполномоченным Совета по делам религиозных культов по БССР К. А. Уласевичем осуществлялось наблюдение за празднованием Рождества верующими католических организаций республики [14].

С помощью аппарата уполномоченного по БССР на территории республики среди областных уполномоченных, а также иных соответствующих структур, регулярно распространялась различного рода информация по вопросам государственной конфессиональной политики. Так, в 1965 г. уполномоченным по БССР П. М. Лабусом с целью ознакомления была разослана лекция председателя Совета по делам религиозных культов А. А. Пузина на тему: «Ленинские принципы отношения к религии, церкви и верующим» [15].

В процессе работы уполномоченный по БССР поддерживал довольно тесные связи с различными действующими государственными учреждениями республики. Например, на основании соответствующей справки, выданной в 1965 г. уполномоченным по БССР П. М. Лабусом, сотрудники Государственного музея БССР могли до декабря 1966 г. беспрепятственно посещать костелы, находящиеся на территории республики с целью выявления предметов, представляющих музейную ценность [16].

На основании имеющихся в распоряжении архивных материалов можно отметить, что с момента создания рассматриваемого органа с 1944 по 1945 гг. уполномоченным по БССР являлся П. П. Маслов. В 1945 г. его сменил К. А. Уласевич, занимавший данную должность в течение 10 лет. С 1955 г. и до упразднения указанной структуры в 1965 г. в связи с объединением с Советом по делам Русской Православной церкви и создании Совета по делам религий уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совете Министров БССР являлся П. М. Лабус.

Таким образом, аппарат уполномоченного Совета по делам религиозных культов по БССР осуществлял свою деятельность с 1944 по 1965 гг. Специфика работы данного контролирующего органа заключалось в том, что он являлся промежуточной инстанцией и выступал связующим звеном непосредственно между Советом по делам религиозных культов и территориальными уполномоченными. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по БССР, обладая широкими полномочиями, также выполнял многочисленные функции. Результаты своей деятельности и работы подчиненных он отображал в соответствующей отчетной документации.

Список использованных источников и литературы

1. Конфессии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.): док. и материалы / сост.: М. А. Алейникова [и др.]; под ред. В. П. Пичукова; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Мн. : НАРБ, 2013. – 388 с.
2. Носова, Е. В. Деятельность Совета по делам религиозных культов [Электронный ресурс] / Е. В. Носова // Вестник КРСУ. – 2009. – № 5. – С. 113–117. – Режим доступа: <http://arch.kyrlibnet.kg>. – Дата доступа: 10.09. 2025.
3. Мандрик, С. В. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в БССР в начальный период его существования (1944–1958) / С. В. Мандрик, А. О. Горанский // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2014. – № 2. – С. 23–26.
4. Национальный архив Республики Беларусь (Далее: НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
5. Одинцов, М. И. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М. И. Одинцов, А. С. Кочетова. – М. : Научно-политич. книга, 2014. – 317 с.
6. Об утверждении положения о Совете по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР, штатов и должностных окладов работников Совета [Электронный ресурс]: постановление Совета народных комиссаров, 29 мая 1944 г., № 628 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=29900#LFBSVwS65Xlj7I0C>. – Дата доступа: 20.09.2025.
7. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.
8. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.
9. НАРБ. – Ф. 952, Оп. 2. Д. 4. Л. 40.
10. НАРБ. – Ф. 952, Оп. 2. Д. 8. Л. 11.
11. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 50. Л. 21.
12. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 3. Л. 31.
13. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 4. Д. 37. Л. 228–281об.
14. НАРБ. – Ф. 952. Оп 2. Д. 43. Л. 5–14.
15. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 41. Л. 294.
16. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 3. Д. 41. Л. 218.

М. И. Старовойтов

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

Количественная и качественная характеристики титульного этноса и национальных групп в составе населения регионов/областей республики позволяют дать адекватную оценку социуму БССР. Какие изменения произошли в составе сельского населения Гомельской области к концу 1930-х годов рассмотрим на оригинальных рассекреченных архивных материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г., большая часть которых вводятся в научный оборот впервые. Представляется необходимым выделить по возможности как абсолютные, так и относительные показатели уровня грамотности и образования сельских жителей, которые будут интересны не только историкам, культурологам, этнографам, педагогической общественности, но тем, кто интересуется историей Гомельщины (довоенные границы Гомельской области). Таблицы составлены, большая часть абсолютных показателей и проценты подсчитаны автором.

Анализ данных переписи 1939 г. позволил установить, что Гомельская область по приросту сельского населения в межпереписной период была на третьем месте с показателем 104,9 %, а по приросту городского населения с 20,0 % до 27,9 % оказалась на втором месте после Минской области [подсчитано по: 1, л. 1].

Городское население Гомельской области увеличивалось в основном за счет сельского населения, т.е. механического прироста за счет миграции сельской молодежи на работу и учебу. По выявленным данным о механическом приросте населения г. Гомеля есть основание считать, что такой прирост был большим. В 1930 г. он составил 5 614 человек, в 1931 г. – 6 725 человек, в 1932 г. – 4 029 человек, 1933 г. – 1 573 человека, 1935 г. – 19 236 человек, в 1936 г. – 7 095 человек. Большой механический прирост был и в г. Речица. За период с 1930 г. по 1936 г. он составил 8 652 человека [подсчитано по: 2, л. 175].

К концу 1930-х годов г. Гомель стал одним из крупнейших промышленных и культурных центров БССР. В городе действовали крупные предприятия: заводы Гомсельмаш, паровозовагоноремонтный, судоремонтный, станкостроительный им. Кирова, спичечная фабрика «Везувий», фабрики «8 Марта», «Коминтерн», «Труд», комбинат «Спартак» и многие другие предприятия. Специалистов выпускали педагогический, лесотехнический и учительский институты, 8 средних специальных учебных заведений, работал Лесной научно-исследовательский институт [3, л. 4, 9, 30].

Степень урбанизации белорусов Гомельской области в конце 1930-х годов составила 18,2 % [4, л. 6]. Абсолютное большинство населения Гомельской области составляли сельские жители. Белорусы среди всех занятых жителей села составляли 89,0 %, которые продолжали заниматься тяжелым сельскохозяйственным трудом. Мужчин-белорусов в сельском и лесном хозяйстве было занято 75,3 %, а женщин-белорусок – 92,4 %. [подсчитано по: 5, л. 67–88]. Это не способствовало росту культурно-образовательного уровня сельского населения и, прежде всего, белорусов. У белорусов был самый низкий уровень грамотности и образования, что хорошо видно по данным таблицы 1 [2, л. 6, 8–10].

Таблица 1 – Грамотность и образование по национальностям области в 1939 г.

Национальности	Грамотность (%)		Образование на 1 000 человек	
	9 лет и старше	20–49 лет	Среднее	Высшее
Белорусы	75,1	77,2	28,9	0,8
Русские	88,1	93,6	166,7	8,9
Евреи	89,1	95,4	61,5	19,3
Украинцы	87,9	91,1	139,5	6,3

У женщин-белорусок показатели грамотности по возрастным группам, указанным в таблице 1, составили соответственно – 67,5 % и 68,9 %, а по показателю уровня образования – 21,0 и 0,2 [2, лл. 8, 9].

В таблице 2 [2, л. 43] представлен национальный состав сельского населения в районном разрезе. В Буда-Кошелевском, Журавичском, Кормянском, Лоевском, Речицком, Светиловичском и Чечерском районах доля белорусов в составе населения была на 2,7–4,7 % выше среднеобластного показателя, который составлял 91,7% (подсчитано по таблице 2).

Таблица 2 – Национальный состав сельского населения области в 1939 г.

Область, районы	Всего	Белорусы	Русские	Евреи	Украинцы	Прочие
По области	655 084	600 679	33 171	5 432	10 103	5 699
Буда-Кошелевский	41 459	39 365	1 090	157	474	373
Ветковский	34 838	30 247	3 997	91	369	134
Гомельский	61 828	53 403	5 166	490	2 174	595
Добрушский	31 244	24 248	6 065	74	603	254
Жлобинский	69 244	62 834	3 289	392	1 159	1 550
Журавичский	42 298	39 650	952	1 082	381	233
Кормянский	45 050	43 353	1 039	77	377	204
Лоевский	37 914	36 279	918	84	444	189
Речицкий	59 521	54 946	2 040	563	1 299	673
Рогачевский	57 115	52 130	3 119	927	595	344
Светиловичский	34 350	32 436	1 082	259	363	210
Тереховский	49 835	46 581	1 625	799	678	172
Уваровичский	48 563	45 142	1 780	293	818	530
Чечерский	41 845	40 065	1 009	164	369	238

Данные о национальном составе населения районов позволили установить прямую взаимосвязь с показателями грамотности населения. В указанных выше районах с преобладанием белорусского населения показатели грамотности и у мужчин, и у женщин были ниже среднеобластных показателей, что хорошо видно из таблицы 3 [2, л. 41–42].

Таблица 3 – Уровень образования и грамотности населения районов в 1939 г.

Мужчины				Женщины			
Образование (абс.)		Грамотность (%)		Образование (абс.)		Грамотность (%)	
Среднее	Высшее	9 лет и старше	9–49 лет	Среднее	Высшее	9 лет и старше	9–49 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население Гомельской области							
18 190	818	90,1	96,4	7 821	141	63,8	77,5
Буда-Кошелевский район*							
1 191	60	88,8	95,6	691	15	60,6	73,8
Ветковский район*							
1 402	69	92,4	97,3	691	9	68,8	82,8

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Гомельский район**							
2 171	111	94,4	97,8	1 348	30	73,5	86,3
Добрушский район*							
1 748	117	94,9	97,8	994	37	73,9	87,2
Жлобинский район*							
3 923	241	90,3	96,6	2 566	67	68,4	80,6
Журавичский район*							
1 168	90	88,3	96,0	646	10	60,3	73,7
Кормянский район*							
1 399	58	89,4	96,1	577	13	60,6	74,0
Лоевский район*							
1 274	59	90,4	96,0	594	14	62,8	75,6
Речицкий район**							
1 298	71	87,3	94,6	527	9	59,9	72,7
Рогачевский район*							
2 883	141	90,5	97,1	2 024	67	68,0	81,2
Светиловичский район*							
1 128	47	88,4	95,6	446	5	58,6	73,0
Тереховский район*							
1 748	53	94,8	98,3	910	16	72,1	86,1
Уваровичский район*							
1 729	76	90,4	96,8	816	22	65,2	79,0
Чечерский район*							
1 640	68	89,6	96,4	791	9	61,5	74,3
Примечание: *) – включены районные центры; **) – без Гомеля и Речицы							

В конце 1930-х годов под воздействием советской мобилизационной модернизации изменился этносоциокультурный облик населения Гомельской области. Представленные в информационных таблицах данные о социуме позволяют сделать вывод о том, что область в целом была полиэтнической с абсолютным большинством белорусов, которые проживали в сельской местности и были заняты преимущественно в аграрном секторе экономики и лесном хозяйстве. Это в значительной степени сдерживало процесс урбанизации, прежде всего титульного этноса. Уровень грамотности и образования белорусов был еще ниже аналогичных показателей в сравнении с наиболее численно представленными национальностями.

Список использованных источников и литературы

1. Гомельская область / Российский государственный архив экономики (Далее: РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 376.
2. Белорусская ССР / РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
3. Состав и передвижение населения / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 20. Д. 73.
4. Состояние народного хозяйства и культурного строительства Гомельской области Белорусской ССР к началу Отечественной войны. – Б.м. Изд-во СНК БССР, 1942. ДСП, № 87. – 34 с.
5. Общественные группы и отрасли народного хозяйства БССР / РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 80-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ВУЗАХ БЕЛАРУСИ

В этом году Беларусь масштабно отпраздновала 80-летие Великой Победы. Огромное внимание этой дате было уделено во всех белорусских вузах, в том числе в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова, но особо в патриотическом воспитании акцент ставился на огромных и до конца не изученных жертвах, которые были принесены на алтарь Победы. Безграничное сожаление преподавателями и студентами во время разного рода акций было проявлено по отношению к неисчислимым фактам геноцида белорусского народа.

Во время воспитательной работы с молодежью постоянно отмечалось, что начало Великой Отечественной войны стало огромной катастрофой для Беларуси, которая в тот момент входила в состав Советского Союза. В июне 1941 г., когда нацистская Германия начала операцию «Барбаросса», Беларусь оказалась одной из первых советских республик, подвергшихся масштабному и разрушительному вторжению. Стратегическое положение республики делало её важной целью для Гитлера, который планировал использовать её как плацдарм для дальнейших атак на Москву и другие регионы СССР.

Во время преподавания курса по истории белорусской государственности в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова отмечалось, что с первых дней оккупации нацисты применяли жестокие меры против местного населения. Оккупационные власти установили жесткий контроль, вводя репрессивные меры и устранивая любые формы сопротивления [1, с. 5]. На территории Беларуси были созданы специальные команды, такие как «айнзацгруппы», которые осуществляли массовые расстрелы мирных жителей, в первую очередь еврейского населения [2, с. 17]. Эти группы действовали по приказу высшего командования, что свидетельствовало о системности и целенаправленности политики геноцида, которая слала страшным кровавым пятном на путь нашего народа к Великой Победе.

На фоне военных действий белорусы оказались в ситуации, когда им приходилось выбирать между сотрудничеством с оккупантами и сопротивлением. Многие жители пытались наладить контакт с партизанами, которые начали организовываться в лесах и деревнях, чтобы противостоять фашистским войскам. Беларусь стала поистине партизанской республикой, помогая приблизить Победу [3, с. 245]. Это сопротивление стало символом мужества и стремления белорусского народа к свободе, однако оно также привело к жестоким репрессиям со стороны оккупантов.

В то же самое время важным аспектом исторических исследований в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова совместно со студентами к 80-летию Победы является то, что нацистская оккупация сопровождалась не только физическим уничтожением людей, но и попытками стереть культурную идентичность белорусов. Нацисты к тому же стремились подорвать экономику белорусских регионов, уничтожая промышленные предприятия и сельское хозяйство. Все это происходило на фоне человеконенавистнической идеологии, согласно которой белорусский народ рассматривался как «низшая раса», что «оправдывало» действия фашистов, но нет срока давности по их преступлениям.

К огромному сожалению, что отмечается при патриотическом воспитании студентов, первые месяцы оккупации в 1941 г. стали началом масштабного гуманитарного кризиса. Произошли массовые убийства, депортации и разрушения. Белорусское население столкнулось с невообразимыми страданиями, которые оставили неизгладимый след в истории [2, с. 79]. Этот исторический период требует глубокого осмысления, особенно в год 80-летия Победы, чтобы не допустить повторения подобных трагедий.

При воспитании студентов все время необходимо отмечать, что нацистская политика геноцида в отношении белорусского населения проявлялась через ряд жестоких методов и тактик, направленных на физическое уничтожение и подавление местного населения.

С первых дней оккупации оккупанты начали систематические расстрелы мирных жителей, особенно в тех регионах, где оказывалось сопротивление. Эти массовые казни проводились с особой жестокостью: людей собирали в группах и расстреливали на месте без предварительного судебного разбирательства. Одним из наиболее жутких методов геноцида являлось создание концентрационных лагерей, где задержанные подвергались пыткам, голодом и убийствам [1, с. 349]. Лагеря стали символом страха и террора, где находились не только евреи, но и представители других национальностей, а также те, кто подозревался в антифашистской деятельности.

Фашистские власти также использовали тактику сожжения целых деревень, в основном с 1942 г. Это делалось как способ наказания за поддержку партизан или за отказ сотрудничать с оккупантами. Такие действия приводили к полному уничтожению населенных пунктов и массовым убийствам их жителей. Уничтожение деревень сопровождалось грабежами и насилием, что создавало атмосферу страха и безысходности. В Витебском государственном университете имени П. М. Машерова стало традицией проводить акции памяти на месте таких скорбных событий, например, на месте бывшего концентрационного лагеря «Пятый железнодорожный полк».

Кроме того, оккупанты проводили массовые депортации, отправляя людей на принудительные работы в Германию, особенно с весны 1943 г. Эти мероприятия часто затрагивали женщин и детей, что лишь усугубляло гуманитарный кризис. Депортированные люди подвергались жестокому обращению и лишениям, что приводило к высокой смертности среди них. Вечная им память.

При патриотическом воспитании студентов в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова постоянно делается акцент на том, что систематическое уничтожение населения Беларуси стало частью более широкой стратегии нацистского режима, направленной на ликвидацию любых потенциальных угроз и утверждение своей власти. Эти методы оставили глубокие раны в исторической памяти белорусского народа и требуют тщательного изучения и осмысливания студентами, в первую очередь исторической специальности, чтобы понять масштабы трагедии.

Последствия геноцида, осуществляемого фашистами в Беларуси, были катастрофическими и оставили глубокий след в судьбах ее миллионов населения. Массовые расстрелы, уничтожение деревень и депортации привели к резкому сокращению численности населения. По различным оценкам, в Беларуси было уничтожено от 1,5 до 3 миллионов человек.

Физические потери сопровождались разрушением инфраструктуры и экономики Беларуси. Тысячи деревень были сожжены, а промышленные предприятия разграблены или полностью уничтожены [1, с. 424]. Разрушение сельского хозяйства привело к нехватке продовольствия, что усугубило гуманитарный кризис уже на освобожденных территориях. Люди страдали от голода, болезней и отсутствия медицинской помощи, что привело к высокой смертности среди выживших в оккупации. Путь к Победе был долг и тяжел.

Социальные последствия геноцида также были значительными. Оккупация и насилие разрушили традиционные структуры общества. Многие семьи потеряли своих близких, что привело к увеличению числа сирот и вдов. В условиях разрушенной экономики и социальной структуры белорусский народ столкнулся с необходимостью восстановления. После освобождения от фашистов начались всемерные усилия по восстановлению экономики, однако последствия войны ощущались еще долгое время [4, с. 5]. Множество людей было вынуждено покинуть свои дома и начать жизнь фактически с нуля. Но своим трудом они закрепляли экономически исторические завоевания Великой Победы, о чём мы всегда помним в год ее 80-летия.

При повседневной работе со студентами всегда указываем, что геноцид также во многом оказал влияние на культурную идентичность белорусов. Однако попытки нацистов стереть память о белорусском народе и его культуре не увенчались успехом. Историческая память о тех тяжёлых временах стала важной частью национального самосознания [5, с. 47]. Сохранение памяти о жертвах геноцида стали ключевыми аспектами в послевоенной истории Беларуси, что подчёркивает важность осмысливания этих событий для будущих поколений и подтверждает особую направленность патриотического воспитания молодежи в вузах Беларуси.

Память о прошедших событиях Великой Отечественной войны и геноциде, всемерно пережитом белорусским народом, играет важную роль в современном белорусском обществе. Осознание молодежью масштабов трагедии, произошедшей в годы оккупации, необходимо для формирования исторической идентичности и понимания последствий войны. Эти события стали сегодня важной частью национальной памяти и вызвали особый интерес в год 80-летия Великой Победы.

Увековечение памяти жертв геноцида в Республике Беларусь осуществляется через памятники, мемориалы и памятные мероприятия. В нашей республике создано множество мемориальных комплексов, которые посвящены как отдельным событиям, так и общей трагедии. В Витебске это в первую очередь масштабный мемориал на Площади Победы. Эти места становятся не только символами скорби, но и центрами просвещения, где молодое поколение может узнать о жестокостях войны.

Изучение истории Великой Отечественной войны и геноцида также имеют ключевое значение. В университетских курсах уделяется внимание не только военным действиям, но и гуманитарным аспектам, таким как страдания мирного населения. Важно, чтобы молодые люди осознавали, как легко можно потерять все.

Современные инициативы по сохранению памяти о Великой Отечественной войне и геноциде включают в себя исторические исследования, выставки и конференции, которые способствуют осмыслинию прошлого и его влиянию на настоящее, в том числе и среди студентов Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Обсуждение исторических фактов на самых разных занятиях и воспитательных мероприятиях, их интерпретация помогают избежать искажения истории и способствуют более глубокому пониманию студентами причин и следствий конфликта.

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов, Н. И. Великая Отечественная война Советского Союза : Краткая история / Н. И. Анисимов, П. П. Богданов, Е. Ю. Богуш – М. : Воениздат, 1965. – 621 с.
2. Бугаенко, В. И. И город мой обуглился в огне / В. И. Бугаенко. – Мн., 1998. – 440 с.
3. Манаенков, А. Л. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. / А. Л. Манаенков. – Мн. : Полымя, 1983. – 765 с.
4. Тимофеев, Р. В. Транспорт Белорусской ССР в социально–экономическом развитии общества (конец 1943 – 1991 год): монография / Р. В. Тимофеев. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – 400 с.
5. Шамякин, И. П. Навсегда в сердце народном / И. П. Шамякин. – Мн. : Наука и техника, 1984. – 607 с.

А. А. Ткачук

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА (1935–1945)

В 30-е годы XX в. в разных регионах мира уже начинали зарождаться будущие очаги мировой войны. Для советского руководства всё чётче вставала перед глазами необходимость реформ в армии. Под влиянием сталинской модернизации во второй половине 1930-х гг. Рабоче-Крестьянская Красная Армия насыщается новыми видами вооружения и техники. Изменяется униформа и снаряжение. Изменялись и головные уборы.

Актуальность темы заключается в том, что на примере отдельного элемента униформы, такого как головные уборы, можно рассмотреть развитие системы воинских подразделений, а также отследить тенденции в мобилизационной готовности войск и промышленном потенциале

страны. Целью исследования является анализ и характеристика изменений головных уборов среднего и старшего командного состава РККА в период с 1935 по 1945 гг. Основой для написания статьи послужили приказы Народного Комиссариата обороны и техническая документация Народного Комиссариата лёгкой промышленности, а также фотоматериал.

Изменения начались с постановления СНК СССР от 22 сентября 1935 г. В дополнение к этому постановлению 2 декабря 1935 г. выходит постановление № 2090 «О форме одежды и знаках различия командного, начальствующего и рядового состава сухопутных и воздушных сил РККА». Этим постановлением на снабжение РККА вводился целый ряд новых предметов обмундирования, в том числе и головные уборы. Для командного и начальствующего состава всех родов войск, кроме ВВС для повседневного ношения вводится суконная фуражка с цветным околышем. Фуражки изготавливались 7 размеров: от 53 до 60 см в обхвате головы. Для комбинированной носки со стальным шлемом и для полевых работ командно-начальствующему составу вводились суконная пилотка с кантами по рому войск [1, с. 5]. Пилотки изготавливались на подкладке из сатина цвета хаки или серого цвета. Для военно-воздушных сил суконная пилотка вводится как головной убор для постоянной носки. Пилотки, также как и фуражки, изготавливались 7 размеров.

По реформе обмундирования 1935 г. униформа Военно-воздушных сил (ВВС) и Автобронетанковых войск (АБТВ) имела цвета, отличавшиеся от других родов войск РККА. Униформа ВВС изготавливалась из тканей тёмносинего цвета. Фуражки АБТВ имели стальной цвет верха и окон из чёрного бархата [2, с. 28]. Соответственно такую же цветовую гамму имели и пилотки командно-начальствующего состава.

На холодное время года полагался зимний шлем – «будёновка». Верх изготавливался из шлемного сукна или молескина. Спереди нашивалась звезда из сукна по роду войск, на которую крепилась красная металлическая звезда. Шлем изготавливается на подкладке из крашеной бязи с подкладкой из ваты. Колпак состоял из 6 клиньев. Спереди к низу пришивался козырёк. Вплотную к нему пришивался назатыльник, который в сложенном виде прикреплялся к колпаку при помощи двух малых пуговиц. Шлем изготавливается 3 роста [3, с. 2]. Каждый рост включал 2 размера головы: 1-й рост – 55–56 размеры, 2-й рост – 57–58 размеры, 3-й рост – 59–60 размеры.

23 апреля 1936 г. некоторые кавалерийские дивизии были переформированы в казачьи с введением особой выходной формы, подчёркивающей особый статус этих подразделений. В качестве головных уборов были введены кубанка и башлык. Кубанка изготавливается в форме цилиндра высотой около 10 см из чёрной мерлушка. Верх кубанок изготавливается из цветного сукна: красного – для кубанских частей и светло-синего – для терских. По верху донышка кубанки для командного состава нашивалась крестообразно золотой сутаж или галун шириной 4 мм. Спереди по центру крепилась металлическая красная звезда установленного образца. Для донских казачьих частей вводилась папаха. Папаха, в отличие от кубанки, немного сужалась к верху. Верх папахи изготавливается из красного сукна. По верху крестообразно в два ряда нашивалась чёрный сутаж или галун шириной 4 мм [4, с. 48]. Башлык представлял из себя остроконечный колпак с длинными концами. Башлык изготавлялся из сукна: для терских казачьих частей – светло-синего цвета, для кубанских – красного и донских – серо-стального цвета. Оторочка краев башлыка из черной тесьмы. Форму с подобными головными уборами носили части расположенные в Белорусском военном округе: 4-я Донская казачья Краснознамённая дивизия им. К. Ворошилова и 6-я Кубано-Терская казачья Краснознамённая Чонгарская дивизия имени С. Буденного.

В 1938 г. началась новая волна изменений в униформе. Для ношения в Среднеазеатском, Северо-Кавказском, Закавказском военных округах, а также для частей, расположенных в Крыму, была введена хлопчатобумажная панама. Она изготавливается из хлопчатобумажного коверкота цвета хаки. Для АБТВ – стального цвета. Колпак состоял из четырёх клиньев. Подкладка из искусственного шёлка сострачивалась с прокладочным холстом и небольшим количеством ваты, которая подкладывалась вверх шлема для защиты от палящих

солнечных лучей. Спереди пришивалась звезда из сукна красного цвета. В колпак вставлялись 12 блочек цвета хаки. Поля панамы сострачивались из двух частей с прокладкой из холста для жёсткости [5, с. 78]. Панамы, также как и пилотки, вместо которых он вводились, изготавливались 7 размеров: от 53 до 60 см в обхвате головы.

В 1939 г. для комначсостава вносятся незначительные изменения в фуражку комначсостава. Нововведение заключалось в добавлении в каждый клин тульи у бокового шва одного блочка для улучшения вентиляции. 30 ноября 1939 г. начинается война с Финляндией. В ходе компании выявилаась неготовность РККА вести боевые действия в условиях сильного холода. Не лучшим образом проявили себя старые образцы обмундирования, стоявшие на снабжении. В частности, критике подвергся зимний шлем. Так называемая будёновка, которая сопровождала Красную Армию на всём пути её становления, теперь мало отвечала условиям войны. Она демаскировала бойца за счёт сильно удлинённого верха, мало защищала от холода и была несовместима со стальным шлемом. Ввиду этого уже в январе – марте 1940 г. в войска стали поступать меховые шапки. 5 апреля 1940 г. Экономический совет при СНК СССР утвердил образец шапки для принятия на снабжение Красной Армии. Через два месяца был издан приказ НКО о введении двух видов шапок-ушанок [6, с. 86]. Первый – для высшего, старшего и среднего начальствующего состава и сверхочнослужащих. Зимние шлемы старого образца было разрешено донашиваться до 1 октября 1941 г. Колпак шапки-ушанки состоял из четырех одинаковых клиньев хлопчатобумажной ткани серого цвета. Козырёк шапки состоял из меха, подкозырька и проложенной между ними ваты и kleenой марли для прочности. Козырёк плотно прикрепляется к колпаку, в центр колпака крепиться звезда установленного образца. Назатыльник с наушниками изготавливались так же, как и козырёк. В наушники вшивалась тесьма для завязывания наушников в крайнем верхнем либо в крайнем нижнем положении. Материалами для изготовления шапок-ушанок для высшего, старшего и среднего начсостава и сверхочнослужащих служат шерстяные ткани и натуральных мех из цыгейской овчины серого цвета. Шапки изготавливались 4-х ростов: 1-й рост – 55 размер, 2-й рост – 57 размер, 3-й рост – 59 размер, 4-й рост – 61 размер [5, с. 81].

1 февраля 1941 г. вышел приказ НКО «Об изменениях в форме одежды и нормах снабжения вещевым имуществом личного состава Красной Армии в мирное и военное время и о применении заменителей для людского и конского снаряжения». Были отменены особая форма для казачьих частей, BBC и АБТВ, башлык, окантовка хлопчатобумажного обмундирования и суконных пилоток для начсостава. Переход на новые нормы снабжения планировалось завершить к концу 1942 года [7].

С началом Великой Отечественной войны и утратой предприятий лёгкой промышленности в западных регионах СССР (БССР и УССР) Техническим Комитетом Главного Интендантского Управления Красной Армии был разработан ряд допусков при производстве предметов вещевого снабжения. В частности, было допущено использование при производстве офицерского обмундирования тканей гражданского ассортимента. 1 августа 1941 г. для всего начальствующего состава действующей армии и маревых частей введены знаки различия защитного цвета. Ввиду этого исчезает цветной околыш и кант с фуражек. На фото периода 1941 – 1943 гг. командиры Красной Армии носят преимущественно пилотки без кантов, которые в довоенное время полагались только рядовому и младшему командному составу. Однако стоит отметить, что данные изменения не затрагивали подразделения и учреждения в тылу. 13 января 1943 г. выходит приказ НКО №25 «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме одежды», который утверждал в качестве полевого головного убора командно-начальствующему составу суконную пилотку для ношения летом и шапку-ушанку серого цвета из меха цыгейки. При ношении повседневной и парадной формы летом полагалось носить фуражку из шерстяной ткани с цветным околышем по роду войск [8, с. 54].

Таким образом, в довоенное время на вещевом довольствии командного состава РККА стоял большой перечень разнообразных головных уборов ввиду наличия своих особенностей в униформе BBC, АБТВ и казачьих частей. Помимо этого, сказывалась и обширность

территории СССР, которая имела несколько совершенно различных климатических зон. Ввиду этого требовались отдельные элементы униформы, в том числе головные уборы, для районов с жарким или, наоборот, холодным климатом. Однако такое разнообразие униформы создавало дополнительные трудности в обеспечении войск предметами обмундирования в условиях стремительно растущих вооруженных сил и создавало излишнюю нагрузку на предприятия лёгкой промышленности. Опыт Советско-финляндской войны показал, что необходимо стандартизировать униформу для всех родов войск. Соответствующий приказ Народного Комиссариата обороны вышел 1 февраля 1941 г. Однако переход на новые нормы снабжения сорвало начало Великой Отечественной войны. В условиях военной экономики производство головных уборов было упрощено. Пилотки для командного состава могли изготавливаться из различных материалов, в том числе гражданского ассортимента, вплоть до того, что на подкладку для пилоток шла ткань для матрасов. Упрощения военного времени позволили сэкономить ценные для Советского Союза ресурсы и в то же время обеспечить Красную Армию необходимыми предметами обмундирования.

Список использованных источников и литературы

1. О форме одежды и знаках различия командного, начальствующего и рядового состава РККА // Приказ Народного Комиссара обороны Союза ССР, от 03 дек. 1935 г., № 176. – М. : Центр. Типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1935. – 32 с.
2. Форма одежды для начсостава бронетанковых войск и воздушных сил РККА: утв. начальником ВХУ РККА 04 фев. 1935. – М. : Центр. Типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1935. – 56 с.
3. Шлем для РККА зимний головной убор. Общесоюзный стандарт. ОСТ 4115. 01 мар. 1932 г. – М. : Центр. Типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1932. – 13 с.
4. Харитонов, О. В. Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской Армии / О. В. Харитонов. – Ленинград : На страже Родины, 1960. – 139 с.
5. Гайсенок, Т. Н. Товароведение военной одежды : учеб. пособие / Т. Н. Гайсенок, К. Н. Халтурин. – Харьков : Тип. ВХА Красной Армии им. В. Молотова, 1941. – 217 с.
6. Униформа русского военного воздушного флота : в 2 т. / редкол.: К. Цыпленков (глав. ред.) [и др.]. – М. : Гельветика-М, 2007. – Т. 2, Ч. 1 : (1935 – 1955) / К. Цыпленков [и др.]. – 2007. – 455 с.
7. Об изменениях в форме одежды и нормах снабжения вещевым имуществом личного состава Красной Армии в мирное и военное время и о применении заменителей для людского и конского снаряжения : приказ Народного Комиссара обороны Союза ССР, 1 фев. 1941 г., № 005. – М. : Центр. типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1941. – 11 с.
8. О введении новых знаков различия и об изменении в форме одежды Красной Армии : приказ НКО СССР, 15 янв. 1943 г., № 25. – М. : Центр. типограф. НКО СССР им. К. Ворошилова, 1943. – 64 с.

С. И. Тыкун

ГОМЕЛЬСКИЙ ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДУЛАГ-220 (СЕНТЯБРЬ 1941 – ЯНВАРЬ 1942 ГОДА)

Анализ обширного документального материала, первых распоряжений, приказов, инструкций Верховного командования вермахта (нем. Oberkommando der Wehrmacht) или Верховного командования сухопутных войск (нем. Oberkommando des Heeres), позволяет нам в полной мере убедится, что командование Вооруженных сил Германии изначально готовило свои подразделения к организации оккупационного режима на захваченных территориях

Советского Союза [1]. Безусловно, необходимо помнить и о том, что регулярные части вермахта работали вместе с частями СС (нем. Schutzstaffel), СД (нем. SicherheitsDienst), гестапо (нем. Geheime Staatspolizei) и рядом других структур, создавая таким образом мощную «оккупационную машину» в зоне ответственности которой находилась вся полнота власти, при условии полного освобождения от всякой ответственности за осуществления тех или иных преступных действий, о чем прямо говорит распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта Вильгельма Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск»: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [2, с. 37].

Система концентрационных лагерей стала одним из звеньев немецкой политики геноцида осуществляющей на оккупированной территории Советского Союза.

Пересыльный лагерь ДУЛАГ-220 (нем. Durchgangslager, сокр. Dulag – пересыльный лагерь) расположенный изначально на территории Бобруйска, в начале сентября 1941 года, выдвинулся в Гомель для дальнейшего обустройства и смены 3-го армейского сборного пункта военнопленных. К середине сентября ДУЛАГ-220 окончательно закрепился в новом месте дислокации (территория завода «Двигатель революции»), при этом необходимо отметить, что к середине месяца, по данным донесений коменданта лагерей военнопленных округа «Я», а именно ссылаясь на такой документ от 16 сентября 1941 г., в лагере содержалось уже около 8 500 человек военнопленных, при условии возможного содержания в лежачем состоянии только 3 000 человек военнопленных, а в стоячем около 5 000 человек [3, с. 64–65].

Сам лагерь по данным коменданта тылового района 580 (Корюк-580) подчинявшегося командованию 2-й немецкой армии, находился почти все время в непосредственном подчинении 221-й охранной дивизии вермахта, за исключением небольшого периода на рубеже 1941–1942 годов, когда охранное подразделение сменила в зоне ответственности 339-я пехотная дивизия, с тем же набором функций и полномочий. Сама 221-я охранная дивизия отправилась в район города Орел, однако после обращения командующего тыловым районом 102 Максимилиана фон Шенкендорфа к командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу Гюнтеру фон Клюге от 15 марта 1942 г., дивизия была возвращена на старые позиции, штаб расположился в Гомеле и вновь лагерь стал сферой ее ответственности, однако это уже был ДУЛАГ-121 прибывший в январе 1942 года из Унечи (сейчас Брянская область Российской Федерации) и сменивший ДУЛАГ-220 [4, В. 4; 5, В. 7]. Данное подразделение располагаясь на территории тылового района группы армий «Центр», находилось в подчинении М. фон Шенкендорфа, который являлся одной из ключевых фигур в разработке алгоритмов борьбы партизанами и подпольщиками, то есть на языке оккупанта с «бандитами». Именно начальник тыла фон Шенкендорф являлся организатором Могилевской конференции 24–26 сентября 1941 г., на базе которой местное руководство вермахта и СС разрабатывали систему взаимодействия по «умиротворению» сопротивляющихся оккупанту территориях [6, с. 92; 7, с. 37–38] (таблица 1).

Охрана пересыльного лагеря представляла из себя небольшое количество военнослужащих, которое со временем увеличивалось: сентябрь 1941 г.: 27 человек (2 унтер-офицера, 1 фельдфебель, 1 взвод); ноябрь 1941 г.: 42 человека (ночное дежурство), 30 человек (дневное дежурство) – разница обусловлена увеличением в ночное время количества постов охраны с 10 до 13; декабрь 1941 года: 49 человек (5 унтер-офицеров, 43 рядовых) [8; [9, л. 125–127].

В разные период военнослужащих для охраны выделяли разные подразделения 221-й охранной дивизии (230-й батальон или 432-й батальон) но неизменно содействие в преступлениях оказывали коллаборанты, что видно на всех планах лагеря, однако именно на немецком «казарма для полицейских» обозначена как «украинская гвардия» [8].

Таблица 1 – Перечень дулагов и армейских сборных пунктов военнопленных, подчиненных коменданту лагерей военнопленных округа «Я» на 12 сентября 1941 года [3, с. 61]

Наименование лагеря	Место расположения	Подчиненность	Расположение штаба части	Комендант лагеря	Адъютант коменданта	Округ
Дулаг 203	Журавичи	221-я охранная дивизия	Кричев	Майор Гутшмидт	Капитан Флосс	Я
Дулаг 220	Гомель	--/--	Кричев	Подполковник Шмидт	Капитан Роот	Я
Дулаг 314	Бобруйск	339-я пехотная дивизия	Бобруйск	Майор Мелей	Старший лейтенант Шиллер	Я

Античеловеческая политика нацистского режима в полной мере нашла свое отражение в лагерной жизни. Условия проживания советских военнопленных в Гомельской пересыльном лагере были поистине жуткими. В общем и целом, данное понимание было и у самих немецких начальников, так инспекция лагеря от 16–17 сентября 1941 г. показала, что лагерь совершенно непригоден для размещения советских военнопленных, однако уже в начале декабря 1941 г., ситуация по мнению германской стороны меняется. В результате посещения ДУЛАГа-220 полковником Маршаллом – комендантом округа «Я», коменданту гомельского лагеря даже была объявлена благодарность за образцовую организацию жизни в концлагере. Окружной начальник отметил и хорошее продовольственное обеспечение, соблюдение необходимой калорийности пищи и ряд иных факторов. Однако высокая ежедневная смертность в районе 400 человек совершенно игнорируется немцами и надо полагать, считается положительным фактором [9, л. 125–127].

На фоне таких выводов германской стороны интересно обратить внимание на свидетельство самих военнопленных. Из показаний М. Г. Бердичевского об условиях транспортировки военнопленных в лагерь: «Этап продолжался двое суток. За это время нагло закрытые вагоны ни разу не открывались, ни разу не выдавалось пищи, ни воды... Люди питались и утоляли жажду соскабливая иней, скоплявшийся на досках вагона от дыхания массы людей... В каждом вагоне было несколько умерших». Показания М. Г. Бердичевского о самом Гомельском пересыльном лагере: «В результате голода и нечеловеческих условий существования, военнопленные совершенно теряли человеческий облик, наступало психическое отупление, безразличие ко всему, кроме пищи. Все подавляющий инстинкт голода превращал военнопленных в человеко-образных существ. Впечатление от этой продуманной немцами системы планомерного уничтожения русских было тяжелым...» [10, л. 2–3].

Систематическое недоедание и некачественная пища стали обыденностью для узников концлагеря. Стандартный рацион военнопленного составляла литр баланды в день, а также кусок хлеба 150 – 200 грамм, изготовленного из шароек (отходы) гречки или иных суррогатов. Такая ситуация заставляла узников питаться всем, что попадалось под руку – трава, листья и много другое. Зафиксированы случаи каннибализма. Из воспоминаний бывшего узника В. А. Крылова: «...Кормили русских военнопленных исключительно плохо. В сутки один раз давали «суп» из шароек-высевок, абсолютно безо всякой калорийности, по одному литру...» [10, л. 5].

Но не только некачественная пища являлась фактором большой смертности в ДУЛАГе-220, но и жуткие условия содержания. Как было отмечено выше, сам лагерь изначально не был готов содержанию такого большого количества людей. К концу 1941 г., а точнее на момент 11 декабря 1941 года в лагере содержалось уже 12857 человек. Антисанитария и непригодные для жизни бытовые условия увеличивали ежедневную смертность. Одежда военнопленных не менялась, в бани узники также не водились, а употребление грязной некипячоной воды только усиливало жуткое положение пленных красноармейцев. Такая ситуация в бараках приводила к распространению различных эпидемиологических болезней, таких как тиф, туберкулез и дизентерия. Смертность в лагере достигала 300–500 человек в сутки, а зимой 1941–1942 годов до 1 000–2 000 человек в день. Свидетель Лысенко М.Д. вспоминал: «...Я видел много раз когда выносили трупы пленных красноармейцев. Все трупы были замерзшие, в разных позах, а некоторые были даже в сидячем положении...» [11, с. 147–148].

Вместе с тем оккупант не забывал использовать доведенных до изнеможения узников концлагеря на работах. Труд делился на длительный и на однодневный. Советские военно-пленные трудились на расчистке завалов, уборке улиц, восстановлении пролетов взорванных мостов, разгрузке вагонов, рытье окопов, нередко 10–15 узников впрягали в повозки и возили таким образом кирпич, дрова или иные грузы. Необходимо отметить, что работы велись не только на территории Гомеля, но также и в близлежащих районах: Ветковском, Добрушском, Уваровичском и др. Рабочий день составлял в среднем 15 часов под надзором немецких конвоиров, которые на постоянной основе проводили избиения военнопленных. Из показаний Галимской М. П.: «Неоднократно я видела такие случаи, когда пленных немецкие солдаты и полицейские гнали на работу, то зверски избивали палками и прикладами тех, кто отставал от строя. А тех, кто не мог идти в виду бессилья, пристреливали на месте» [10, л. 11].

Таким образом, Гомельский пересыльный лагерь ДУЛАГ-220 стал одним из важных звеньев в системе нацистских концлагерей на территории Беларуси в реализации политики геноцида советских граждан. Условия содержания в ДУЛАГ-220 были крайне тяжелыми, что приводило к массовым заболеваниям и высокой смертности среди заключённых. ДУЛАГ-220, равно как и сменивший его ДУЛАГ-121, стал одним из символов жестокости и страданий мирного населения в условиях оккупационного режима, установленного нацистами на территории Беларуси.

Список использованных источников и литературы

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Сб. документов : В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост. Я. М. Златкис; сост. Е. В. Балушкина, К. М. Гринько, И. А. Зюзина, О. В. Лавинская, А. М. Лаврёнова, М. И. Мельтюхов, Ю. Г. Орлова, Е. В. Полторацкая, К. В. Сак. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. – 688 с.
2. Нюрнбергский процесс : Сб. материалов в 8 т. Т. 5 / Науч. ред. Н. С. Лебедева. – М. : Юрид. лит., 1991. – 672 с.
3. Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]; редкол.: А. К. Демянюк и [и др.]. – Мин. : Беларусь, 2022. – 327 с.: ил.
4. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) – RH 26-221/122. В. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>. – Дата доступа: 30.09.2025.
5. BA-MA – RH 26-221/108. В. 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>. – Дата доступа: 30.09.2025.
6. Ковтун, И. И. Охранные дивизии вермахта: уничтожение гражданского населения и борьба с партизанами // Журнал российских и восточноевропейских исследований : сб. статей. – М., 2014. – С. 91–108.
7. Цербер армейского тыла. Генерал Макс фон Шенкендорф и журнал боевых действий его штаба / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун, С. В. Кулинок. – М. : Вече, 2022. – 480 с. – (Третий рейх. Суд истории).

8. ВА-МА – RH 26-221/118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml>. – Дата доступа: 30.09.2025.
9. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 917. Л. 125–127.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 7021. Оп. 85. Д. 257. Л. 2–11.
11. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сб. архивных докум. и материалов / сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. – Mn. : НАРБ; M. : Фонд «Историч. память», 2021. – 576 с. : илл.

Т. А. Шкрабова

ОДЕЖДА ДЕТЕЙ В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1950-е – СЕРЕДИНЕ 1980-х ГОДОВ

Детство – это, как правило, счастливая пора в жизни каждого человека. С ним связаны теплые воспоминания, фотографии, дорогие сердцу вещи, без которых маленький человек не представлял себя тогда. Это время, когда дети учились дружить, общаться, понимать друг друга и мир вокруг. Время, когда закладывается поведение, характер и взгляды на жизнь. Но чтобы ребенок рос гармоничной личностью, должен быть баланс материального и духовного в период роста и воспитания детей. Костюм и относится к материальной стороне жизни, предоставляя комфорт и закладывая эстетические вкусы ребенка.

Интерес к миру детства и традиционной детской культуре белорусов в XIX – первой половине XX в. проявляли в большей степени фольклористы. Во второй половине XX – начале XXI в. интерес к детской культуре значительно возрос и у белорусских этнографов (Л. В. Ракова, Т. И. Кухаренок, И. С. Маховская, А. Д. Якубинская и др.). Однако отметим, что отдельный труд, посвященный материальной культуре детей Гомельщины, отсутствует. Это обстоятельство значительно повышает актуальность данной темы.

Источниками для написания статьи послужили опросы населения Гомельской области, которые автор проводила в 2010–2011 гг. В результате проведения полевых исследований получены следующие результаты.

В послевоенное десятилетие в городах Гомельщины наблюдались проблемы с приобретением одежды, это было связано, прежде всего, с восстановлением легкой промышленности и розничной торговли. Пенсионер 1941 г. р., из Гомеля вспоминает, что в первое послевоенное десятилетие редко кто мог позволить себе новую вещь. Их негде было приобрести, отсутствовали и средства для покупки одежды. По его мнению, никакой детской моды в 1945–1955 гг. не было. Родители радавались любой возможности приобретения новой вещи для ребенка. Сам пенсионер вспоминает, что мечтал о новом пальто или ботинках, которые бы не протекали [1].

Пенсионерка из Гомеля 1927 г. р. о 1950-х гг. указала следующую информацию, что одежду для детей часто покупали на стихийных рынках и заказывали у частных портных. Приобретали те вещи, которые были доступны по средствам. Сама женщина призналась, что ребенком ей очень нравились платья голубого и белого цветов. Эти платья казались ей очень красивыми, и она мечтала об их покупке. В ее юности молодежь старалась особо не выделяться в одежде. Пенсионерка также указала, что в своей юности она мечтала о покупке сапожек на каблуке и о капроновых чулках, но в продаже их было трудно найти [1].

В своих ответах респонденты отмечали, что в 1950-х гг. новая детская одежда приобреталась не часто. Как правило, ее донашивали за старшими детьми в семье. Потом вещь переделывалась, перекрашивалась, подгонялась и служила еще не одному поколению. Цвета преобладали темные, не яркие. Чаще всего черного, коричневого и серого оттенков. В подростковом возрасте особенно девочкам хотелось выделиться, даже в трудное время. Из положения выходили следующим образом: пришивали к старому платью воротнички, манжеты и т. д.

В конце 1950-х гг. к бытовым услугам горожан Гомельщины были «ремонт и индивидуальный пошив одежды для взрослых и детей, химчистка и окраска одежды, пошив и ремонт головных уборов, художественный цех, мастерские по первичному раскрою платьев, ремонту трикотажа, производится художественная отделка, плиссировка и гафрировка женского и детского платья» [2, с. 401]. Следует отметить, что спектр услуг, оказываемых населению, с течением времени постоянно расширялся. Кроме существовавших ранее, гомельчане уже в 1960-е гг. могли воспользоваться такими новыми услугами, как по пятновыводке и мелкому ремонту одежды [2, с. 401].

В 1960-е гг. горожане Гомельщины продолжают обращаться к портным и перекраивать старую одежду для детей. Горожанка 1961 г. р. отметила, что в своем детстве часто мать прибегала к услугам своей соседки, портной со стажем. Она перешивала старую одежду ее матери под нее. Помнит респондентка и те факты из своего детства, когда она с родительницей ходила в магазин, где покупали понравившиеся ткань и шили красивые платья или юбки [1].

Молодые горожане Гомельщины в 1970-х – 1980-х гг. стремились уже к индивидуальности в одежде. Стремление одеваться «не так как все» особенно проявляется у молодежи. Как правило, они копировали из журналов и западных кинофильмов модели одежды. Старшее поколение в большей своей массе не приветствовало такие стремления, так как считалось, что это подражание буржуазной культуре.

По опросам респондентов в 1950-е гг. еще многие сельчане Гомельщины самостоятельно ткали и шили себе одежду. Пенсионерка 1929 г. р. из Чечерского района, описывая деревенскую моду 1950-х гг. подчеркнула, что в праздничные дни детям разрешали одевать новую одежду. Для девочек подростков это, например, была белая блузка с самостоятельно сделанной вышивкой, темная юбка и туфельки с белыми носочками. Этот факт подтверждают и личные семейные фотоархивы автора этого периода. Опрошенная респондентка отметила и тот факт, что начинали меняться и прически у девочек. Помимо длинных кос, которые неоспоримо лидировали в качестве причесок девочек и девушек в сельской местности Гомельщины в 1950–1960-е годы, появляются и короткие стрижки. Лапти в детском сельском быту существовали до начала 1950-х гг. Зимней обувью детей разных возрастов вплоть до 1960-х гг. были валенки или катанки. Как отмечает белорусский этнолог Ракова Л. В., начиная с 1960-х, когда повышается уровень жизни сельских жителей БССР, детей стали одевать на городской манер, в одежду, которая шилась из фабричной ткани на заказ, позже – в готовую одежду, фабричного производства. Постепенно расширялись его виды, ассортимент, менялись фасоны, более насыщенной становилась цветовая гамма. Тенденция развивалась и в предыдущие десятилетия. Происходила стандартизация одежды, которая теряла свои национальные, социальные, региональные отличия и приобрела общеевропейский характер [3, с. 147].

Это подтверждают и проведенные автором полевые исследования в сельской местности на Гомельщине. Опросы свидетельствуют, что с 1960-х годов сельчане стали приезжать в город за покупками, зачастую многие приобретали одежду в районных городах или областном центре. Выбирая себе одежду, сельчане следовали не только своему вкусу, но и материальному положению. Согласно проведенному исследованию, в 1950–1980-е гг. в городе в магазине покупали одежду себе и своим детям более половины сельчан (из 184 проанкетированных), шили родители или знакомые – более 40 %, в местном магазине – чуть более 40 %. Также респонденты пояснили и другие источники приобретения одежды для детей. Например, встречались ответы, о том, что одежду шили в ателье, донашивали за старшими детьми, некоторым родственникам привозили из столицы СССР Москвы. Неоспорим и тот факт, что сельские жители всегда отличались основательностью и в хорошем плане «приземленностью». В 1950–1960-е гг. в первую сельчане исходили из практических соображений в детской одежде: старались, чтобы она была прочной и прослужила как можно дольше.

В 1970–1980-х гг. наблюдается такая тенденция, что чем ближе село к городу, тем городская мода больше сказывалась на гардеробе молодого сельчанина. Например, уроженка Рогачевского района 1958 г. р. указала на то, что подростки и молодежь в 1970-е гг. уже

старались следить за «городской модой». Также она указала на популярность среди сельских модниц вариаций «французских» стрижек. Образцами для подражания становились известные актрисы, чьи прически были образцом для копирования в то время. Женщины в СССР часто приносили в парикмахерские открытки с портретами популярных зарубежных и советских актрис, которые носили такие стрижки, и просили сделать точно такую же прическу. А юноши отпускали чуть удлиненные прически. Респондентка отметила, что в начале 1970-х гг. в у нее и у многих ее одноклассников, как у парней, так и у девушек, были в гардеробе брюки-клеш с вышивкой внизу [4]. Белорусские этнологи в своих работах фиксируют следующие факты, что среди молодежи в 1970-х гг. расширился демократичный костюм, который состоял из джинсов или мягких брюк, футболки, свитера, туфлей на плоской подошве или кроссовок. Злоупотребления этими предметами одежды, короткие стрижки, «под мальчика» у девушек и длинные прически и юношей привели к возникновению молодежного стиля в моде «унис» [5, с. 144].

Новые виды детской одежды и обуви на село проникали быстрее всего через местную торговлю. Но все же уточним, что модные тенденции в виде тканей, разнообразия фасонов детской одежды приходили в сельскую местность позднее, чем в город. Это объясняется более развитой сетью розничной городской торговли, наличиями ателье и другими видами бытового обслуживания населения.

С развитием легкой промышленности в БССР появляются такие понятия как детские комплекты одежды. Описывая 1970-е гг., коренной гомельчанин 1961 г. р. отмечает, что определенная городская детская летняя мода в 1970-е гг. – это сандалии, ниже колена шорты и светлая тенниска. Его ровесники подростки в 1970-х годах мечтали о покупке осеннего пальто фасоном как у взрослых мужчин. По его признанию юноши считали, что в них выглядят более солидно и шанс понравится приглянувшейся девушке в таком пальто намного выше [1].

В 1970-е гг. дети уже стараются выделяться на фоне стандартно одетых ровесников, например, прикалывали различные значки на школьную форму. На этот факт указал коренной житель города Речицы 1961 г. р. [6].

Детскую одежду предлагала розничная торговля – магазины «Детская одежда» Гомельской торговой фирмы по продаже швейных товаров. При этом очень часто магазины давали своеобразную рекламу в местной периодической печати. Например, в газете «Гомельская праўда». Из нее можно было узнать об ассортименте, тканях и фасонах модных в данный момент. Детская одежда в начале 1970-х гг. формами своих силуэтов почти не отличалась от одежды взрослых. Из рекламы в газете «Гомельская праўда» за 1971 год следовало, что можно было приобрести для детей пальто приталенное с воротником (для девочек), плащи для девочек и мальчиков из модной синтетической ткани. Кроме верхней одежды, в продаже имелся детский трикотаж: майки, трусики, колготки, панталончики и др. [7, с. 4].

По мнению опрошенных респондентов в моде у детей в 1980-х гг. были белые кеды, многоцветные свитера на трех пуговках, панамы. Многие дети и подростки с середины 1980-х гг. мечтали о джинсах-«варенках», в детскую моду входят так называемые куртки-«аляски». С конца 1980-х годов помимо розничной торговли, одежду детям стали приобретать и у так называемых торговцев-«челноков» на рынках.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложности с приобретением детской одежды на Гомельщине в БССР наблюдались в первое послевоенное десятилетие, что связано с периодом восстановления народного хозяйства. С 1960–1970-х гг. ситуация улучшается, восстановившаяся легкая промышленность, торговля и сфера бытовых услуг предлагала различные варианты для решения вопроса с детской одеждой горожан и сельчан (покупка, пошив, перелицовка старой вещи). Появляется такое понятие как детская мода, которая сначала укоренилась в городской среде, а затем уже распространялась и в сельскую местность. С конца 1980-х гг. помимо стационарной торговли, ателье детскую одежду стал предлагать и городской рынок.

Список использованных источников и литературы

1. Материалы полевого исследования, собранного в рамках темы исследования «Этнокультурные процессы в среде городского населения Гомельщины: традиции и современность», № госрегистрации 20111166. 2011 г., г.Гомель.
2. Шкрабова, Т. А. Изменения в благоустройстве городских населенных пунктов Гомельщины в 1950-е – середине 1960-х годов / Т. А. Шкрабова // Пытанні мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фалькларыстыкі. Вып. 15 / Цэнтр даследвання беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Mn. : Права и эканоміка, 2013. – С. 396–402.
3. Ракава, Л. В. Эвалюцыя традыцый сяменага выхавання беларусаў ў XIX–XX стст. / Л. В. Ракава. – Mn. : Беларус. навука, 2009. – 331 с.
4. Материалы полевого исследования, собранного в рамках темы исследования «Эволюция культуры городского населения Белорусского Поднепровья в XX веке», № госрегистрации 20061152. 2010 г., Рогачевский район Гомельская область.
5. Бялявіна, В. М. Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Mn. : Беларусь, 2007. – 351 с.
6. Материалы полевого исследования, собранного в рамках темы исследования «Эволюция культуры городского населения Белорусского Поднепровья в XX веке», № госрегистрации 20061152. 2010 г., г. Речица.
7. Гомельская праўда. – 1971. – 9 крас.

Е. П. Шрамук

СТАНОВЛЕНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ КАК ОРГАНА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ В 1919–1923 ГОДАХ (ПО ДЕКРЕТАМ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)

Рабоче-крестьянская инспекция БССР пережила немало реорганизаций. За несколько лет система рабочего контроля была переведена под руководство партии и начала исполнять более широкий спектр задач, помимо финансовых ревизий. Этот процесс был тесно связан с централизацией государственного управления в СССР. Контрольные органы позиционировались как важнейшие в государственном строительстве, велась работа по их укреплению квалифицированными, в том числе партийными, кадрами. Эволюцию становления РКИ БССР как партийного органа можно проследить через анализ декретов и постановлений советской власти. Публиковались они в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (1917–1922 гг.) [1, 2, 8, 9], а затем были переизданы в «Хронологическом собрании законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР» в семи томах. Акты, касающиеся РКИ, находятся в двух первых томах. Часть актов можно найти в многотомнике «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)», где период существования РКИ охватывает первые шесть томов [7, 10]. Цель данной работы – проследить процесс постепенного присоединения Рабоче-крестьянской инспекции к партийным структурам.

С 1919 г. началось слияние управления РСФСР и Беларуси, одновременно с усилением партийных структур. 2 апреля 1919 г. был принят декрет «О Государственном контроле». Это была очередная реорганизация контрольной системы с целью наделить её более широкими полномочиями, которых раньше не хватало для борьбы с буржуазией. К задачам проведения финансовых ревизий в областях народного хозяйства были добавлены административные. Так, на госконтроль возлагались задачи ближайшего наблюдения за всеми органами Советской власти, привлечение нарушителей к суду и выработка предложений по решению выявленных проблем, принятие всякого рода жалоб, проведение летучих ревизий [1, с. 177]. 9 апреля 1919 г. было образовано Центральное Бюро жалоб, подчиненное Государственному контролю, и местные Бюро жалоб [1, с. 391].

После преобразования Государственного контроля в Рабоче-крестьянскую инспекцию в феврале 1920 г. местные ее отделы должны были подчиняться местным исполнительным комитетам, за исключением местных органов военно-морского НК РКИ [2, с. 313]. Изменились и полномочия контрольных органов. Например, в отчете о деятельности Витгуботделения РКИ за первое полугодия 1920 г. было сказано, что Госконтроль работал лишь в области народного хозяйства. На РКИ же легли новые задачи: «постоянное и неуклонное наблюдение за законностью и целесообразностью как хозяйственных предположений распорядительных органов, так и административных их распоряжений, а также наблюдение за правильностию политической линии, принимаемой ими при проведении в жизнь всех постановлений Советской власти» [3, л. 17].

В 1920 г. в работе РКИ были сложности. Главной было отсутствие работников. Так, на 1 июля 1920 г. в Полоцком отделении РКИ вместо положенных 21 работника есть 14 [4, л. 115], а Себежское отделение 28 мая 1920 г. сообщает, что плановую ревизию провести невозможно из-за отсутствия нужного количества работников [4, л. 99]. Похожая ситуация наблюдалась во всех отделениях РКИ. В связи с этим принимались посильные меры.

Объединение руководства РСФСР и Беларуси продолжилось 16 января 1921 г., после заключения союзного рабоче-крестьянского договора. Договор предполагал военный и хозяйственный союз, а также единое управление рядом народных комиссариатов, в том числе и Высший совет народного хозяйства [5]. Распоряжения всех остальных наркоматов РСФСР имели силу для белорусских территорий в случае опубликования их в «Собрании узаконений и распоряжений», что имело силу и для Рабоче-крестьянской инспекции [6].

На X съезде РКП(б) 8-16 марта 1921 г. были приняты решения касательно взаимодействия РКИ и профсоюзов. Так, для избежания параллелизма в работе при осуществлении отдельных ревизий на предприятиях РКИ должна была использовать профсоюзные ячейки [7, с. 351]. 10 июня 1921 г. были внесены изменения в порядок организации кооперативов. Отменялись предварительные ревизии, проведение фактических и плановых возлагалось на РКИ в установленном порядке [8, с. 522].

В связи с необходимостью преодоления экономической разрухи было проведено усиление работы РКИ. 18 августа 1921 г. распоряжением ВЦИК со стороны местных губисполнкомов всем органам РКИ должно было оказываться всяческое содействие и обеспечение независимости их работы. Для работы в РКИ должны были посыпаться самые квалифицированные рабочие и крестьяне [8, с. 724].

Следующий шаг в укреплении социалистического контроля был сделан 9 января 1922 г. Положением СНК были обозначены основные задачи РКИ: наблюдение за исполнением всех декретов и постановлений советского правительства, анализ деятельности органов власти с точки зрения результатов, надзор за распоряжением госимуществом и финансовыми операциями, борьба с бюрократизмом и волокитой, выработка мер по упрощению делопроизводства, приучение широких масс рабочих и крестьян к управлению государством. При этом РКИ имела право привлекать виновных к суду. Была уточнена структура РКИ в виде центральных инспекций и соответствующих им местных отделов: продовольственная и сельскохозяйственная; техническо-промышленная; труда, социального обеспечения и здравоохранения; административная; просвещения и пропаганды; финансовая; внешних сношений; военно-морская; путей сообщения [9, с. 750–755]. Таким образом система социалистического контроля, подотчетная ВЦИК, пронизывала все сферы жизни советского государства. Хотя основой деятельности РКИ оставался финансовый контроль и выработка оснований для дальнейшего законодательного регулирования экономической жизни [9, с. 755], полномочия в области партийного строительства расширились.

В связи с необходимостью оптимизации штатов и экономии для комиссариатов 23 августа 1922 г. было установлено ограничение на штаты. Штатное количество РКИ было установлено в 12 тыс. человек, дополнительно делегируемых с предприятий – 2 тыс. человек. В течении года допускалось привлекать к массовых обследованиям до 50 тыс. человек на

срок не более 7 дней для каждого, с оплатой за счет делегирующего предприятия. Это замедлило укрепление РКИ. Отдельно отмечалось, что материальное обеспечение работников контроля должно быть не хуже, чем положение работников тех учреждений, состояние которых они контролируют [9, с. 1206].

В связи с особым положением РКИ и спецификой ее работы 21 ноября 1922 г. НК РКИ было предоставлено право получать бесплатно официальные издания каждого ведомства и всех народных комисариатов в количестве не более 75 экземпляров каждого [9, с. 1764]. Тем не менее, в декабре 1922 г. В. И. Ленин не считал существующий аппарат РКИ совершенным: он говорил, что РКИ представляет собой «переходное состояние от особого наркомата к особой функции членов ЦК; от учреждения, ревизующего все и вся, к совокупности численно небольших, но первоклассных ревизоров» [10, с. 15]. Использовать это предлагалось для обучения будущих членов ЦК госуправлению через еще большее сближение с контрольной системой.

Это и было осуществлено в апреле 1923 г. на XII съезде путем создания единого органа ЦКК–РКИ. На съезде было принято решение о коренной реорганизации РКИ в соответствии с новыми задачами. Первым требованием к работникам нового аппарата стало знание научной организации труда (привлечение ВУЗов, командировки заграницу и т. д.). Задача фактического постоянного контроля с РКИ снималась. Вместо этого инспекция теперь должна была проводить плановые обследования командных и узловых пунктов административного и хозяйственного аппарата. Вместо фиксации отдельных нарушений – выявление их механизмов, характерных для данной области, их причин и методов борьбы с ними. Основой же работы стала проверка правильности осуществления распоряжений правительства [10, с. 89–94].

Так РКИ из органа фактического прямого контроля была превращена в орган партийно-государственного контроля, главной целью которого в условиях НЭПа была борьба с чуждыми элементами в аппарате управления.

Список использованных источников и литературы

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – 886 с.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – 818 с.
3. Государственный архив Витебской области (Далее: ГАВО). Ф. 9. Оп. 1. Д 18а.
4. ГАВО. Ф. 9. Оп. 1. Д 22.
5. Союзный рабоче-крестьянский договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Социалистической Советской Республикой Белоруссии. 16 января 1921 г. // Печат. по арх. Опубл. в «Сборнике действующих договоров». Вып. 1. 1921. – С. 13–14. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/284381#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 20.07.2025).
6. О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР: декрет Президиума Центрального Исполнительного Комитета ССР Белоруссии от 24 января 1922 г. // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://actbssr.pravo.by/WorkDoc>ShowDoc?RegNum=Yd2210000> (дата обращения: 21.07.2025).
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. 1917–1922 гг. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Политиздат, 1983. – 606 с.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. – М., 1944. – 1207 с.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый / Упр. делами Совнаркома СССР, Наркомат юстиции СССР. – М., 1950. – 1934 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) Т. 3. 1922–1925 гг. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Политиздат, 1984. – 494 с.

А. Р. Яшчанка

СУЧАСНАЯ МУЗЕЙНАЯ ЭКСПАЗІЦЫЯ, ПРЫСВЕЧАНАЯ ГІСТОРЫІ ГОМЕЛЬСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА ІМЯ Ф. СКАРЫНЫ (ДА 95-ГАДОВАГА ЮБЛЕЯ ЎСТАНОВЫ)

Апошнім часам вышэйшыя навучальныя ўстановы Беларусі актывізavalі сваю дзейнасць у напрамку захавання гісторыі сваіх навукова-педагагічных калектываў. Праца ў гэтым накірунку праводзілася і раней, на працыгуту мінулых дзесяцігоддзяў былі створаны і функцыяновалі музеі ў шэрагу ўніверсітэтаў і інстытутаў. Іх наведвальнікамі з'яўляліся студэнты, выпускнікі, госці ўстаноў. Высокія патрабаванні сённяшняга дня, а таксама наяўныя новыя тэхналагічныя магчымасці, неабходнасць азnamлення з матэрыяламі такога кшталту больш шырокага кола жыхароў краіны і замежжа зрабілі актуальнай задачу па дапаўненню атрыманых раней матэрыялаў, сістэматызацыі дадзеных, стварэння электронных каталогаў, перагляду сродкаў прадстаўлення матэрыялаў, пашырэння проблемнага поля, паколькі сучасныя ўніверсітэты значна павысілі свой патэнцыял і пашырылі спектр контактаў у самых розных сферах дзейнасці. З гэтай прычыны зварот да абмеркавання насычэння і форм працы сучасных музеяў, якія адлюстроўваюць гісторыю вышэйшай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь, надзвычай аргументаваны.

У 2025 г. установа адукацыі “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны” адзначыла 95 год з дня стварэння. Гэты рубеж з'явіўся падмуркам для разгляду дасягненняў у падрыхтоўцы спецыялістаў і навуковых даследаваннях, рэалізацыі грамадскіх задач. Кірауніцтва ўніверсітэта прыняла абгрунтаванае рашэнне аб абраўленні экспазіцыі, якая адлюстроўвае старонкі ўніверсітэцкага жыцця.

Змест папярэдніх экспазіцыяў шмат у чым абаپіраўся на звесткі, апублікованыя ў першым выданні кнігі “Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины: исторический очерк” (2005 г.) [1], пазней друкаваліся яе дапоўненія і дапрацаваныя варыянты, апошні з іх ўбачыў свет ў 2025 г. Стваральнікамі першага паказу гісторыі ўніверсітэта ў музейным фармаце былі К. Усовіч, А. Зелянкова і іншыя, вялікую ролю ў презентацыі працы выкладчыкаў і жыцця студэнтаў адыralі фотаздымкі фотографа газеты “Гомельскі ўніверсітэт” У. Чысціка, які зафіксаваў кожную значную падзею на працыгуту канца ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя. Аднак падача матэрыяла, з цягам часу з'яўленных новых аспектаў для асвятлення прывялі да высновы аб неабходнасці перагляду як напаўнення экспазіцыі музейнымі прадметамі, так і методаў іх дэманстрацыі.

Істотны ўнёсак у працу на працыгуту 2024 – 2025 гг. унеслі студэнты факультэта гісторыі і міжкультурных камунікацый – члены студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі “Лабараторыя па даследаванню гісторыі ўніверсітэта”. У працэсе перапрацоўкі экспазіцыі выкарыстоўваліся прадметы і здабыткі, атрыманыя, у тым ліку, студэнтамі ранейшых выпускаў з першым кірауніком гэтай СНДЛ дацэнтам Алай Іванаўнай Зелянковай.

У 2024 г. створаная раней музейная экспазіцыя была вынесена з адасобленага памяшкання ў адкрыты прастору вучэбнага корпуса № 4 (вуліца Савецкая, 104), дзе яна даступная для агляду ўсіх, хто выкладае, вучыцца або прыходзіць па справах ва ўніверсітэт.

У новым стане яна падзелена на дзве часткі, кожная з якіх адпавядае двум этапам становлення і развіцця гэтай вышэйшай навучальнай установы.

На 1 паверсе размешчаны вітрыны, у якіх распавядзеецца аб існаванні педагогічнага інстытута з 1930 г., прысваенні яму імя В. Чкалава, трагічных гадах ваеннага ліхалецця і ўдзеле ў абароне Айчыны выкладчыкаў і студэнтаў, паслявенных гадах вучобы, стварэнні навуковых школ, ўдзеле навучэнцаў і выкладчыкаў у грамадскім жыцці БССР і, у цэлым, савецкай краіны. Лагічным працыгам стала папулярызацыя падзеі 1969 г., калі педагогічны інстытут атрымаў статус ўніверсітэта, усебаковы паказ старонак яго развіцця. Значны акцэнт пры перапрацоўцы экспазіцыі быў зорлблены на факт прысваення ўніверсітэту імя Францыска Скарыны.

На другім паверсе, таксама ў адкрытым доступе, знаходзіцца частка экспазіцыі, якая дэманструе сучасны этап дзейнасці ўніверсітэта ў ХХІ стагоддзі. Адукацыйны працэс, навуковыя дасягненні, выхаваўчая работа, праца па ваенна-патрыятычнаму выхаванню моладзі знайшлі адбітак пры фарміраванні новага экспазіцыйнага раду.

Сярод падыходаў, якія былі закладзены і апрабіраваны ў мінулай экспазіцыі, засталіся наступныя: зворт увагі на ўклад кірауніцтва (дырэктораў і рэктараў), уключэнне матэрыялаў, прысвечаных першым крокам работы педінстытута ў 1930-ыя гг. і Вялікай Айчыннай вайне, вялікі пласт фотаздымкаў, якія адлюстроўваюць студэнцкае жыццё, спорт, некаторыя матэрыялы аб Ф. Скарине. У асобных частках магчыма разгледзець рэчыўныя матэрыялы, узнагароды і інш., якое было беражліва перанесена ў новы варыянт экспазіцыі.

Разам з тым з'явіліся новыя матэрыялы, былі падкрэслены асобныя старонкі гісторыі ўніверсітэта, прымяняліся сучасныя падыходы да кампаноўкі дакументаў, фотаздымкаў, рэчаў. На другім паверсе цэнтральная частка была адведзена інфармаванню аб месцы Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарины ў грамадскім жыцці краіны і свету, узнагародах асобных кіраунікоў і выкладчыкаў Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка. У экспазіцыі з'явіўся новы аспект працы выкладчыкаў і студэнтаў – ваенна-патрыятычнае выхаванне. Асобны раздзел прадстаўляе сучасную навуку ў тварах – дзейнасць член-карэспандэнтаў НАН Беларусі, якія працуяць на розных факультэтах. Размешчаны матэрыялы, якія падцвярджаюць плённыя контакты ўніверсітэта з Гомельскай Епархіяй Беларускай Праваслаўнай Царквы, выданні літаратуры па гэтай тэматыцы [2]. Набыла актуальнасць асвятленне працы валанцёраў у галіне дапамогі хворым дзецям, у сферы экалогіі (аховы леса на Гомельшчыне), правядзенні забаўляльных мерапрыемстваў у Гомелі (Дзень горада і інш.). Новыя фотаздымкі акрэсліваюць спартыўныя дасягненні, у тым ліку высокія паказчыкі ўніверсітэта ў алімпійскім руху.

Новае гучанне набыла тэма студэнцкіх атрадаў. Па-новаму прадстаўлена тэма першадрукара Ф. Скарины на 1 паверсе. Задача рашаенца праз выстаўленне артэфактаў драматургічнага ўласаблення біяграфіі і дзейнасці Ф. Скарины, надання яго ім новым навуковым адзінкам, якія сталі навуковымі адкрыццямі дзякуючы намаганням даследчыкаў ўніверсітэта. Дзеля мастацкага аздаблення і лепшай перадачы гістарычных эпох у музейную экспазіцыю ўведзены рэпрадукцыі некаторых жывапісных палочен выдатных беларускіх мастакоў, якія прысвяцілі свае творы студэнцкай тэме (“Вузайцы” В. Волкова, “Завочніца” В. Савіцкага”). З мэтай аховы ад разбурэння арыгіналаў фотаматэрыялаў, газет і некаторых іншых дакументальных адзінак былі спецыяльна выкананы іх фотакопіі для размяшчэння ў вітрынах.

Музейная экспазіцыя запатрабавана для выхаваўчай працы сярод студэнцкай моладзі, яна з'яўляецца эффектыўным сродкам прыцягнення аўтатурыентаў, уласабляе павагу сучаснікаў да працоўнай дзейнасці папярэдніх пакаленняў выкладчыкаў і выпускнікоў, мае вялікі патэнцыял для пашырэння і ўдасканалення.

Список использованных источников и литературы

1. Старовойтов, М. И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины: исторический очерк / М. И. Старовойтов, А. И. Зеленкова, М. П. Савинская. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005. – 359 с.
2. Ященко, О. Г. Гомель православный во второй половине XIX – начале XX века. Исторический очерк / О. Г. Ященко. – Мин. : Четыре четверти, 2018. – 60 с.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Абраменко Елена Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета.

Бароўская Вольга Мікалаеўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”.

Бачыла Ірына Генадзьеўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры этнаграфіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Вонсовіч Лариса Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психологических основ физической культуры УО «Белорусский государственный университет физической культуры».

Ганчарук Ігар Генадзьеўіч, кандыдат гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навукова-даследчай і экспазіцыйна-выставачнай работы УК “Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі”.

Горбатюк Олег Васильевич, научный сотрудник УК «Брестский областной краеведческий музей».

Елизаров Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин УО «Гомельский государственный университет имени П. О. Сухого».

Ермолович Елена Петровна, преподаватель кафедры политологии Белорусского государственного университета.

Жихарев Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Калачева Ирина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета.

Квілинкова Елізавета Ніколаевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филиала «Інстытут искуствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларусь».

Корникова Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Кухаронак Таццяна Іванаўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік філіяла “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора імя Кандрата Крапівы” ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі”.

Міхайлец Міхаіл Анатольевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры этнаграфіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Міхедзька Валянцін Аляксееўіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі УА “Гомельски дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны”.

Моторова Надежда Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурного наследия УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Новогродский Тадеуш Антонович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета.

Селях Аксана Аляксандраўна, магістр, выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і спецыяльных гістарычных дысцыплін УА “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна”.

Сінякова Ольга Владимировна, магістр, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Старовойтов Михаіл Іванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Тимофеев Ростислав Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Ткачук Антон Александрович, преподаватель-стажер кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Тыкун Станислав Игоревич, магистр, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Шкрабова Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Шрамук Елизавета Петровна, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Яшчанка Аксана Рыгораўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарэны”.

ЗМЕСТ

Абраменко Е. Г. Эволюция политики по достижению равенства женщин и мужчин в Республике Беларусь в конце XX – начале XXI века (на примере национальных планов по достижению гендерного равенства)	3
Бароўская В. М. Агітацыйна-прапагандысцкая дзейнасць Савецкай Беларусі па абароне правоў беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1924–1928)	6
Бачыла І. Г. Шлях даследчыка: біяграфія і навуковы ўклад прафесара М. Ф. Пілі-пенка ў развіццё айчыннай этнографіі	9
Вонсович Л. В. Идеология патриотизма как основа национально-государственного строительства Республики Беларусь на современном этапе.....	12
Ганчарук І. Г. XVIII–XIX стагоддзі у люстэрку музейнага асяроддзя (па матэрыялах УК “Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі”).....	15
Горбатюк О. В. Наступательные действия войск 1-го Белорусского фронта на Барановичском и Пинском направлениях (5–15 июля 1944 года)	18
Елизаров С. А. Белорусский проект Западной области 1921 года: первая попытка расширения территории ССРБ	22
Ермолович Е. П. Политика памяти и институт семьи как инструменты консолидации общества	25
Жихарев С. Б. Бердичево-Брестская железная дорога: от «Высочайшего соизволения» до начала проведения изысканий.....	28
Калачева И. И. Учебная дисциплина «Историческая память в социальных исследованиях» в подготовке специалистов по социальной коммуникации: опыт БГУ	31
Квилинкова Е. Н. Молдаване Гомельской области: вклад в социально-экономическое развитие и формирование имиджа региона.....	34
Корникова Н. В. Посещение музеев Беларуси как направление культурно-познавательного туристического досуга интеллигенции Гомельщины в XXI веке	38
Кухаронак Т. І. Свята “Свяча” у экспедыцыйных наратывах вясковых жыхароў Гомельщины	41
Міхайлец М. А. Рамесныя традыцыі Навагрудчыны: праблемы захавання.....	45
Міхедзька В. А. Палітыка расійскага самадзяржаўя і праваманархічныя грамадска-палітычныя сілы ў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя	48
Моторова Н. С. Оценка деятельности органов городского самоуправления Беларуси во всеподданнейших отчетах губернаторов (первая половина 1880-х годов)	50
Новогродский Т. А. Традиции питания белорусов в этнографическом наследии Е. Р. Романова	53
Селях А. А. Адаптация заходнепалескіх сельскіх дзяўчат у сацыякультурнай прасторы горада (у другой палове XX стагоддзя): да пастаноўкі пытання	56
Сінякова О. В. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК – СМ БССР (1944–1965) (по материалам Национального архива Республики Беларусь)	58
Старовийтов М. И. Уровень грамотности и образования сельского населения Гомельской области в конце 1930-х годов.....	61
Тимофеев Р. В. Использование 80-летия Великой Победы для патриотического воспитания молодежи в вузах Беларуси	64
Ткачук А. А. Головные уборы среднего и старшего командно-начальствующего состава РККА (1935–1945)	66
Тыкун С. И. Гомельский пересыльный лагерь советских военнопленных ДУЛАГ-220 (сентябрь 1941 – январь 1942 года)	69
Шкрабова Т. А. Одежда детей в городской и сельской местности на Гомельщине в 1950-е – середине 1980-х годов	73

Шрамук Е. П. Становление рабоче-крестьянской инспекции советской Беларуси как органа партийного контроля в 1919–1923 годах (по декретам советского правительства).....	76
Яшчанка А. Р. Сучасная музейная экспазіцыя, прысвечаная гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны (да 95-гадовага юбілея ўстановы)	79
Звесткі пра аўтараў	81

Навуковае электроннае выданне

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XXI СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Матэрыялы Рэспубліканскай
навуковай канферэнцыі

(Гомель, 16–17 кастрычніка 2025 года)

Зборнік матэрыялаў

Падпісана да выкарыстання 03.12.2025.

Аб'ём выдання 1,57 MB.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі

“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.

Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013 г.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,

распаўсюджвалльніка друкаваных выданняў у якасці:

выдаўца друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013 г.;

распаўсюджвалльніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017 г.

Бул. Савецкая, 104, 246028, Гомель.

<http://conference.gsu.by>